

# Часть первая

# МЕТРО И ВОЛЯ

Глава 1

ПРЕДЧИСЛОВЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

## **Глава 1**

### **ПРЕДЧУВСТВИЕ ПЕРЕМЕН**

Это было неясное предчувствие того, что сегодня должно произойти нечто необычайно важное. Оно пришло к Анатолию в тот тонкий, как паутина, отрезок времени, когда сон тает в шуме наступившего утра, а бодрствование еще не вступило в свои права. Некоторое время Толя лежал с открытыми глазами в темной, пропитанной запахом чада палатке, пытаясь отыскать в событиях минувшего дня тайные знаки, зарубки на стволе бытия, которые дали бы ответ на вопрос, почему именно нынешний день должен стать исключительным, поворотным в его судьбе? Из важных событий вчера произошло только одно...



Отработав свою смену на свинофермах Речного Вокзала, Анатолий попал на общее собрание. Как раз голосовали за предложение дяди Миши, известного под партийным псевдонимом Нестор, переименовать станцию Войковская в Гуляй Поле. Бурных прений не случилось, однако, как всегда, нашлись и недовольные. Предводителю Повстанческой армии метро пришлось делать экскурс в историю и рассказывать соратникам о том, каким подонком был большевик Войков, участник екатеринбургского расстрела семьи Романовых. Потом Батяка доходчиво объяснил, что название Гуляй Поле будет как нельзя лучше соответствовать новой сущности бывшей Войковской как столицы свободного содружества анархистов. Рассказ о реформах, предпринятых Махно в годы процветания его гуляйпольской республики, изобиловал такими красочными и комичными подробностями, что Толя едва удерживался от смеха.

Анатолий, хотя до тридцати ему было еще далеко, на анархистских теориях съел собаку, и в идеологических спорах, если они не доходили до кулаков, многих мог уложить на обе лопатки.

Попытки исторического Нестора Ивановича Махно на практике осуществить в годы гражданской войны наработки Кропоткина и Бакунина казались Анатолию наивными. Ему бы очень не хотелось, чтобы здесь, под землей, воплощение в жизнь идеалов свободы и нравственности свелось к созданию на их станции уменьшенной копии Гуляй Поля образца девятнадцатого года прошлого столетия. При этом Анатолий понимал, что многим рядовым анархистам Войковской по душе именно такой бесшабашный вариант воли и что для того, чтобы выкорчевать из сознания людей рефлексy примитивного народовластия в духе Запорожской Сечи, потребуется много времени, терпения и силы убеждения.

Последней у Нестора хватало с избытком. Предводитель анархистов обладал внушительной фигурой и бесспорным талантом оратора. Это был титан двухметрового роста, с густой гривой седых, отливающих сталью волос и четкими, словно выбитыми на античной монете, чертами лица. Он был наряжен в некогда черный, а ныне потертый до желтизны кожаный плащ, раритетную шапку-кубанку, добытую чуть ли не в самом Музее революции, широкие галифе и собранные в гармошку высокие яловые сапоги из той же разграбленной экспозиции. Этот великан был непререкаемым лидером анархистской вольницы.

Анатолий в очередной раз поразился особенностям ораторского таланта Нестора. В узкой компании глава Повстанческой Армии не отличался красноречием и предпочитал помалкивать и слушать. Но стоило ему оказаться перед большой аудиторией, как от стеснительности его не оставалось и следа. Когда Нестор выступал перед людьми, потряхивая гривой отливающих сталью волос, от него веяло непоколебимой уверенностью в собственной правоте. Батяка, в отличие идеалистов-теоретиков вроде Анатолия, умел вести толпу за собой...

Толя родился в семье московских интеллигентов. Мать возглавляла научно-исследовательскую лабораторию в Московской сельскохозяйственной академии на Тимирязевской, отец был редактором крупного литературного журнала, поэтому Толины детские годы прошли среди книг, которые читал не всякий взрослый, под аккомпанемент кухонных разговоров о морали, нравственности и ответственности художника перед обществом.

Толю тоже воспитывали в этом духе: ответственным юным художником. Самостоятельным он стал рано. Уже в



шесть лет он в одиночку ездил брать частные уроки игры на скрипке и без приключений добирался домой через две станции метро.

Родители его погибли в самом начале Катаклизма. Толе повезло дважды. В тот день, когда их девятиэтажка была сметена с лица земли взрывной волной, мальчика со скрипкой в обнимку как раз отправили на занятия. Встречный поток хлынувших под землю до смерти перепуганных людей не дал ему подняться на поверхность.

Одинокого, заплаканного мальчугана заметил такой же одинокий, потерявший всех близких старик. Звали его Иннокентием Вениаминовичем. У Толи с собой была только скрипка, а у Иннокентия Вениаминовича – батон белого за двадцать рублей. Толе он отдал половину.

Второй шанс был дан Анатолию его ангелом-хранителем в тот день, когда Иннокентий Вениаминович поддался на уговоры своего знакомого перебраться с Тимирязевской на Войковскую. У старика частенько шалило сердце, а на Войковской, по слухам, обосновался чудом выживший главный кардиолог ЦКБ, настоящее светило. После долгих раздумий Иннокентий Вениаминович согласился и вместе с Толей с Тимирязевской ушел. А еще через три дня Тимирязевской не стало: крысы сожрали. Всех сожрали, и того знакомого, что уговаривал старика идти на Войковскую.

Только на прием к кардиологу Толин благодетель так и не попал. Где-то по пути, в черном туннеле Иннокентий Вениаминович бросил вдруг рассуждать о судьбе человечества, сел на пол, взялся рукой за грудь и стал умирать. Он хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и лицо его становилось серым, а губы – синими. И Толя ничего не мог сделать. С тех пор он еще много смертей видел, и не

боялся их больше, и им не удивлялся. Но ту, давнюю, первую, запомнил навсегда.

Старик упал к Толиным ногам. Глаза его закрылись и погасли, как окна дома, в котором выключили свет. Все.

Беды Толины на этом не кончились. Мальчик пристал к проходившему мимо каравану, но неудачно. Караван перевозил какую-то военную химию и шел под усиленной охраной и в большой секретности. Но те, кому надо, о грузе, видно, знали. Караван попал в жестокую мясорубку. В контейнеры попало рикошетом, и один взорвался, выбросив ядовитое облако. Толя чудом выжил, но знакомство с отравляющим аэрозолем кожно-нарывного действия оказалось знакомством на всю жизнь. На ногах у него появились трофические язвы, которые никак не хотели заживать. Победить болезнь не удалось, а остановить получилось. Случайно, по наитию. Приютившая мальчика добросердечная жительница Войковской, тетка его ровесника Сережки, не знала тонкостей лечения трофических язв. Она просто не жалела для воспитанника дефицитного мыла и дважды в день промывала и перевязывала раны прокипяченными и тщательно высушенными полосками ткани. Болезнь отступила, но не сдалась окончательно, и для подросткового Анатолия забота о своих ногах стала привычным делом вроде утреннего умывания. Так он и остался на Войковской. Анархисты-повстанцы взяли на станции власть уже при нем, много позже.

Анархисты заявили о себе как о самостоятельной силе в конце войны Красной линии с Содружеством Станций Кольцевой линии. Нестор, которого Анатолий знал еще в те времена, когда его звали дядей Мишей, сначала воевал за красных, но потом что-то с ними не поделил. Добрался



со своими людьми до Войковской и обосновался на ней. Все те, кто считал Москвина и всю Красную линию предателями революционных идеалов, прибились к партизану дяде Мише. Дальше – больше. Мишин отряд перешел на сторону Ганзы и помог Кольцу выиграть несколько важных сражений с коммунистами. Это, как объяснял дядя Миша потом своим бойцам, был союз временный, тактический.

Ганза была за частную собственность, за правый порядок, а у дяди Миши от одних этих слов начинал дергаться глаз. Когда красные подослабли и громить их стало уже неспортивно, Мишины бойцы переключились на Ганзу – потихоньку, исподтишка. Грабили награбленное. Кто-то тогда и подсказал партизанскому командиру, что ведет он себя в точности как Нестор Махно в гражданскую войну. Мише сравнение понравилось, запало. Вспомнив школьную программу, он, наконец, понял, какая идеология ему всех роднее.

И определился окончательно: взял себе псевдоним Нестор – ясное дело, в честь Махно. И заодно присвоил девиз зеленых «Бей красных, пока не побелеют, бей белых, пока не покраснеют!». Когда война между Ганзой и коммунистами пошла на убыль, призыв утратил актуальность. Вместо него Нестор провозгласил тогда лозунг «Воля или смерть!», написав его белыми буквами на черных полотнищах под черепом и скрещенными костями. Этими транспарантами были увешаны все стены и колонны Войковской, на которую с той поры стали стекаться все, кто считал любой намек на государственное регулирование личным оскорблением, а попытки посягнуть на свободу личности – смертным грехом.

Под черные знамена батьки Нестора становились и вольнолюбивые бродяги-челноки, и сталкеры, привлечен-

ные возможностью раздобыть на Войковской оружие и снаряжение, и бывшие коммунисты, и даже ганзейские купцы, которых чем-то обидели на Кольцевой.

Войковская превратилась в Гуляй Поле задолго до того, как Нестор поставил это решение на голосование. Здесь процветала торговля оружием, дурью и самогоном, по сходной цене можно было купить женскую любовь. Впрочем, повальные кутежи, в которых деятельное участие нередко принимал и сам Батяка, не мешали анархистам оставаться серьезной военной и политической силой, с которой вынуждены были считаться другие станции Метро.

Не понятно как, но при первой надобности Нестор мог одним мановением руки восстановить железную дисциплину, сплотить разномастное отребье, направить его энергию и волю на большие свершения. Вернее сказать, разрушения.

Анархизмом на станции увлеклись не на шутку. Учебники истории Гражданской были на Войковской на вес золота. Самые отчаянные из идейных в костюмах химзащиты отправлялись в Великую Библиотеку за книжками Бакунина и Кропоткина. В пьяном угаре из-за нюансов идеологии могли выбить зубы или ткнуть напильником в печенки.

Нестора обвиняли в тяготении к махновщине. Батяка защищался, напоирая на то, что со временем, отсеяв случайных попутчиков, обязательно вернется на почву анархокоммунизма.

Во времена идейных диспутов проститутки и торговцы вели себя тише воды, ниже травы. Командование принимало решения о силовых акциях, и по приказу Нестора в сторону Кольца мчались похожие на махновские тачанки дрезины с установленными на них ручными пулеметами Калашникова.



Под властью анархистов находились две последние станции Замоскворецкой линии. Жившие там люди охотно признавали себя подданными Нестора. Хоть Нестора, хоть черта, лишь бы это давало им возможность спокойно трудиться на свинофермах и грибных плантациях. О подопечных Батька заботился, проводил полезные реформы, ввел для своей шантрапы трудовую повинность и сам подавал пример бойцам. Дважды в неделю, даже с большого похмелья Нестор лично работал на свиноферме. Думал он и о просвещении подданных – требовал все время пополнять библиотеку, расположенную на Водном Стадионе – культурном центре общины анархистов. Там, кстати, находилась и редакция малотиражной газеты, позволявшей себе (неслыханное дело, например, для коммунистов!) критику власти Нестора. Батька без всяких оговорок твердо стоял на почве свободы слова. А вот, скажем, товарищ Москвин, генсек Компартии Метрополитена, был не в пример обидчивее. На Красной линии все сотрудники редакции давно бы уже с высунутыми языками висели на выходе из метро.

Анатолия, который молился на идеалиста Кропоткина, такая жизнь покуда устраивала. Он Батьке верил и думал, что рано или поздно Нестору удастся развернуть своих сторонников к нравственным идеалам князя Кропоткина. Войковскую Толя искренне считал второй родиной и, случись что, за удивительную ее демократию готов был бы жизнь положить. Защищать ее до последнего вздоха. Да, защищать. В этом был ключ к разгадке утренних предчувствий.

Анатолий сел на постели, потер глаза и отбросил старое пальто, служившее ему одеялом. Теперь он не сомневался – анархистам, а может, и всему Метро угрожает опасность.

Но не та, что всегда — ни на что не похожая... Не таинственные существа, обитавшие в потаенных уголках и переходах подземки, куда не попадал ни один луч света. И не та нечисть, которая пыталась вползти в Метро с поверхности. Беда придет совсем не оттуда. Ее следовало ожидать от... Тут полет птицы-мысли прервался, и она камнем рухнула вниз.

Страшнее человека зверя нет. В Метро с избытком хватало людей с амбициями. Теперь ведь мир было захватить куда проще — что от него и осталось-то? Никто, казалось, и не помнил уже, что тот, большой, прежний мир сгубили люди такие вот, идейные.

«Ничего; как-нибудь все объяснится», — думал Толя, чиркая кремнем. Пальцы со сна были мертвые, бесчувственные. Огонек в керосинке, подвешенной под потолком, ожил не с первого раза.

Порядок в Толиной палатке царил идеальный.

Вольница вольницей, а в своем доме без порядка никуда. Еще Иннокентий Вениаминович любил повторять, что без порядка и уюта человек в Метро скоро озверевает. Поэтому тут у Анатолия все было по правилам, по часам. У жизни, подчиненной жестким законам Метро, существованию, были тоже свои правила, и любой сбой мог повлечь необратимые, катастрофические последствия. А виновник этого сбоя автоматически заносился в список не просто нарушителей, а самых что ни на есть преступников.

Анатолий осмотрел свое имущество, уместившееся в углу одноместной палатки. К своим двадцати семи годам он сумел скопить совсем немного: это были его старое, изъеденное молью пальто, служившее по совместительству одеялом; грубые, слишком большие по размеру ботинки без



шнурков, опасная бритва с когда-то белой, но пожелтевшей от времени ручкой, закопченный чайник, покрытую вмятинами алюминиевую кружку и сильно облысевшее махровое полотенце. Какой-никакой, а все-таки багаж.

Особой же гордостью Анатолия была личная библиотека, состоявшая всего из четырех книг, умещавшихся в футляре из-под скрипки. Первые две принадлежали перу князя Петра Кропоткина – потрепанная брошюрка «Свобода и нравственность» и книга «Хлеб и воля», потерявшая в странствиях по Метро свою обложку. Третьей была «Мастер и Маргарита» с обширными комментариями, а четвертой – томик стихов «Путь конкистадора» Николая Гумилева. Если первые две книги Анатолий раздобыл сам, обменяв их на скрипку уже в зрелом возрасте, то Булгаков и Гумилев достались в наследство от Иннокентия Вениаминовича.

Для Анатолия между революционными идеями и подлинной поэзией было что-то общее, какие-то невидимые струны были натянуты. В революции была поэзия. Разве не являлся поэтом команданте Че Гевара? Только поэт мог променять престижную должность в правительстве новой Кубы на автомат и боливийские джунгли. Кропоткин тоже был поэтом в своем роде. Он ведь не только пытался перестроить мир как революционер, но одновременно изучал его как географ. Последним трудом патриарха анархизма стал научный доклад «О ледниковом и озерном периоде».

Только поэты и мечтатели способны сделать мир лучше, даже если весь этот мир умещается в норе под названием Метро.

Что касается томика гумилевских стихов, то он имел для Анатолия чисто символическое значение. Частичка прошлой жизни, пылинка, занесенная всесокрушающим ура-

ганом перемен под землю, и соломинка, за которую только и мог ухватиться утопающий.

Мама и папа Толины хотели, чтобы мальчик вырос художником и музыкантом. Толя и сам об этом мечтал раньше. Но Апокалипсис, превративший огромный город в руины, а все чаяния и мечты его жителей в смытые волной прилива песочные замки, заставил его передумать. В творческой области он решил положиться на профессионалов. Стихи не раз помогали ему победить тоску, которая хоть и была в Метро обычным делом, но временами становилась настолько невыносимой, что хотелось лезть в петлю. Анатолий глядел на пожелтевшие странички, и холодная волна душевного мрака разбивалась о скалу простеньких и милых сердцу четверостиший:

Я знаю веселые сказки таинственных стран.  
 Про черную деву, про страсть молодого вождя,  
 Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман  
 И верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

В стихах все было донельзя романтично, волшебно, непонятно: таинственные страны, любовные переживания черной девы и молодого вождя... Ничего от этого не осталось. Теперь есть только темные туннели и свинцово-серый дым костров. Теперь есть только Метро, последнее пристанище потерпевшего кораблекрушение человечества.

На Войковской ценителей прекрасного было немного. Тем, кто любил высокую поэзию, в бане мыло на пол было лучше от греха подальше не ронять. Суровые нравы... Настоящим мужчинам подобало веселиться под фронтовые песни «Любэ» в собственных аранжировках.

Анатолий невесело усмехнулся.



Судя по доносившемуся с платформы шуму, станция Гуляй Поле проснулась. Волей-неволей приходилось оставить размышления на цветочно-небесные темы и окунуться в простую, как табурет, реальность. Начиналась реальность утром в качалке – закутке со спортивными тренажерами, укрытом брезентовыми ширмами. «В здоровом теле – здоровый дух», – говорил Батька. Молодежь соглашалась.

Ну, тренажеры – это сильно сказано. Тренажерами на Войковской громко именовались разнообразные железяки. Спортивные энтузиасты тащили в качалку все, что хотя бы отдаленно напоминало о тяжелой атлетике. Штанги успешно заменялись ржавыми осями с шестернями и колесами, гири – тяжеленными обрезками металла, а происхождение более сложных механизмов с рычагом, пружинами и противовесами зачастую вообще невозможно было определить. Их родословную знал только друг Толи – Сергей, который все свободное время посвящал конструированию новых спортивно-механических монстров.

По платформе деловито сновали челноки. Пешком в здешние нехорошие туннели они отправлялись неохотно, старались дожидаться попутных дрезин, снабженных пулеметами. Дрезины шли нечасто, и в ожидании челноки коротали время за разговорами о том о сем, тыкали пальцами в разномастные, но одинаково засаленные карты Метро, мусолили сплетни, обсуждали бескровные маршруты.

Анатолий умылся у крана, приваренного к ржавой бочке, кивнул знакомому пареньку, отвечавшему за приготовление утреннего чая, взял с деревянного стола кружку терпкого, заваренного на грибах, напиток и пристроился на свободной скамейке. Отхлебывая чай, он смотрел по сторонам и прислушивался к разговорам. Вдруг услышит что-то... Что-то, обещанное ему тревожным сном?

– Салага! – долетело до него. – От Охотного ряда до Тверской ты транспорта днем с огнем не сыщешь. Придется пешком по туннелю топать.

Анатолий обернулся. Пожилой челнок в длинном, мятом плаще цвета хаки и широкополой шляпе, из-под которой выбивались седые космы, усевшись на огромный баул, учил жизни своего молодого коллегу – щуплого веснушчатого паренька, наряженного в спортивные штаны и короткую телогрейку, из многочисленных дыр которой неопрятными клочьями торчала вата.

– Ну и что? Пешком, так пешком, – примирительным тоном сказал парень. – Ноги не отвалятся.

– Ноги, может, и не отвалятся, а вот голова... В этом туннеле, дружок, сама Мамочка живет. Слышал? А с ней шутки плохи. Не успеешь глазом моргнуть, в боковой туннель заманит и... Поминай, как звали! Неужели не знаешь? Ходит по туннелю тетка в драном пальто, босая, с распущенными волосами и у всех встречных милостыню просит. А за руку ребятенка лет пяти с собой водит. Пацан молчит, только жалобно хныкает. Вот заведет Мамочка свое: «Подайте, люди добрые, на пропитание!», а эхо ее голос подхватит, от стен многократно отразит и превратит во что-то наподобие волчьего воя. Будь ты хоть трижды смельчаком, а поджилки-то затрясутся...

– А если подать? Сунуть ей пару патронов?

– Был такой. Из наших. Петька с Бауманской. Сунул. Мамочка за подаванием руку протянула, а вместо ладони у нее – голые кости!

– Да хорош ты! Откуда такое тут взяться может?!

– Разное люди рассказывают. Мне вот во что верится... Еще до того, как все в тартарары полетело, Мамочка неподалеку от нашей станции жила. Она тогда обычным челове-



ком была, с мужем, с ребенком... В последние годы, ты это вряд ли помнишь, экономический кризис разразился. Муж у нее потерял работу. Кое-как они тянули еще, с хлеба на воду перебивались, а потом все-таки повезло ему. В общем, нашел хорошее место. Выехал утром на работу и не вернулся. Мамочка только к вечеру из теленовостей узнала, что маршрут, в которой ее супруг ехал на работу, раздавил всмятку грузовик. Всем пассажирам – амба. Всю ночь Мамочка проплакала, а утром взяла сына и отправилась в Метро. Дождалась ближайшего поезда и спрыгнула вместе с пацаненком на рельсы... Жуткая смерть. А когда люди вот так без покаяния умирают, то их души покоя не находят. А чтоб им не скучно было, собирают себе компанию из таких дураков, как Петька. Он, между прочим, недолго после той встречи с Мамочкой прожил. Повадился, черт знает почему, в тот туннель шастать. Будто магнитом его тянуло. А когда в очередной раз к Мамочке поперся, назад уже не вернулся. Небось, гуляет теперь вместе со своей подругой по темным закоулкам, скалится. Так-то, желторотик. Слушай старших. Мы с тобой от Охотного ряда до Тверской другим путем доберемся. Если, конечно на Обходчика не нарвемся.

– Дядь Вань... – Паренек попытался остановить челнока; но того уже понесло.

– Он похлеще Мамочки будет. Тоже мертвяк. Обходчик еще до войны в Метро объявился. Про него даже книжки писали и кино снимали. Только брехня все это. Обходчик вовсе не молотком людей убивает, а фонарем. Идешь ты по туннелю, слышишь впереди чьи-то шаги. Окликаешь, понятное дело. Тут-то Обходчик свой фонарь и включает. Свет у него не желтый и не белый, а синевато-зеленый. Болезненный такой, мертвенный. Если сразу на рельсы не брякнешься и голову руками не прикроешь – пиши пропа-

ло. Фонарь Обходчика глаза живым выжигает, а уж потом... Или он тебя лично в преисподнюю утащит, или сам туда слепым приковыляешь – большой разницы нет. Самое страшное, что Обходчик может в любом туннеле объявиться. Немало он наших ребят загубил.

Анатолий допил чай. Байки о призраках он слышал каждый день: сидишь на этом самом месте, чаи гоняешь, а вокруг челноки друг друга страшат. И врут, конечно, порядком, но и правду говорят. Тут, в Метро, врать особо не нужно. Оно само любой твоей выдумки и страшнее, и изобретательнее.

В качалке уже ворочали железо человек двадцать. Толя снял свитер перед большим, треснувшим в нескольких местах и сильно помутневшим от времени зеркалом. Пригладил растрепанные каштановые волосы и бросил мимолетный взгляд на свое отражение. Из зазеркалья на него смотрел молодой человек с узким, скуластым лицом, густыми бровями вразлет, высоким, чистым лбом, тонко очерченным носом и сосредоточенным взглядом карих глаз. Чуть выше среднего роста, мускулистый и поджарый, он выглядел из-за бледности и худобы старше своих лет, как, впрочем, и большинство его выросших под землей сверстников.

Только Анатолий был поопытнее и многих взрослых. Ему уже не раз и не два приходилось участвовать в вылазках против наседавших красных, и из каждого боя он возвращался будто на год старше. На Войковской его после этих стычек зауважали. Если требовалось назначить кого-то старшим, начальство часто выбирало Анатолия: может и решение принять, и выполнить его всех заставить. А с анархистами как с волками: кого попало они слушаться не будут, тут надо быть прирожденным вожаком.



Сергея, вооружившись гаечным ключом, трудился над очередным изобретением. Он сидел на корточках под затертым, склеенным во многих местах плакатом с изображением Эрнесто Че Гевары. Анатолий лично выменял этот плакат у заезжего челнока, пожертвовав неимоверным количеством патронов. Сначала хотел украсить им свою палатку, но плакат не влез, а складывать его или тем более обрезать было настоящим кощунством. В конце концов портрет бородача в берете был прикреплен к брезентовой стене качалки, а Толе пришлось объяснять друзьям, за что кубинец был удостоен такой чести. В итоге удалось добиться маленькой, но, без сомнения, важной победы: на команданте Эрнесто стали смотреть с уважением все постоянные посетители качалки.

Анатолий размялся, потянул было лежавшую на выложенном бело-розовой плиткой полу штангу с массивными колесами... И тут в качалку вошел Аршинов – коренастый мужик с невыразительным лицом общеармейского типа. На плечи у него, как бурка, была накинута замызганная офицерская шинель без погон и знаков отличия.

– Томский, срочно к Нестору... – кивнул он Толе.

Натягивая свитер, Анатолий слышал, как Аршинов перечисляет имена его друзей, тоже вызванных к Батьке. Все как на подбор – боевики. Похоже, утренним предчувствиям суждено было сбыться: намечалась серьезная диверсия. В воздухе запахло грозой.

## **Глава 2**

### **КРАСНЫЙ НИКИТА**

Анатолий, хоть и считался опытным бойцом, в палатке у Нестора раньше не бывал. Обычно диверсантов инструктировал Дед – бывший офицер-десантник, прошедший за время своей службы в российской армии несколько горячих точек. Однако неделю назад Дед пропал без вести. Старый головорез не боялся ни Бога, ни черта, и частенько отправлялся в прилегающие к Войковской туннели – вроде как исследовать их, а на самом деле просто щекотать себе нервы.

Уходил в свои экспедиции с трехдневным запасом еды, питья и махорки, чтобы потом докладывать Нестору о полезных находках и различных странностях, которые обна-



руживал в бескрайних, неведомо для каких целей и кем сооруженных лабиринтах. Дед никогда не пропадал больше чем на четыре дня, поэтому на пятый на его поиски направили специальную группу. Отряд вернулся ни с чем, и Деда перестали ждать, определив в покойники. Анатолий подумал ненароком, а не для того ли его вызвали, чтобы предложить освободившуюся вакансию?

Штабная палатка была ярко освещена. В обычных каморках царил сумрак, лишь немногим дозволялось зажигать лампадки; но в жилище командующего Повстанческой армии был подведен ток со стационарных генераторов.

Ширма популярного на Войковской – от безысходности – черного цвета разделяла палатку на две половины. В дальней находились личные апартаменты Батки. Жил Нестор чуть богаче рядовых анархистов, но комфортным его жилье назвать было нельзя.

Весь интерьер состоял из раскладушки, продавленного кресла, обшарпанного, заваленного бумагами письменного стола, тумбочки, книжной полки и старого шифоньера. Добра, положим, больше, чем у Анатолия, но даже с кабинетом какого-нибудь аппаратчика с захолустной красной станции не сравнить.

Большую часть ближней половины занимал круглый обеденный стол. На нем была разложена карта Метро, громадная, склеенная из десятка полос комнатных обоев. Таких здоровых и подробных карт Анатолию прежде видеть не приходилось. Все привычные линии Метро были нарисованы черным пунктиром. И это было понятно. За годы, проведенные под землей, любой обитатель Метро мог назвать все станции и рассортировать их по линиям наизусть.

Ценность карты Нестора заключалась в том, что на ней разноцветными карандашами были отмечены неизвестные

и не указанные на обычных картах ответвления, вентиляционные шахты и коридоры. Карта была испещрена многочисленными вопросительными и восклицательными знаками. Наверное, вопросы ставились в пунктах, которые еще не были разведаны до конца, или преподнесших разведчикам новые сюрпризы, а восклицательные знаки означали опасность. По карте были разбросаны патроны разных калибров, словно фишки на игровом поле. В нескольких жестяных банках дымились окурки.

Нестор кивнул пришедшим, и те, кашляя и оглядываясь, стали располагаться вокруг стола. Места занимались согласно незримой табели о рангах. Батька расположился в кресле с высокой спинкой и обитыми кожей подлокотниками. Начальник местной контрразведки, известный на Войковской как товарищ Каретников, а на других станциях, наверное, под другими именами, занял стул, спинка которого была сработана из красного дерева и покрыта затейливой резьбой. Аршинов провалился в брезентовый шезлонг, а семеро приглашенных ребят приткнулись на грубо сколоченных табуретах и длинной деревянной лавке.

Только теперь Анатолий заметил невысокого пухлого мужичка, настороженно выглядывавшего из-за спины Батьки. В детстве Анатолий видел фильмы о Второй мировой войне и смутно припоминал форму офицеров НКВД. Именно в нее был облачен незнакомец. От темно-синих гаулифе, наглухо застегнутого кителя цвета хаки с ромбиками на петлицах, фуражки с краповым околышем и синей тульей веяло музейным духом, да и глаза из-под козырька глядели смурные, казенные. Этому опереточному офицеру-энкаведэшнику оставалось только гаркнуть «За Родину! За Сталина!», чтобы войти в образ окончательно. Незнакомец сразу и бесповоротно Анатолию не понравился.



Взмахом руки Нестор оборвал шепоток:

– То, что я сейчас расскажу, – произнес он, похрустывая пальцами, – должно остаться между нами. Да даже и соберись вы кому об этом рассказывать – не поверят... Слышал кто-нибудь из вас, молокососов, про евгенику? О попытках нацистских ученых создать совершенного человека? В СССР тоже была такая наука, и опыты ставились. Немцев за эти опыты потом под трибунал отдавали и вешали. Но это не оттого, что они преступления против человечности совершали, а потому, что Германия проиграла ту войну. А мы выиграли. А победителей не судят. И за опыты над людьми не судят тоже. До распада СССР опыты продолжались...

Молодежь снова зашепталась. Опереточный энкавэдэшник обвел говорунов нехорошим взглядом, словно мух ловил на липкую ленту. Нестор нахмурился и повысил голос:

– Потом, понятно, были прерваны, потому что кончились деньги. И смысла особого не было. А вот после Катаклизма, как выясняется... – он оглянулся на энкавэдэшника, – продолжились. На Красной линии.

– И чего они там, с золотыми яйцами людей выводят? – хмыкнул Серега.

Аршинов потянулся к нему из своего шезлонга и влепил звучную затрещину. Остальной выводок примолк.

– Вывели уже почти, – тряхнул гривой Батка. – Вот, доносят, что красные на пороге создания... Генетического... – он с нова оглянулся на офицера.

– Генетического модификатора, – зашлепал губами энкавэдэшник. – Это как бы вирус, который запускается в организм живого человека и постепенно перестраивает его. Вирусы ведь меняют генокод...

– В общем, будут они делать сверхчеловеков, которые радиацию смогут переносить с легкостью. То, что для нас –

смертельная доза, им будет – тьфу, – снова вступил Нестор. – Что это значит?

– Значит, если мы такую штуку получим... – начал было Анатолий, но Батяка не дал ему договорить.

– Нет, Томский. Это значит, что если они такую штуку получают, вся поверхность над Метро их будет. Все оружие, вся аппаратура, до которых никакие сталкеры добраться не могли, – все будет их. То-то они себе империю построят! Чаша весов окончательно склонится на сторону красных. Они подомнут под себя Ганзу, потом остальные станции... Допустить этого нельзя. Мы решили взять на себя ликвидацию лаборатории и лиц, причастных к проекту. Эта чертова штуковина не должна достаться никому.

Нестор замолчал, и в штабной палатке повисла недолгая тишина. Каретников не выдержал первым:

– Зачем же уничтожать-то? Если эта генетическая перестройка дает такие возможности, надо просто выкрасть технологию! Если у нас в руках такая сила окажется...

– И это говорит анархист? – с осуждением покачал головой Нестор. – Они же новую расу создавать собрались. Мне жизнь урок один дала: за все-то в ней, суке, платить приходится. Кто знает, чем эти сверхчеловеки будут расплачиваться за свою невосприимчивость к облучению? Будут ли они вообще людьми? А ты ими еще и управлять хочешь? Нет, брат. Я к этому не готов. И ты к этому не готов тоже.

Каретников съезжился и смирился с поражением. Нестор обернулся к энкавэдэшнику и показал на него рукой.

– Забыл представить: Никита, – сказал Батяка, обращаясь к собравшимся. – Он к нам прямиком с Дзержинской пожаловал. Так сказать, из самого осинового гнезда. Никита душил всю жизнь врагов народа, а потом вдруг передумал. Обидели его. Решил Никита бежать, а чтобы мы ему поли-



тическое убежище дали, он нам и принес эти ценные сведения. Баш на баш. Так?

— Я сюда по идейным соображениям пришел, — затараторил толстячок. — А в доказательство искренности моих намерений готов помочь проникнуть в лабораторию на Дзержинской. Ею руководит профессор Корбут...

Никита выполз, наконец, из-за широкого Батькиного плеча, подгреб к себе карандаши и принялся чертить на карте ходы-переходы, не прекращая бубнить о своем. Анатолий следил за ним внимательно и запоминал. А другая половина его мозга работала: подсознательно он уже понимал, что его назначат командиром диверсионной группы. Вот и он, поворотный момент в судьбе.

Опять какие-то сволочи хотят насильно осчастливить человечество. Опять хотят экспериментов над телом и над душой. Будут конструировать нового человека. Неподвластного радиации... И только? «Не верю, — думал Анатолий. — Им на этом останавливаться неинтересно. Им нужен человек, совершенный во всем. Идеальный солдат. Послушный. Безжалостный. Неуничтожимый. Без личности. Шестерня, а не человек. Шестерня, из которых они будут собирать свою вселенскую мясорубку».

Что за человек Корбут? Кто бы он ни был, что бы им ни двигало, этому человеку придется умереть.

Никита божился, что сможет довести диверсионную группу к Дзержинской через Проспект Маркса... То есть, через Охотный ряд. Дайте, мол, только шанс проявить себя, доказать свою преданность... И неуловимым, перетекающим движением, как улитка в раковину, он спрятался обратнo за спину Нестора.

— До Охотного еще добраться надо, — мрачно заметил Батя. — Маяковскую проскочите без проблем, там без-

властие. Что до Чеховской, то придется договариваться с фашистами. Анатолий – ты старшим группы пойдешь...

Готовился Толя к этому, готовился, а все равно что-то екнуло.

– А значит, и переговоры с этими головорезами вести будешь, – наставлял Нестор. – Спросишь Малюту. Этот у них один из главных. Передашь привет от дяди Миши. У Малюты передо мной должок имеется. Думаю, не забыл. Теперь, Каретников, тебе слово.

– Всем выдадут пистолеты с глушителями. Калаши – только для отхода. Оружием, взрывчаткой и снаряжением обеспечит Аршинов. Он все подготовит заранее и встретит вас на Белорусской.

Обсуждение деталей и напутственное слово Нестора заняли еще полчаса. Все это время Анатолий пытался поймать взгляд перебежчика Никиты. Безуспешно. Тот все время прятался в своей раковине. Когда с делами было покончено и Толя с командой выбрался наружу, он уже четко знал: с этого человека глаз спускать нельзя.

Группа отправилась в столовую, а Анатолий – к Аршинову; тот стоял у одной из палаток и пытался сбить цену на бутылку самогона. В конце концов, сменив пряник уговоров на кнут угроз, он с многообещающим видом шепнул торговцу:

– Вижу, не нравится тебе на нашей станции торговать. Хочешь, в пять минут устрою, что твоего духа здесь не будет?

– Не надо! – испуганно замотал головой торговец. – Будь по-твоему. Эх, сплошные убытки с вами!

Аршинов сунул бутылку в карман шинели, кивнул Анатолию:

– Пойдем, жаждем за компанию!

– Не пью.



– А я, знаешь ли, злоупотреблю. Имею такую слабость.  
 – Кто уж не знает... – пробормотал Толя.  
 – Молчать! – Аршинов сделал внушительный глоток са-  
 могона и ткнул пальцем вверх. – Знаешь ли ты, губошлеп,  
 что есть такое российский прапорщик?

– Ну... Звание такое армейское. – Толя мялся, не зная,  
 как перейти к нужному.

– Ха, звание! Это не звание, а образ жизни. Метод мыш-  
 ления. Ни одна армия без нашего брата не обойдется. Ни  
 там, наверху, ни, тем более, здесь, под землей. Я, соколик,  
 неподалеку отсюда служил. Моя часть в Тушинском лесопарке стояла. Ленинградское шоссе, номер... Хотя какая те-  
 перь, к черту, разница! Нет уже ни части, ни шоссе. А я ос-  
 тался. Мы заранее знали, что эта хренотень начнется. Ну и  
 начали военное имущество в спешном порядке вниз пере-  
 носить.

Аршинов вновь приложился к бутылке и опорожнил ее  
 в один глоток.

– Фу-у-у, ну и гадость. Ничего, Анатолий. На Белорус-  
 ской я тебя настоящим спиртом угощу. Довоенным – паль-  
 чики оближешь. У меня ведь там не только пластиковая  
 взрывчатка и автоматы. Все в хозяйстве имеется.

– Где встретимся?

– Деловой ты парень, Толян! – Аршинов дружески хлоп-  
 нул Анатолия по плечу. – С таким в разведку идти можно,  
 елы-палы!

Анатолий вздохнул. Операция предстоит сложная.

– И все-таки, где?

– В Караганде! Считай боковые туннели. Те, что по пра-  
 вой стороне. Я из девятого сигнал фонариком подам. Три  
 короткие вспышки, три длинные и опять три короткие. Се-  
 чешь?

– Так точно.

– Ничего ты не сечешь. Я срочную в морфлоте радистом барабанил. И этот сигнал на азбуке Морзе означает SOS. Понял, голова два уха?

Анатолий кивнул, но думал не о морфлоте и не об азбуке Морзе, а о фонаре Обходчика. Болезненный, неживой – так описывал тот челнок свет фонаря, которым пользуется мертвец-Обходчик. По позвоночнику побежали мурашки. И надо ж было подвернуться этому торгашу со своими байками как раз накануне отбытия! Сколько он еще будет всматриваться в мерцающий свет чужих фонарей в темных туннелях, пытаясь определить, обычный он или...

А ведь вся жизнь в Метро – сплошь походы в эти треклятые туннели. Так и крыша поедет. Нет! Нужно мыслить рационально. Нет никаких Обходчиков и Мамочек в Метро, нет! Эти дурные страшилки выдуманы людьми из подленького желания напугать тех, кто еще глупее их, а потом полюбоваться, что выйдет. Болезненный? Мертвенный?

А что, скажите на милость, выглядит не болезненным и мертвенным в этом дивном новом мире? Например, свиньи. Как бы бодро они ни хрюкали, не заколи такую – сама от рака сдохнет. Да и нормальными их назвать язык не поворачивается... На Речном Вокзале, вон, шепчутся, что у свиней чуть ли не коллективный разум, и то ли свинари там пасут свиней, то ли наоборот, никто не поручится. И грибы уж точно мертвенно-бледные. И дети у людей в метро мертвенно-бледные рождаются. Откуда в подземелье румянцу взяться?

С унылым скрипом подкатила на излете мотодрезина, отрывая Толю от мыслей о борьбе с привидениями. Управлял ею человек, измазанный в солярке до того, что никакие Обходчики ему и в подметки не годились. На черном от ма-



шинного масла и копоты лице улыбка выглядела особенно белозубой, как у негров в кино. Водила, заметив прапорщика, дурашливо отдал ему честь. Прощаясь, Аршинов пожал Анатолию руку.

— До скорой встречи. Помни: три коротких, три длинных и опять три коротких. Девятый туннель. Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! — запел он во весь голос. — С нашим атама-а-аном не приходится тужить!

Покачиваясь и распевая неофициальный гимн Повстанческой армии, Аршинов неточно спрыгнул с платформы на дощатый настил мотодрезины, поднял лежавший автомат и уселся на деревянной лавке, положив оружие на колени.

Анатолий направился в другой конец платформы, где располагалась общая столовая. Обитатели бывшей Войковской, когда находились в хорошем настроении, были людьми покладистыми и гостеприимными. Съестных припасов, доставлявшихся в Гуляй Поле с подшефных станций, хватало с избытком, поэтому гости, независимо от звания и статуса, всегда могли рассчитывать на миску жидкого грибного супа и кусок соленого сала. Слава анархии. Вот и сейчас, сидя на длинных лавках, ели, курили и запросто общались между собой как коренные жители Войковской, так и совсем незнакомые Анатолию люди.

Семеро диверсантов расположились за отдельным столом и в ожидании командира тихо переговаривались между собой. Анатолий знал каждого из ребят поименно. Некоторые из них обосновались на Войковской раньше него, привлеченные сладкими идеями об истинном равенстве и братстве. Другие, прослышав о веселом нраве анархистов, подтянулись относительно недавно. В основном это все были Толины ровесники, крепко сбитые парни, готовые в любой момент полезть в драку.

Анатолий уселся между другом своим Сергеем и самым молодым из диверсантов, курносый Колян. Колян был совершенно помешан на восточных единоборствах и вечно доставал библиотекарей с Водного Стадиона бесконечными требованиями выдать ему очередную партию самоучителей по кунг-фу и айкидо. Ребром ладони Колян всегда стучал о твердую поверхность: так закалялась сталь. Сейчас он глухо барабанил о деревянный стол, чтобы ни секунды – даже за едой – не прошло без пользы для дела.

– Уделаем этих изобретателей яйцеголовых! – убеждал он Сергея. – На раз-два!

– Заткнись, Колян. – Сергей с хмурым видом зачерпнул ложку супа. – У нас такого дела еще не бывало. В самое логово лезем. Передушат как котят, и тебя первого...

Толя хотел приказать Сереге замолчать, всыпать ему за паникерство, но слова застряли в горле. Командир посмотрел на сосредоточенные лица своих подчиненных и вдруг проникся их настроением. Перед глазами встала картина трехлетней давности...

Мешки с песком, растрескавшийся бетон стен, обрывок кабеля, который свисал с потолка, словно оборванная петля, из которой только-только достали висельника, маленький пятячок света костра на сотом метре. К тому времени Анатолий дежурил уже, как ему казалось, раз сто и считал дозоры скучной и безопасной по большому счету рутинной. Беспокоиться вроде как было не о чем. В тот раз его наряд охранял туннель, идущий в сторону дружественных станций – Водный Стадион и Речной Вокзал. Из темноты могли появиться разве что сменившиеся работники свинофермы или обоз дрезин, нагруженных провиантом.



Четверо часовых дожидались смены, коротая время в ленивой, беспредметной беседе. Вот тогда, в той сонной, спокойной обстановке Анатолий и почувствовал запах смерти. Кто-то говорил, кто-то смеялся, а Анатолий вдруг выпал из обоймы. Он покрутил головой, оглядываясь по сторонам, словно надеялся увидеть неких духов, которые струились через паутину трещин в стенах, наполняя все его существо смесью мутного ужаса и безудержной паники. Что это? Кто? Откуда появится?

В таком состоянии Анатолий провел с минуту, но минута растянулась на час. А затем раздался звук, заставивший встрепнуться всех остальных. Определить его источник было несложно.

В двадцати метрах от блокпоста в стене туннеля зияли два черных прямоугольника – двери, ведущие в подсобные, тупиковые помещения. Сухое, переходящее в тихий треск шуршание донеслось из ближней комнаты. Первым вскочил на ноги рыжий Митяй... Повел стволом автомата... Прикрученный к нему фонарь осветил серые стены, покрытый пятнами сырости потолок и ржавые рельсы.

– Чего это там?

Шуршание и треск стихли, но Митяй все никак не мог успокоиться.

– Ребят... Вы сидите, а я гляну пойду. А то самому стыдно, что чуть не обделался. Там же глухо все, сколько раз уже...

Он двинулся к двери подсобки. Анатолию захотелось остановить его, но вместо этого он, будто загипнотизированный, просто продолжал наблюдать за перемещением конуса света. Митяй добрался до двери, посветил внутрь и обернулся к товарищам:

– Ничего здесь нет! Пусто!

Опустив автомат, он вошел внутрь помещения и... Эхо разнесло его вопль по всему туннелю. Потом уши резанул треск автоматной очереди. Часовые в считанные секунды пришли в себя и рванули на помощь другу. Однако к тому моменту, когда троица влетела в комнату, готовая прошить свинцом все, что шевелится, помещение было пустым. Митяев автомат валялся на полу рядом с решеткой вентиляционного отверстия. Анатолий хорошо запомнил эту решетку. Сваренная из стальных прутьев толщиной в палец, она была искорежена, раздавлена и погнута неведомой силой, будто была из жести... Решетка прикрывала горловину вентиляционного рукава шириной не больше человеческой головы. Однако Митяй исчез в ней целиком! Кроме нее, ему деваться из комнаты было некуда. Вокруг зияющей дыры алели пятна крови с прилипшими клоками рыжих волос. Анатолий отлепил их осторожно и отнес Митяевой матери – похоронить сына. Больше от того ничего не осталось.

И не отпускала с тех пор Толю мысль, что он почувствовал опасность за минуту до того, как все началось. Уже тогда он точно знал – кто-то умрет...

Анатолий вернулся к реальности, потер лоб, чтобы отогнать видения, посмотрел на успевшие опустеть тарелки товарищей и встал с лавки.

– Далеко не расходиться, – хрипло скомандовал он. – Через час всем быть на платформе.

Он вернулся в свою палатку и зачем-то достал футляр от скрипки. Сунул за пазуху брошюрку анархистского евангелия, а в карман – томик стихов. Кто знает, вернется ли когда-либо на Гуляй Поле он сам?

Зашнуровывая пустую палатку, Толя вдруг улыбнулся.



Вспомнилась вычитанная в какой-то книжке деталь похорон египетских фараонов. Отправляясь в путешествие по загробному миру, те брали с собой все, что могло пригодиться на этом многотрудном пути. Метрополитен в его нынешнем виде немногим отличался от загробного мира. Выходило, что он поступал в лучших традициях сгинувшей древней цивилизации. Символический, как ни крути, жест...

## **ГЛАВА 3**

### **ФУЛЬМИНАТ РТУТИ**

Перекличка. Все Толины бойцы были тут. Коренастый громила Гриша, тощий, как жердь и нескладный Макс, щекастый, вечно улыбающийся толстяк Димка, угрюмый очкарик Артур, Колька-каратист и спортсмен Серега. Все разные. Все родные...

Вместе с командиром в группе было семь человек.

Эх, великолепная семерка... Дай бог, чтобы вернулись тем же составом.

Они поочередно спрыгнули на рельсы туннеля. Добираться до Белорусской решили налегке, поэтому по калашу получили только ведущий и замыкающий, но и они старались не показывать, что вооружены. Восьмым был Никита.



Он успел сменить свою слишком уж броскую форму на серый потертый пиджак, брюки с пузырями на коленях и стоптанные ботинки. На круглом его лице отчетливо читалось выражение безгливости. Никита явно не желал выглядеть так, как обычные жители Метро.

Наверняка там, откуда он пришел, к его персоне относились с большим уважением, чем на Войковской. Небось, этого белоручку чуть не в паланкине носили! Даже спуск с платформы дался Никите непросто. Анатолий приглядывал за толстяком, пока тот неуклюже барахтался, медленно, на животе сползая на пути, вместо того, чтобы просто спрыгнуть. И вроде бы Толя хотел позлорадствовать над тем, как толстяк знакомится с настоящей жизнью, а не получалось. Не оставляло ощущение, что тот пыжится нарочно...

Впрочем, если Никита принадлежал к руководству Дзержинской, то, скорее всего, редко спускался в туннели, пользуясь в этом случае специальными лестницами для высокопоставленных чиновников. Ничего, при таких весовых показателях Никите будет полезно прогуляться пешком и сбросить пару лишних килограммов.

Перед тем как нырнуть в жерло туннеля, Анатолий оглянулся. Станция продолжала жить в привычном ритме. У облицованных белым мрамором колонн, разбившись на группы по интересам, беседовали, оживленно жестикулируя, люди. В свете тусклых двадцати пяти ваттных лампочек их лица казались слепленными из воска. По белому кафелю стен металась тень. Эта плитка отчего-то действовала на Анатолия угнетающе. Наверное, в связи с тем, что Войковская изначально не принадлежала к числу элитных станций метро, ее и выложили белым кафелем, больше подходившим для ванн, комнат, бань, моргов и научных лабораторий.

И у этого Корбута, может быть, такой же плиткой лаборатория облицована... И вся плитка, небось, в кровище. Толя себе вдруг даже слишком отчетливо это представил.

Группа вышла за пределы станции. Никита, косолапо переваливаясь, семенил в середине отряда. Анатолий задержался, ухватил толстяка за руку и придержал. Подождал, пока весь отряд минует их, и только тогда пустил перебежчика – в самом конце, рядом с собой.

Таким порядком они миновали кордон на сотом метре. Четверо часовых узнали своих, поприветствовали группу. Никто не промолвил ни слова, а значит, и говорить было не о чем – ничего экстраординарного за время дежурства не произошло.

Десять, двадцать, тридцать минут единственными звуками оставались их мерные шаги.

Шли молча. Начнешь в этом месте разговаривать – пиши пропало. Иной еле слышный шум, если его вовремя не уловишь, может потом таким обернуться... Дальше-то, за Соколом и за Аэропортом, все вроде спокойное, обитаемое. Динамо вообще промышленный центр – на все Метро кожаные куртки шьют. На Белорусской только вот сменился режим, и творится сейчас черт-те что... Но людей, вроде, пока и там не вешают. Пройти бы, в общем, первый туннель...

Нормально. Отлегло.

Миновали Сокол и снова замелькали чугунные тубинги: серый, черный, серый, черный...

Тень, свет, тень.

Как в черно-белом кино. И вдруг кроваво-красным пятном...

Анатолий первым заметил надпись, сделанную поперек свода туннеля темно-красной краской. Фраза «Кто здесь не



верит в Зверя?!» в точности повторяла изгиб потолка, и сделавший ее шутник готов был разбиться в блин, чтобы не слишком отклониться от идеальной параболы. Анатолий этих стараний не оценил и с тревогой посмотрел на ребят, но те если и заметили надпись, то не придали ей большого значения. Зверей в Метро хватало, причем большая часть их ходила на двух ногах.

Луч фонарика выхватывал из мрака полукруглый свод, стены с торчавшими из них ржавыми кронштейнами, на которых покоились вены и артерии Метро – кабели в толстой изоляции, трубы самых разных диаметров. Они сходились, расходились, сплетались, ныряли по отдельности в бетонный пол и вновь соединялись, чтобы разделить на более тонкие провода и заползти в развороченные силовые щиты с бесполезными и никому уже не нужными рубильниками.

Много лет все эти бесчисленные коммуникации бездействовали, но означало ли это, что кровь Метро перестала течь по его сосудам и затаившийся под землей громадный зверь умер, а теперь медленно разлагается? На первый взгляд все так и выглядело, но если не довольствоваться беглым осмотром, а присмотреться внимательнее, то картина становилось совсем другой. Зверь не умер, но, как и вся прочая живность, он мутировал. Катастрофа заставила эволюцию свернуть и продолжить движение по иному пути. Кабели и трубы, бывшие жилы Метро, сгнили и атрофировались.

Теперь носителями жизненной энергии Метро стали его обитатели – люди и новые существа, неизученные формы жизни. А артериями стали сами туннели. По ним текла новая кровь Метро. Значительно медленнее, чем раньше, и не так ритмично, как в лучшие годы, но все же текла. Сгуща-

лась на жилых станциях, постепенно иссыхала там, где никто не жил. Жизненные циклы Метро замедлились, но оно продолжало жить и развиваться...

В нем теперь разворачивалось соревнование: человек против новых созданий. Причем никаких гарантий того, что именно человек победит в этой гонке, не было. Первый приз в этом соревновании достанется сильнейшему, но не обязательно бывшему венцу творения.

От размышлений Анатолия отвлек тихий разговор. Так было всегда. Вхождение в туннель было своеобразным ритуалом: все хранили молчание и были сосредоточены. Однако не проходило и часа, как молчание становилось невыносимым, бдительность притуплялась. Потому-то и невозможно молчать, что слишком страшно, эта глухая темнота прямо-таки тянет тебя за язык. Тогда-то и начинались откровенные беседы-рассказы. Обстановка была располагающей: тихонько болтали о всяческой дьявольщине; о жутких происшествиях с участием всевозможных привидений, сотканных из туннельного мрака чудовищ и конечно же мутантов.

В Метро нынче уже все, наверное, чуть-чуть мутанты. Радиация потихоньку просачивается с поверхности и травит, корежит людей. Недавно вот встретил Толя мутанта настоящего... Мальчугана лет десяти, попавшего на Войковскую вместе с матерью. Никого пожирать мальчик не собирался. От обычных людей он отличался только лишенной волос головой, по-стариковски глубокими морщинами на лице и лишним, шестым пальцем на левой руке. Во всем остальном парень выглядел и вел себя, как обычный ребенок. Наверняка он бы с большим удовольствием сошелся с войковскими сорванцами, пошалил с ними вместе, но те не спешили принимать пришельца в свои ряды и только упор-



но лезли рассматривать его уродливую руку. Мальчик жался, прятал ладонь за спиной, а Толя смотрел за жестокой детворой и думал, что в искусстве сотворения чудовищ природе никогда не угнаться за людьми.

Анатолий взглянул на Никиту и повеселел; стрелка на дозиметре его настроения подскочила сразу на несколько делений. От образов лощеного офицера и брезгливого мужичка в гражданском не осталось и следа. Туннель сделал свое дело, стер с облика Никиты все лишнее и напускное, обнажив его мелкую сущность. Выражение лица перебежчика было таким, словно он собирался вот-вот расплакаться. В маленьких глазках поселился страх. Никита беспрестанно оглядывался, всматривался во мрак и прижимался к Анатолию плечом. Ботинки с чужой ноги успели натереть Никите пятки: теперь вдобавок к остальным бедам он начал сильно прихрамывать. Как же он на Войковскую-то один добрался? И опять Анатолию показалось, что Никита страдает с преувеличенным старанием.

Если бы на его месте был кто-то другой, Анатолий обязательно сделал бы короткий привал, но к гостю с Дзержинской он не испытывал жалости. Безумные ученые со своими сатанинскими опытами (или, наоборот, ученые с очень холодным и расчетливым умом) были послушным орудиями в руках таких вот неприметных толстячков. Чтобы экспериментировать над живыми людьми, всегда нужна политическая воля.

А может, Анатолий заблуждается на счет этого тюфячка? Никита, несмотря на внешность слабака, на повадки хитреца и на погоны палача, в боевых условиях мог оказаться отличным парнем. Толю заело чувство справедливости, будь оно неладно. Он открыл рот, собравшись хоть как-нибудь подбодрить перебежчика, но его отвлек шепот Кольки.

— Безголовые мутанты? Не верю я в эту чушь, — говорил он кому-то невидимому в темноте. — И раньше не верил, а после того, как мне одна книжечка в библиотеке на Водном попалась, точно знаю, никаких безголовых мутантов не существует. Книжка та называлась «Хексенхаммер». В переводе — «Молот ведьм». Средневековое руководство по борьбе с ведьмами и колдунами. Ерунда, в общем-то. Но кое-что интересное я там вычитал. Какая-то там ведьма на допросе призналась, что в колдовских обрядах ей помогали черный кот и безголовый ребенок по имени Уксусный Том. Слова про этого безголового ребенка ей вместе с ногтями выдирали, или на дыбе из нее вытягивали. В здравом уме человек такого придумать не может. Думаю, у нас либо кто еще «Хексенхаммер» прочел и распустил по Метро байку о безголовых мутантах, либо под пытками сморозил.

Кольке никто не ответил. Он кашлянул и тоже затих. Навалилась тишина.

Прошли кордоны Аэропорта — сытого, довольного, прихрюкивающего вместе со всеми своими свиньями. С Аэропортом и с Динамо у Батьки были личные договоренности: он их не грабит, а те, если надо, пропускают его бойцов на операции. Так и сейчас: шепнули правильное слово командиру дозора, тот понимающе кивнул, и часовые расступились. Пытались как-то тут нарушить уговор, и тогда вместо челноков с товарами на Аэропорт хлынули гуляйпольские тачанки. Утряслось...

Отряд снова ушел в туннель. Миновал четвертый ходок по правой стороне. Получалось, что половина пути осталась позади. Толя оглянулся, проверяя, чтобы никто не отстал. Необходимости кого-то подгонять не было. Диверсанты двигались цепью, в полуметре друг за другом.



Еще полчаса прошло в тихих перешептываниях. Анатолий считал шаги, отслеживал сплетения кабелей. Где-то сейчас будет пятое ответвление... Сейчас... За этим изгибом туннеля.

Никита, приободрившийся было на станции, теперь совсем раскис от боли в ногах и жалобно постанывал. Анатолий хотел его приструнить, но вдруг замер. Впереди отчетливо послышалось странное шуршание и похрустывание. Вот оно...

Сергей, шедший первым, застыл как вкопанный и растерянно оглянулся на Толю. Нет, это не галлюцинации, Серега...

Оставив хромоногого перебежчика, Анатолий перебрался во главу колонны и взял у ведущего автомат с фонарем. Прижимаясь к левой ребристой стене, обогнул поворот. Звуки смолкли, и в туннеле стало так тихо, как в могиле. Анатолию казалось, будто все слышат удары его готового выпрыгнуть из груди сердца. Выждав несколько секунд, он направил луч фонарика в зияющий черный прямоугольник бокового ответвления.

В круге света стали видны глыбы бетона, оцетинившиеся ржавыми прутьями арматуры, и покрытая трещинами стена. Анатолий не стал уверять товарищей, что в тупиковой ветке ничего живого нет (привет, Митяй!). Он все продолжал водить лучом по нагромождению кусков бетона. Секунды тянулись как мазут. Вроде, пусто... Шут его знает!

Анатолий осторожно пересек рельсы и приблизился к проему.

Сейчас в помещении действительно никого не было, но в том, что в нем кто-то побывал, не было сомнений. Причем этот «кто-то» не мог быть человеком по двум причинам. Во-первых, ни один человек, находящийся в здравом уме,

не стал бы так зло и так бессистемно ломать и крошить бетон. Никакой выгоды в этом занятии не было. Во-вторых, пол комнаты был вздыблен, будто кто-то рвался снизу сквозь цементную скорлупу, стараясь прошибить ее головой. Какой уж тут человек...

Ну разве что кто-то предпочел воспользоваться взрывчаткой?

А больше всего это походило на то, что некое громадное червеобразное существо пыталось выбраться здесь из-под земли. Анатолий забрался лучом чуть подальше... И выбиралось! Господи... В полу зияла черная дыра. Видно, оно вылезло, огляделось, если могло видеть, и убралось восвояси.

Убралось, и слава богу. Может, завалить его нору?

Однако времени на эксперименты не было. Анатолий вернул оружие ведущему. Когда опасный участок остался далеко позади, Анатолий нахмурился. Ему очень хотелось вернуться и проверить одну мелкую деталь. Когда он только огибал поворот, краем глаза зафиксировал что-то лежавшее поперек рельс. Черное, круглое и тонкое. Предмет мог быть обрезком кабеля или шланга. В тот момент Анатолий полностью сосредоточился на осмотре нагромождений бетонных глыб и сразу забыл о предмете на рельсах. А теперь был готов поклясться: когда они уходили, шланга на рельсах уже не было. Сбросить этот малозначительный факт со счетов было проще простого. Однако Анатолий твердо усвоил: малозначительных фактов и лишних деталей в темных туннелях не бывает. Несущественные мелочи в любой момент могли слиться в глобальную угрозу, а ерунда, которую ты проигнорировал, может, в конечном счете, стоять тебе жизни.

Итак, каким образом мог исчезнуть предмет, который он точно видел? Одно из двух: кто-то его убрал или этот



странный шланг мог вполне передвигаться без посторонней помощи. Если принять в расчет странные звуки, развороченный пол и случай с Митяем, то выводы напрашиваются самые неутешительные. Откуда такая огромная дыра была в полу?

Сзади раздался похожий на шипение стон, и Анатолий оглянулся. Никита с его опущенными плечами и поникшей головой выглядел как приговоренный к смерти узник концлагеря. Перебежчик был похож на вдовца, которому в жизни уже ничто не мило. В каждом его движении сквозили и обреченность, и покорность судьбе. Какого черта он тогда ввязался в эту авантюру?

Отряд вступил на Динамо. Отсальютовали разжиревшему караулу в фирменных кожанках и под бдительным взглядом провожатого (как бы не утырили чего анархисты-нищebroды!) прошли мимо долгих рядов каморок-пошивочных, мимо скатанных в рулоны свиных шкур, и свиных шкур, распятых на сушилках, и свиных шкур, утопленных в ваннах с краской... На все Метро тут шили кожаные куртки.

Их довели до выхода в туннель, ведущего к Белорусской, и отпустили с богом. Анатолий снова принялся считать боковые коридоры. Седьмой, восьмой...

У девятого коридора Анатолий объявил привал. Место встречи...

Ответный сигнал из темноты он получил не сразу. Аршинов, видно, осторожничал и заставил себя прилично подождать, прежде чем ответил условленными вспышками фонарика. Анатолия это разозлило: старый пропойца держит его отряд за сосунков, пытается припугнуть?!

Проучить наглого прапора! Толя шагнул в туннель, не зажигая света. Касаясь рукой стены и стараясь двигаться бес-

шумно, он направился навстречу Аршинову. То, что поставщик оружия был когда-то прапорщиком-морпехом и служил на флоте, Анатолий узнал сегодня, но иметь дело с Аршиновым-анархистом ему приходилось и раньше. Когда дело доходило до дискуссий, которые время от времени стихийно возникали на Войковской, красномордый и внешне недалекий пьяница вдруг превращался в искусного спорщика. Попыхивая самокруткой, он внимательно выслушивал оппонентов, а затем отражал их доводы. Пусть не слишком изящно, зато всегда точно и убедительно. Будто с ним фехтовали на шпагах, а он отвечал кочергой. И тогда становилось ясно, что это человек недюжинный, быстро соображающий и свободно владеющий оружием слова, не говоря уже о матчасти. Аршинов видел в анархии только неограниченную свободу и считал, что человек рано или поздно научится правильно ею пользоваться. К рассуждениям Анатолия о справедливости и нравственности Аршинов относился снисходительно, в стиле «поживешь с мое, и сам все поймешь».

Толя вот как раз относился к тем, кто фехтовал в дискуссии даже не рапирой, а легкой парадной шпагой, и его мало кто воспринимал всерьез. И из товарищей его понимал и поддерживал только верный Серега. Но, может, и просто так поддерживал, по дружбе. А вот устами Аршинова глаголало большинство войковцев.

В полной тьме Толя прокрался метров сто. Он уже предвкушал, как застанет прапора врасплох, но тут уперся лбом в холодное. В ствол пистолета. В лицо ударил свет фонарика.

– А, это ты... Молодец, что сам догадался навстречу пойти. – Аршинов опустил оружие, перевел луч фонаря на сваленные у стены рюкзаки и кивнул: – Зови своих ребят. У меня все готово. Только Никиту на всякий случай там оставь.



Анатолий глянул на Аршинова, ожидая увидеть торжествующую гримасу, мол, научил салагу! Но лицо прапора оставалось непроницаемым. Пришлось стреножить уязвленное самолюбие и выполнять указания. Когда подошли остальные и были открыты рюкзаки, вся группа радостно зашепталась. С одеждой и обувью на Войковской, как и во всем Метро, всегда были большие проблемы. А среди запасов Аршинова нашелся десяток комплектов малоношенной камуфляжной формы, семь пар удобных армейских ботинок на шнуровке. Даже сообщение прапорщика о том, что по возвращении диверсантам придется сдать казенное имущество и облачиться в собственное тряпье, никого не расстроило. Мальчишки оставались мальчишками и даже в новом мире продолжали радоваться всем атрибутам игры в войнушку.

– Где вы все это только берете? – сверкнул глазом жадноватый Колька.

Аршинов многозначительно воздел палец кверху:

– Нам это послано небесным прапорщиком! – и загоготал.

Сменив разномастное анархистское тряпье на военное обмундирование, бойцы подтянулись. Выстроились перед Анатолием в шеренгу – теперь уже одинаковые, как патроны в автоматном рожке. Нацеленные на станцию Дзержинская. И Толе ими стрелять...

Анатолий, Серега и Колька получили пистолеты с глушителями и по две запасные обоймы. Еще двое с автоматами. Остальным пришлось довольствоваться армейскими ножами. Не бог весть какое оружие, но в умелых руках способно на чудеса. «Справятся», – убеждал себя Толя, глядя, как его пацаны играют ножами.

Справятся ли?..

Пока суд да дело, Серега собрался закурить, но Аршинов почти ласковой оплеухой выбил у него изо рта самокрутку и растер ее мыском ботинка.

— В другом месте накуришься, рядовой! Толян! Пойдем, пошепчемся.

Аршинов снял со спины рюкзак, пристроил фонарик так, чтобы свет падал в нужное место, присел на корточки и вытащил устройство, состоящее из десяти красных цилиндров, перехваченных двумя полосками липкой ленты. Этими же полосками к цилиндрам крепились простой будильник с обшарпанным корпусом и незнакомое Анатолию устройство с круглым циферблатом и единственной стрелкой. Вокруг взрывного устройства вились тонкие провода в желтой и красной изоляции. Они были присоединены к гильзе и небольшому контейнеру с тремя батарейками.

— Все просто. — Аршинов ткнул пальцем в мину. — Сюда вставлен поджигатель накального типа, а сама гильза заполнена ртутным фульминатом. Электронный таймер подключен к электрической схеме через будильник и выполняет функцию переключателя замедленного действия. Устанавливаешь таймер на нужное время, поджигатель воспламеняет фульминат ртути, а полученная в результате зажигания ударная волна приводит к единовременной и немедленной детонации основного заряда. В общем, трах-бабах — и от лаборатории не останется и следа. Желаю тебе находиться на приличном удалении, когда это произойдет.

— А это точно сработает?

— Не бойсь. Я такие игрушки уже сто лет леплю. Главное — повернуть все спокойно даже в том случае, если у тебя на все про все будет меньше минуты.

Анатолий кивнул, спрятал мину в рюкзак и повесил его себе на плечо. Группа вернулась к дрожавшему от страха



Никите, которого прапорщик не удостоил даже взглядом. Согласно указаниям Нестора, Аршинов должен был провести отряд через Белорусскую. Подготовка к последнему переходу заняла несколько минут. Было приказано спрятать оружие и постараться вести себя на станции так, чтобы привлекать как можно меньше внимания.

Группа двинулась вперед. Аршинов вместе с Анатолием замыкал шествие и отдавал последние напутствия.

— Я вам в рюкзаки кое-какой жратвы положил. Перекусите в туннеле. На Белорусской задерживаться не станем. Там и агентов Ганзы полно, и красных шпииков. Обязательно интересоваться будут, куда и зачем такие орлы направляются.

Анатолий прекрасно понимал опасения Аршинова. Белорусская-радиальная отличалась от многих прочих станций тем, что придерживалась нейтралитета. Еще полгода назад тут все было иначе: станция наслаждалась своим положением торгового придатка Ганзы и процветала. Но случился на ней какой-то переворот, то ли выборы, и к власти пришли другие люди. Новое руководство упорно избегало союзов и политических, и военных, улыбалось вежливо и кольцевым, и красным, и фашистам, и сектантам, и ни с кем на сближение не шло. Тактика эта называлась тут «третьим путем развития».

Подведомственные Белорусской свинофермы и грибные плантации должны были развиваться и процветать согласно некоему плану, в котором присутствовали элементы хозяйствования, практикуемые в Ганзе, смешанные с идеологическими установками коммунистов. В результате такого смешения абсолютно разнородных стратегий получился весьма странный и очень бестолковый суррогат. Реформы, проводимые руководством Белорусской-радиальной, породили целую армию чиновников-бюрократов.

Они говорили правильные речи и обещали рядовым труженикам ферм и плантаций скорое наступление экономического чуда. Однако, несмотря на лозунги, хозяйства стремительно пустели и приходили в упадок. Их работники, так и не дождавшись чуда, стали уходить на другие станции. Когда всем стало ясно, что третий путь ведет в тупик, лидеры Белорусской начали беззастенчиво пользоваться выгодным расположением станции. Они требовали экономической помощи у Содружества Станций Кольцевой линии заявляя, что защищают Ганзу от нападений со стороны радикалов с Замоскворецкой и Красной линий. До сведения коммунистов доводилась информация другого рода: тут Белорусская выступала в роли барьера, ограждавшего Красную линию от провокаций и посягательств Ганзы.

Умело лавируя между двумя лагерями, с помощью попрошайничества и откровенного шантажа руководство Белорусской довольно сытно кормилось за счет подачек с той и другой стороны. Что касается рядовых трудяг, то их побег из «рая» заканчивались депортацией на родную Белорусскую, согласно принятым там законам. Анатолий несколько раз бывал на станции, огни которой уже виднелись впереди, и знал, что встретит там хмурых людей с настороженными взглядами, режущую глаз чистоту и множество подозрительных особ, в которых можно было безошибочно распознать наушников и доносчиков.

– Слышь, Анатолий, а ты ничего подозрительного по дороге сюда не видел? – неожиданно громко спросил Аршинов.

Анатолию очень хотелось поделиться своими наблюдениями, но он боялся быть поднятым на смех.

– А что я должен был видеть?



– Ну... Щупальца, например...

Анатолий едва удержался от того, чтобы не крикнуть: «Да!» Точно, Аршинов попал в самое яблочко. То, что лежало на путях и выглядело шлангом, могло быть именно щупальцем неведомой твари. С этой позиции все объяснялось до смешного просто. Чудовищу незачем было показываться полностью. Оно выползало из-под земли, находило подходящее место для засады и убиралось в свое логово, оставляя на поверхности лишь малозаметные в темноте щупальца. Анатолий кивнул подбородком на ребят, посмотрел внимательно в глаза прапорщику и преувеличенно твердо заявил:

– Не было там никаких щупалец.

Аршинов понял.

Из темноты выплыли оранжевые языки костра, потом черным силуэтом замаячила чья-то фигура. В ответ на суровый окрик Аршинов расхохотался, назвал часового по имени и посоветовал ему лучше следить за чистотой своих штанов. Когда группа проходила мимо блокпоста, прапорщик остановился, чтобы поболтать с охранниками. Предложив им закурить, он щедро сыпанул в протянутые ладони грибной махорки. Часовые отвлеклись, и диверсанты проскользнули на Белорусскую, избежав лишних расспросов. Анатолий и Никита поднялись на платформу последними.

Прохаживаясь по выложенным в шахматном порядке плитам, Анатолий осмотрелся и понял, что с момента последнего посещения Белорусской на ней многое изменилось, и не в лучшую сторону. В массивных люстрах осталось совсем мало лампочек. Раньше хрустальные красавицы ярко освещали затейливую лепнину на сводчатом потолке, а теперь из-за недостатка света тени на нем стали та-

кими густыми, что выглядел он весьма угрюмо. Аборигены Белорусской общались между собой вполголоса, смеха не слышалось вовсе. Анатолий с ребятами остановились у одной из колонн. Толя случайно зацепился взглядом за пухлое лицо Никиты. Тот уже не выглядел потерянным и почему-то улыбался.



## **ГЛАВА 4**

### **ЦЕРБЕР**

Аршинов распрощался с группой за блокпостом, охранявшим вход на Белорусскую со стороны Маяковской. Он долго тряс Анатолию руку, желал удачи и все сокрушался, что Нестор его слишком тщательно оберегает как ценного специалиста. Непонятно было, шутит он или нет. Но на задании прапор мог бы им очень пригодиться.

Этот красномордый стареющий верзила, пока был трезв, вообще мог согнуться на многое. И сноровки армейской он еще не утратил – Толя вспомнил, как ткнулся лбом в пистолетный ствол.

А уж его знания в области взрывных устройств были бы точно как нельзя кстати. Фульминат ртути! Аршинов гово-

рил об этом химическом соединении, как об обычной воде. В его случае даже скорее как о водке. Был бы он еще с Толей солидарен политически... Равенство там... Братство... Справедливость вселенская...

Нет, у Аршинова своя правда. Он-то знает, что с типами вроде Никиты, и с его дружками-коммуняками, и с фашистами, да и с доброй половиной Метро иначе как на языке фульмината ртути и тротила не разговоришься. Попробуй их пронять рассказами о справедливости... Горбатого исправит только могила.

И опять тупик! Если рассуждать таким образом, чем ты тогда лучше тех, кого ненавидишь и презираешь? А, дьявол!

«Нет, проповеди проповедями, а хирургическое вмешательство, в разумных пределах, все же необходимо, — решил Анатолий. — Иногда. Есть случаи, когда без него не обойтись. И сейчас как раз такой случай. Если позволить улучшать общество разным Корбутам, то недалек тот день, когда беседовать о солидарности и справедливости станет попросту не с кем».

Во всяком случае, учиться можно и нужно всегда, и всему, и в любое время. Кто знает, что может в жизни оказаться полезным? Взять, к примеру, того же Серегу. По отношению к нему Анатолий вроде как выступал в роли гуру. Читал и цитировал на память наиболее полюбившиеся места из Кропоткина, трепался о мистике, насквозь пропитавшей каждую строку «Мастера и Маргариты». Сначала тот поддавался туговато, но потом что-то в нем скрипнуло, и пошло-пошло-пошло... Сперва искра какая-то зажглась в глазах, потом он стал у Толи книжки одалживать. Потом сам себе купил на получку. И при этом Толя ни разу не удосужился поучиться у друга механике.



А ведь если положить на одну чашу весов навыки Аршинова во взрывном деле и талант к механике Сергея, а на другую – непоколебимую Толину уверенность в том, что путь, указанный Кропоткиным, – единственно верный, то Анатолию с его князем Петром Алексеевичем в прекрасном новом мире Метро делать нечего. Туго придется. Время теорий прошло, нынче практики нужны!

Анатолий поправил съехавшую набок лямку рюкзака. Взглянул на Никиту. Короткая остановка на Белорусской пошла тому на пользу. Перебежчик больше не сутулился и почти не хромал. А чего хромать и сутулиться? Небось, встретился взглядом со связником, убедился в том, что товарищи не собираются оставлять его на растерзание анархистам, и теперь преспокойно продолжает выполнять свою миссию. На родном Проспекте Маркса Никита сдаст диверсантов с потрохами и получит какой-нибудь орден Боевого Красного Знамени.

Анатолий тряхнул головой. Идти на задание с такими мыслями нельзя. Как командир, при таких подозрениях он должен дать приказ о возвращении на Войковскую. Или... Что, если остановиться и прямо здесь вытряхнуть из Никиты душу? Перебежчик не производил впечатления несгибаемого борца за светлые идеалы. Если хорошенько поднажать, как миленький заговорит.

Нет!

Нестор верил Никите, а ставить под сомнение умение Батьки разбираться в людях Анатолий не мог. Не имел права. Чином пока не вышел. Анатолий вздохнул. А как, черт побери, было бы уместно сейчас засадить пухлощекому предателю промеж рогов!

Впереди слышался хруст щебня под чьими-то ногами. Луч фонарика выхватил из темноты два силуэта –

маленький и побольше. Группа остановилась. Рука Анатолия автоматически метнулась к поясу, ладонь сжала ребристую рукоятку пистолета. Мозг мгновенно зафиксировал картину: Анатолий точно знал, что видел женщину, державшую за руку ребенка. Мамочка? Но разве это привидение не должно было слоняться в туннеле между Охотным и Тверской? Это ведь Обходчик, по легендам, имел право разгуливать, где ему вздумается, а Мамочка не должна была покидать свой предел...

Встретить призрак в компании шести рослых ребят было, конечно, значительно приятнее, чем столкнуться с ним в одиночку. А еще лучше бы не признаваться ни себе, ни другим, что ты вообще хоть на секунду поверил в эти глупые байки о привидениях.

Луч фонарика скользнул по стене и утонул во мраке прямоугольного дверного проема. Стальная, насквозь прожжавшая дверь подсобки болталась на одной петле и едва заметно покачивалась. Тот, кто спрятался внутри, очевидно, зацепил ее. По Толиному знаку группа встала полукругом и медленно двинулась к двери.

Никого там не будет. Призраки подстерегают одиноких путников. Как и диверсанты, привидения не любят свидетелей. Растворятся в темноте, и все. «Что же это я, – спросил себя Анатолий, – неужели все-таки верю?»

Вопреки ожиданиям, Мамочка и ее сынок не исчезли. Когда фонарь осветил помещение площадью всего в несколько квадратных метров, все увидели нарушителей спокойствия. В дальнем углу за перевернутым стеллажом, согнувшись в три погибели и прикрывая собой мальчика лет пяти, пыталась спрятаться женщина. Ее некогда коричневое пальто местами выцвело и сделалось розово-пегим, а о том, что воротник был когда-то рыжим, напоминали толь-



ко редкие клочки свалявшегося меха. Женщина дрожала от страха. На приказ Анатолия выйти в туннель ничего не ответила.

Мальчик оказался смелее. Он вырвал ручонку из материнской ладони и вышел на середину комнаты. Существо, больше походившее на испуганного, но любопытного зверька, было облачено в кургузую, украшенную множеством разноцветных заплат, куртку. На нем были слишком короткие брючки и огромные, на несколько размеров больше, чем требовалось, ботинки. Слипшиеся в сосульки русые волосы выглядели, как иголки ежика. Ослепленный ярким светом мальчик прищурился, но, рассмотрев Анатолия со товарищи, улыбнулся и вытянул вперед грязную ладошку:

– Подайте, люди добрые, на пропитание.

Толя сделал шаг к мальчику, собравшись погладить его по голове, но женщина неожиданно издала сдавленное рычание и, перемахнув через стеллаж, одним прыжком оказалась между ним и мальчиком. Еще в прыжке она вскинула руку, и если бы Анатолий инстинктивно не попятился, то острые ногти, несомненно, располосовали бы его щеку. Женщина тряхнула седыми космами и подняла лицо. Анатолий сделал еще один шаг назад. Защитнице мальчика было лет тридцать, и нестарое еще лицо странно, нехорошо сочеталось с пепельными волосами... Будто однажды она увидела что-то, от чего мигом поседела. Черты ее лица можно было назвать правильными, если бы не уродливый вертикальный шрам, идущий от левого глаза до края губы. Но больше всего пугали глаза – глубоко запавшие, словно смотревшие из бойниц. Они, как и волосы, принадлежали старухе, а не молодой женщине. В этих глазах читались и непонятная сила, и смесь тайного зна-

ния с откровенным безумием. Выдерживать такой рентгеновский взгляд дольше нескольких секунд было невозможно. Анатолий молча уставился в пол.

– О-о-о! Вы все сдохнете! – заговорила женщина нараспев. – Это говорю вам я – любимая ученица Зверя! Вы умрете совсем не так, как рассчитываете! Не в теплых палатках, обжираясь колбасой! О нет! Зверь придет за вами, обожьет своими щупальцами и утащит туда, где рождается мрак. Он заставит вас спуститься по черным ступеням боли в Храм Страданий! Он скует ваши члены адским холодом и начнет пожирать с ног, медленно, очень медленно добираясь до головы! Это предрекаю вам я – избранница, которой Зверь коснулся своим перстом, пометил когтем и оставил в живых! Истинно, истинно говорю вам: умирать будете долго и миллионы раз пожалеете о вонючей крысе, которую отобрали у голодного мальчика!

Закончив свою речь, женщина сунула руку под лохмотья и швырнула к ногам Анатолия скрюченный от огня трупик крысы. Затем завалилась набок, закатила глаза и забилась в конвульсиях. Тело несчастной вытянулось как струна, потом обмякло, а на губах появились пузыри пены. Мальчик опустил на корточки, поднял бессильно упавшую на пол руку женщины и прижал ее к щеке.

– Это пройдет, – сказал он куда-то в пустоту. – Это никогда не продолжается очень долго. Потом маме станет лучше. Гораздо лучше. Она перестанет пугать меня и звать Зверя...

– Вам надо пойти с нами, – хрипло сказал Анатолий. – Мы проводим вас до станции.

– Я не крал эту крысу! – заверещал мальчик. – Честное слово: она сама упала с вертела на пол! Я лишь поднял ее потому, что очень хотел есть!



— Никто тебя не обвиняет в краже. — Толя кивнул Артуру, тот расшнуровал рюкзак и вытащил из него кольцо свиной колбасы. — Пока мама придет в себя, ты перекусишь, а потом мы вместе вернемся на станцию...

Мальчик выхватил колбасу, впился в нее зубами и промычал с набитым ртом:

— Ни за что! Если мы вернемся на Маяковскую, нас точно забьют до смерти. Мы остаемся здесь, а потом мама скажет, куда надо идти. Уходите, пока она не очнулась и не позвала Зверя!

Анатолий покачал головой. А что он еще мог сделать для несчастной эпилептики и ее сына? Ворваться на полудикую Маяковскую, задать жару тем, кто обижал юродивую? Да что это изменит! Стоит группе после этого уйти со станции, как женщину повесят или сожгут, как ведьму.

Анатолий посмотрел, как мальчик справился с колбасой, воровато поглядывая по сторонам, схватил крысу и сунул ее пазуху. «Нечего разыгрывать из себя защитника униженных и обездоленных, — одернул себя Анатолий. — Я просто не имею права вмешиваться не в свое дело. У меня есть задание станции, и оно должно быть выполнено».

Он молча кивнул мальчишке и, опустив голову, шагнул в туннель. Отряд, перешептываясь, двинулся следом.

Женщина говорила о Звере... О щупальцах... Вспомнились вздыбленный бетон, изуродованная решетка и неизвестно куда исчезнувший с рельсов... шланг. Дьявольщина... Что же это было? Осьминог, как в детских книжках? Только подземный, прорывающий себе ходы своими щупальцами-хлыстами...

От мрачных размышлений отвлекло приближение к станции. Перед Маяковской не было блокпоста, а сама станция влачила существование в полумраке, поэтому уз-

нать, что подходишь к ней, проще всего было по тяжкому запаху сальных свечей. К горящему машинному маслу, используемому для освещения палаток на Войковской, Анатолий привык настолько, что почти перестал обращать внимание на его вонь, а вот сальные свечи сразу заставили думать о крысином шашлыке.

Анатолий поморщился. Он приказал не забираться на платформу, а пройти мимо Маяковской. Ловить тут было нечего: рвань, бомжи да сифилитичные проститутки, грязь, зараза и голод. Гиблое место эта Маяковская... И дети тут, говорят, пропадают.

Шагая по рельсам мимо станционного зала, Толик обратил внимание на развеселого торговца крысиным шашлыком. Лоток его, как центр мироздания, располагался в середине платформы. Анатолий посмотрел на полное, лоснящееся от пота лицо шашлычника, перевел взгляд на грязно-серый, покрытый жирными пятнами фартук. Маленькие, бегающие глазенки торговца вызывали тошноту, и Анатолий с трудом подавил желание вскочить на платформу, пнуть ногой ржавую ножку мангала и расшвырять мерзкие тушки крыс по всей платформе. Ведь именно эта тварь с бегающими свиными глазками и вынудила сумасшедшую с сыном бежать со станции и прятаться в перегонах.

Легче Толе стало лишь тогда, когда отряд вернулся в туннель и запах сальных свечей постепенно сошел на нет. Вот так иной раз и не знаешь, где хуже – в страшных темных туннелях, где можно найти свою смерть, так ничего и не поняв, или на таких станциях, где люди разлагаются заживо, даже не успев умереть.

На середине перехода отряд сел перекусить. Ели в полной тишине и почти крошечной тьме, только клацали зубы



и ходили желваки. Поглядывая на хмурые лица товарищей, Анатолий понимал, о чем они думают. Пророчества сумасшедшей о черных ступенях боли и Храме Страданий хорошего настроения не добавили.

«Ну вот, кто тут восторгался князем Кропоткиным и его исследовательским пылом? – спросил себя Толя с ехидцей. – Вот, изучай, строй себе научную карьеру. Новые виды фауны? Пожалуйста! Есть неплохие шансы войти в историю первооткрывателем Зверя. Хотя настоящим-то его первооткрывателем был рыжий Митяй... Сколько еще открытий чудных сулит нам московское Метро...»

Треугольник Чеховская–Пушкинская–Тверская, именовавшийся теперь Рейхом, мог оказаться даже слишком щедрым на открытия. Анатолий готовился к ним заблаговременно. Отдал пистолет, нож и рюкзак Сергею, переложил паспорт в карман брюк. На Чеховской ведь любая заминка могла привести к пальбе. Фашисты славились по всему Метро своей нетерпимостью и нетерпеливостью, и оружие пускали в ход по малейшему поводу.

Отряд двинулся в путь и без приключений одолел очередной переход. Когда вдали появился мигающий зрачок костра, Анатолий двинул к блокпосту в одиночку. Он поднял руки еще до того, как его заметили. После стандартной процедуры, состоявшей из хлестких, как удары кнута, окриков, к Анатолию направились трое. Все в черных беретах и камуфляжной форме. Они выглядели близнецами не только из-за одинаковых презрительно-ледяных выражений лиц. Анатолий отметил, что одинаковые бульдожьи челюсти делали охранников настолько похожими, будто их обладателей разводили на одной ферме.

Старшего можно было отличить по тому, что он стоял в центре и держал вместо автомата фонарик. Луч сканировал

пришельца от ног к лицу. Автоматчики моментально оказались у Анатолия за спиной и одновременно толкнули его в спину стволами. Первым, что бросилось в глаза при подходе к блокпосту, был плакат, натянутый под потолком туннеля на всю его ширину. На красном фоне черной краской, на трех языках было выведено: «Blut und Ehre. Blood and Honor. Кровь и честь». Вместо знаков препинания надписи разделялись кружками с трехконечной свастикой.

– Кто такой? – наконец спросил старший.

– Человек.

– Ага. Шутник. – Офицер поднял затынутую в черную перчатку руку и указал в угол между набитыми песком мешками и стеной. – Полюбуйся. Этот тоже поначалу называл себя человеком. Трепался о том, что артист. Мы совсем немного поработали с ним, переубедили и теперь... Цербер, голос!

Зазвенела цепь. То, что Анатолий посчитал грудой тряпья, зашевелилось и оказалось стариком-горбуном. Он был бос и одет в невообразимые лохмотья. В свете костра блестяла лысина, окруженная венчиком седых волос. На худой, обтянутой пергаментно-желтой кожей шее виднелся металлический ошейник с ржавым висячим замком. Противоположный конец цепи был продет в стальную скобу на стене. Повинуясь приказу офицера, горбун встал на четвереньки, поднял вверх лицо, превратившееся от побоев в сплошной синяк, и раскрыл почти лишенный зубов рот.

Уши резанула хриплая пародия на лай. Овчарка, лежавшая у мешков, покосилась на старика и лениво тявкнула в ответ.

– Молодец, песик! – Офицер кивнул горбуну и обернулся к Анатолию: – Мы показываем Цербера всем, кто приходит в гости. После знакомства с ним желание шутить с солдатами Рейха, как правило, пропадает. Документы!



Офицер принялся рассматривать паспорт, бормоча что-то себе под нос. Анатолий же не сводил глаз с его кадыка, ходившего вверх-вниз, и размышлял о том, что за доли секунды сможет преодолеть разделявшее их расстояние. А там... С каким наслаждением, он вцепился бы в эту шею и сдавливал бы ее до тех пор, пока глаза фашиста не вылезли бы из орбит! При большом желании можно было успеть выхватить пистолет из кобуры. Пристрелить одного автоматчика он успеет. Если повезет, всадит пару пуль в грудь второго. Серега услышит выстрелы и примчится к блокпосту. Вот тогда будет и кровь, и честь... Анатолий с трудом сдерживал себя. Еще немного, и он начнет действовать... Но вместо этого сдержанно проронил:

– Мне нужен Малюта.

Офицер оторвался от изучения паспорта и удивленно посмотрел на пришельца.

– Мне нужен Малюта, – упрямо повторил Анатолий. – Говорить буду только с ним.

В течение минуты фашист не произнес ни слова. Заложив руки за спину, он раскачивался на каблуках, очевидно размышляя над тем, пристрелить гостя сразу или сначала помучить. Однако названное Анатолием имя заставило его удержаться от слишком поспешных действий.

– Пойдем, но предупреждаю, если опять шутишь, будешь сидеть рядом с Цербером и обучаться лаю.

Анатолий последовал за офицером. Он уже бывал на Тверской. Хорошо помнил отделанные светло-серым мрамором стены, красные гранитные полы и бесчисленные плакаты с лозунгами и картинками, которые вывешивались на любом подходящем месте. Первое место среди всех картинок уверенно занимало изображение черного человечка, перечеркнутое красной линией. Дальше по списку шла свастика.

По платформе расхаживали дюжие парни с каменными лицами, вооруженные автоматами и дубинками. Большинство было в беретах, от чего станция напоминала поле, усеянное грибами с черными шляпками. Анатолий чувствовал на себе неприязненные взгляды, которыми на станции, наверное, встречали любого чужака. Офицер повел Анатолия к центру зала, где у перехода на Пушкинскую, рядом с застывшими эскалаторами, стояли четверо высокопоставленных офицеров. Об их высоком положении в фашистской табели о рангах свидетельствовали черная форма и фуражки с высокими, украшенными орлами, тульями.

Проводник приказал Анатолию остановиться, подошел к группе офицеров, вскинул руку в римском приветствии и перекинулся несколькими словами с фашистом, который не был обрит, а наоборот, бравировал своей огненно-рыжей шевелюрой.

– Ты ко мне? – строго спросил рыжий, приблизившись к Анатолию. – Что-то не припоминаю...

– Вам привет от дяди Миши.

Узкие губы скривились в улыбке, которую можно было только с большой натяжкой назвать приветливой.

– О! Слышал. Много слышал. Молодец, что сколотил свою банду. Вождь прирожденный твой дядя Миша. И как он?

Анатолий бормотал о том, что дядя Миша чувствует себя превосходно, а думал о товарищах-анархистах, которых фашист окрестил бандой. Если уж анархисты были бандой, то как следует называть подданных Рейха? Изверги? Ублюдки? Нет. Чересчур мягко. Жаль, что Аршинов не выдал второй мины. Этим создателям людей нового типа тоже не повредил бы хороший заряд динамита.



Сообщение о том, что Анатолий не один и через Тверскую требуется без обыска пропустить еще семь человек, не вызвало у Малюты особого энтузиазма. Однако, поморщившись, он все-таки отдал распоряжение беспрепятственно вывести группу за пределы Рейха и даже, подчеркивая свое особое расположение к дяде Мише, приглашал заглядывать еще. Анатолий выдавил в ответ улыбку. Он считал, что для полной гармонии рыжему красавцу очень не хватает стального ошейника на шее. И многое отдал бы за то, чтобы увидеть, что получится, если посадить Малюту на цепь вместо несчастного горбуна.

## **ГЛАВА 5**

### **КЛАУСТРОФОБИЯ**

По мере удаления от Рейха и его населения становилось все легче и легче дышать. Чего заслуживают фанатики, привыкшие сортировать людей по внешним признакам, расставлять их на ступенях воображаемой лестницы, по которой кого-то отправляют напрямик в ад, тогда как для себя они зарезервировали верхние ступени? Люди, которые способны забыть все человеческое в себе и выбить это человеческое прикладами из других? Люди, которые обращаются с арестантами, как с псами, а собак обхаживают лучше иных людей?

С каждым шагом Анатолий чувствовал все большее облегчение, словно, попав в липкую грязь, наконец выби-



рался на сухое место и получил возможность, потопав ногами, отряхнуть с сапог налипшую грязь. Обретаешь и легкость, и чистоту. Ощущение было настолько реальным, что Анатолий даже посмотрел на свои сапоги. Нетушки. Никакой грязи на них не было и в помине. Кто-то, а фашисты знали толк в гигиене. Любую грязь они удаляли не влажной тряпкой, а острой бритвой.

Шло время, и чувство облегчения сменилось более привычными и свойственными жизни в туннеле ощущениями. Когда ухо вылавливает на фоне хруста щебенки под ногами особенные, говорящие о приближении опасности звуки, когда в дружелюбном свете фонаря надвигается на тебя из темноты нечто враждебное, что до смерти тебя напугает.

Пока все шло своим чередом, и Анатолий время от времени бросал любопытные взгляды на Никиту. Судя по виду, тот вообще не привык заниматься самокопанием и самобичеванием. Неужели он не думает о своем предательстве? Ведь совсем скоро они окажутся в привычном ему мире. До Охотного ряда всего ничего осталось... Нет, не до Охотного, до Проспекта Маркса, того самого Бородача, который считается у красных кем-то вроде Бога-Отца.

«Интересно, можно ли тогда назвать Ленина Богом-Сыном? – спросил Толю его внутренний голос. – Или какие там у них были отношения?»

Анатолий улыбнулся и подумал, что этот генетический эксперимент по выведению нового человека мог бы стать прорывом. С размахом мыслят товарищи коммунисты, надо отдать им должное! Все-таки они мечтатели, стоящие в длинной очереди идеалистов, пытающихся изменить мир к лучшему.

«Браво! – зааплодировало его второе я. – Попрошу заметить: в той же очереди стоят наши Че Гевара, Бакунин и Кропоткин!»

Правильно. Эксперимент Корбута позволит создать новую расу, которая будет устойчива к радиации. Ее представители без дрожи в коленях выйдут на поверхность и смогут построить новый мир. Создадут будущее не для туннельных крыс, а для возрожденного человечества. Люди снова увидят звезды, о которых с такой пронзительной ностальгией рассказывают старожилы Метро. Как там говорил Нестор? Гэмэчелы – генно-модифицированные человеки – смогут преспокойно пользоваться всеми ресурсами поверхности... Мило! Все вспоминают жизнь на земле со слезами умиления на глазах, однако все попытки рядовых гуляйпольцев самостоятельно выйти на поверхность руководство станции пресекает на корню, в порошок готово стереть!

«Стереть в порошок? – тут же подхватило второе я. – Это ты верно заметил. Стереть в порошок с помощью тротильных шашек, которые лежат в твоём рюкзаке. Так зачем валить с больной головы на здоровую, товарищ идеалист?»

Анатолий мотнул головой, чтобы отогнать расслабляющие волю мысли, которые могли завести только в тупик. Прежде всего, он солдат и должен выполнить приказ станции. А там... Надо будет полистать Кропоткина. У него точно можно найти ответ. Плюс к этому князь больше всех остальных мог претендовать на близость к абсолютной истине, поскольку все чертежи своего варианта переустройства мира чертил исключительно на бумаге и не запятнал руки единой каплей крови. Этот вывод принес некоторое утешение, и Анатолий посмотрел на виновника своей минутной слабости.

Никита в самом деле выглядел помолодевшим лет на десять. Он вытер ладонью пот с лысины. Его маленькие, спрятанные за косыми, как у монгола, складками кожи гла-



за выглянули из своих норок. В движениях появилась уверенность и даже какая-то лихость. Что за дела? Как объяснить это преображение?

Может, просто вошел в ритм движения? Да, такой ритм существовал. Тот, кто долгое время проводил на станции, а затем попадал в туннель, нередко вел себя как растерянный ребенок. Шарахался из стороны в сторону, выписывал зигзаги, вместо того чтобы двигаться по прямой. Однако стоило новичку нащупать ритм движения, вписаться в темп, как шараханья заканчивались. Дальше его начинала вести мягкая лапа Метро. Она подталкивала в спину или придерживала за плечо, помогая идти по кратчайшему пути. Это, конечно, не гарантировало от опасностей, которые подстерегали путника на каждом шагу, зато позволяло добраться до цели быстрее.

Черт его знает! Вдруг этот тюфяк Никита просто становится мало-помалу нормальным мужиком? Может, туннель позволит ему чуточку подавить в себе чиновника, привыкшего прятаться за чужими спинами? «Может, – думал Анатолий, глядя на толстячка, – в конце нашего пути мне придется пожать твою пухлую ручонку?»

Их взгляды скрестились. Никита тут же отвернулся, но Анатолию вполне хватило и мгновения, чтобы понять: никогда и ни за что они не пожмут друг другу руки. Если Никита и не был дважды предателем и двойным агентом, то ждать от него дружеских лобзаний точно уж не стоило. В лучшем случае он просто выполнит поручение Нестора, а в худшем...

Анатолий вдруг понял, что в течение нескольких минут он слышит за спиной тяжелое дыхание. Позади шагал Гриша. Рослый, крепко сбитый парень, не раз доказавший в передрягах свое мужество. Про таких говорят: в воде не тонет, в огне не горит.

Но только вот что-то с ним приключилось... Квадратное лицо скривилось, словно кто-то вывернул Грише руку и все больше дожимал ее, чтобы сломать. Выступившие на лбу и висках бисеринки пота катились по щекам и массивному подбородку. Гриша то и дело поднимал глаза к своду туннеля, а когда опускал, начинал мять и передвигать лямку рюкзака, будто она не просто давила на плечо, а впивалась в тело.

– Все нормально, Толян... – с трудом выдавил из себя Гриша.

Голос у него был таким хриплым, будто он сорвал голосовые связки. Анатолий кивнул и отвернулся. Лучше бы Гриша не раскрывал рта. Ему действительно было плохо, что-то его беспокоило... Однако начинать расспросы Анатолий не хотел. Не стоило волновать остальных ребят. Даже слабая тень паники была сейчас, в середине пути, не на месте. Как-нибудь уж Гриша продержится до станции... А там устроим привал и поговорим.

Проблем хватило с избытком и без Григория. Начались они через три десятка метров. В круге света на правой стене мелькнуло что-то черное. После того как луч фонарика замер на черных пятнах, стало ясно, что это не просто сырое пятно плесени. Пятна сложились в буквы «ж» и «и». Круг света переместился влево. Стала видна вся надпись, или, точнее, ее отрывок:

– Берегись! Здесь жи... – начал читать Гриша хриплым, замогильным голосом и вдруг осекся.

Черт бы его побрал, зачем произносить фразу, которую и так все прочитали! Никто не нуждался в озвучке текста, который и так не имел ничего общего с «добро пожаловать!».

Фраза «Берегись! Здесь жи...», по всей видимости, была выполнена факелом или мазутным светильником. У каж-



дой из корявых, разной толщины букв имелась уходящая вверх косичка. Однако самым жутким было окончание фразы. Буква «и» заканчивалась длинной, уходящей к самому полу дугой. Тот, кто написал это, явно прервался не по своей воле. Закончить мысль ему помешали. Помешали те, кто... Живет здесь! Анатолий обвел взглядом настороженные лица ребят своей команды. Они, конечно, и сами обо всем догадывались. Глупо было считать, будто любитель настенных текстов собирался закончить свое откровение чем-то вроде: «жизнь» или «живопись». Так кто же здесь живет? Мамочка? Путевой обходчик? Его Величество Зверь?

Похоже, наиболее близкий к истине ответ мог дать только Гриша. Парень совсем раскис, он чуть не плакал. И безуспешно пытался скрыть бившую его дрожь. Будто ему казалось, что на них вот-вот рухнет свод туннеля, и поэтому он все время таращился вверх – на самый безопасный из всех потолков, которые Анатолий когда-либо видел. Лучи фонариков метались во все стороны, но, насколько хватало света, не было и намека на угрозу. Просто здесь кто-то живет. Возможно, как раз сейчас он сыт и не желает тратить время на такую мелкую добычу, как восемь жалких людишек. Вот когда пройдет караван побольше, тогда он и покинет свою сырую, темную нору, чтобы полакомиться человечинной.

Молчание становилось все тягостнее, пока нервное напряжение не достигло наивысшей точки, после которой проронить хоть слово стало жизненной необходимостью.

– Гринь, что случилось-то?!

Вопрос командира вырвал Гришу из ступора. Он несколько раз сглотнул с таким видом, будто привести речевой аппарат в действие стоило ему теперь невероятных усилий.

– Ерунда, командир... Чертовщина какая-то... Крылья. Они повсюду. Хлопают так, что ушам больно...

– Какие, к Марксу, крылья? – фыркнул Анатолий с деланной иронией. – Нет ничего такого, и не может быть. Скажи себе это, и сразу полегчает.

Гриша кивнул и попытался выдавить из себя улыбку. Вышло очень даже неплохо. Почти искренне.

– Вперед! – скомандовал Анатолий.

Все испытывали одинаково страстное желание поскорее покинуть это место. Плохое было место. Плохое! И желание бежать было настолько страстное, что отряд, вместо того чтобы двигаться попарно, растянулся в шеренгу от одной стены до другой. Толя закрыл на это глаза – не стоит донимать бойцов придирками в такой момент. Сейчас, сейчас, минуют этот странный участок и снова построятся как положено.

Сам испугался, вот что. Сам сдал. Командир, тоже мне...

Толя так заспешил, что, вопреки своим правилам, решил миновать темный проем подсобки без привычных предосторожностей. Под ботинком что-то хрустнуло.

Щебень не мог издать такого звука. Это был сухой и отрывистый, как одиночный выстрел, хруст. Анатолий инстинктивно отпрянул в сторону так резко, что чуть не сбил Гришу с ног. Вырвав фонарик у ведущего, он едва не уронил его – руки стали не просто влажными, а мокрыми от пота.

Луч света упал на нужное место. Анатолий перевел дух. Он наступил на ногу скелета. Только-то и всего. Прыгать из-за этого до потолка не стоило. Тем более бравому командиру отряда. Жителей Метро нельзя удивить скелетами. Они встречались в некоторых туннелях почаще живых людей.



Анатолий не раз видел трупы в разной степени разложения. Вначале у него включалось воображение, он размышлял о том, кем при жизни были эти люди. Пытался понять по внешним признакам, кем они были по профессии. Искал в пустых глазницах ответ, кого любил и кого ненавидел хозяин черепа. Однако вскоре привык к этому зрелищу. Найденный в туннеле труп оставался для него просто трупом. Кусок мертвечины. Ни о чем он не думает. И не думал никогда.

Как-то раз Анатолий даже попытался прикинуть, как соотносится количество увиденных им останков с числом с примерным числом живых обитателей Метро. Оказалось, что сравнение не в пользу живущих. Настолько не в пользу, что не обязательно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что если пустить проблему на самотек, то лет через десять туннели будут просто завалены скелетами умерших насильственной или естественной смертью людей. И все из-за того, что живые были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на мертвых. Последние ведь прекрасно могут обходиться без оружия, топлива и еды. Так зачем тратить на них драгоценное время, если его можно использовать для более полезных дел?

Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов? Пусть забирают их к себе в туннели, пусть набиваются в мертвецкие-сквоты, лишь бы не совались на станции, к живым.

Как же тогда будет выглядеть Метро в будущем? Метро – мертво...

И вот уже лучи фонарей не просто рассекают пустоту, они безуспешно пытаются пробиться сквозь нагромождения скелетов, тазовых и берцовых костей, обрывков полустлевшей одежды, пустых черепов. Теперь путешествие от станции до станции занимает в десять, двадцать раз больше

времени, чем раньше. Отрядам приходится прокладывать себе путь, раздвигая в стороны залежи костей. Люди расчищают себе узкие проходы, продвигаются вперед благодаря шахтам вентиляции и боковым туннелям. Поездки на дрезинах навсегда останутся в прошлом. Сообщение между станциями становится роскошью. Привычные связи разрушаются.

Мир жителей Метро, и без того несказанно ограниченный, сужается до узкого пространства станций. А смертность растет, костные залежи становятся все выше и выше. Проходит время, и медленный поток реки скелетов вползает на жилые станции. Люди, закупоренные на своих платформах, продолжают умирать. В конце концов, месть непогребенных мертвецов свершится – Метро станет просто мертвой ямой, могилой, набитой костями.

Метро – мертво...

Чушь! Существует множество способов избавиться от скелетов. Люди обязательно решат проблему. Они ведь хоронят своих близких? А если каждый найдет время захоронить труп незнакомого человека, то жуткая картина, нарисованная кистью его фантазии, никогда не станет явью.

Анатолий почувствовал легкий толчок в плечо. Позади стоял Колька. Ствол его автомата был опущен вниз, и фонарик освещал ноги скелета. Остальная часть костяка скрывалась в темноте подсобки.

- Знаешь, Толян, мне мать рассказывала про одно поверье.
- Что за поверье?
- Если захоронишь одного непогребенного мертвеца, тебе будет отпущено Господом три греха.
- Тогда тебе, дружбан, хоронить не перехоронить, – раздался насмешливый голос Сереги. – Грехов у тебя – выше



крыши. Вот, например, целый рожок патронов год назад у меня занял, а отдавать... Грех долг не возвращать.

– Три греха, говоришь? – Анатолий мысленно высчитал время, которое потребуется на то, чтобы вырыть в неподатливом грунте яму, и принял решение. – Коля дело говорит!

В подсобке нашлись красные и черные лопаты, сделанные кустарным способом из обрезков капотов автомашин. Отряду пришлось временно переквалифицироваться в похоронную команду. Дружными усилиями яма была вырыта меньше чем за десять минут. Благодаря тому, что одежда на останках хоть и превратилась в лохмотья, но не истлела окончательно, скелет не развалился, когда его укладывали в яму.

По команде Анатолия ребята принялись засыпать могилу. И вдруг раздался громкий лязг.

На рельсы упал Гришин автомат. Затем раздался болезненный стон. Гриша, заткнув руками уши, качался как пьяный на самом краю ямы.

– Слышите, крылья шумят! – промычал он, жмурясь от боли. – Птицы! Его заклевали птицы! Посмотрите на голову! Вы что, не видите? Это следы клювов! Здесь живут птицы!

Гриша рванулся к автомату. Прежде чем его успели остановить, он схватил оружие и, прижавшись к стене спиной, резко вскинул ствол вверх:

– Я не сдамся просто так! Я...

Всех будто парализовало. А что тут делать? Время застыло, будто замерзло...

И только для Толи оно осталось теплым, быстрым. Каждая пуля, выпущенная в потолок сходящим с ума Гришкой, споткнется о чугунные выступы тюбингов и отрикошетит, обернется против стрелявшего, против его товарищей...

Одной рукой Анатолий вцепился в ствол автомата и резко опустил его вниз, а второй врезал паникеру в скулу так, что

тот беззвучно сполз по стене на рельсы. Парни застыли, раскрыв рты от изумления. Командир потер ушибленный кулак:

– Минут через пять очухается наш орнитолог.

Казалось бы, череда сюрпризов закончилась... Ан нет.

В такт отдаленному стону туннельного сквозняка кто-то насвистывал веселую мелодию. Никита!

Присев у стены неподалеку от свежей могилы, он с самым будничным видом переодевался в свою наркомвнудельскую форму, которую достал из рюкзака.

– Открыт еще один способ борьбы с боязнью замкнутого пространства, – ехидно хмыкнул он. – Лучшее лекарство – прямой в челюсть. Браво, товарищ Анатолий. Когда он очнется, думаю, проблемы больше не возникнет.

Анатолий с удивлением наблюдал за манипуляциями Никиты. Тот перестал свистеть, морщась, натянул второй сапог, встал и нахлобучил фуражку на лысое темя.

– Только с чего он взял, что здесь есть птицы? – спросил Серега. – Чертовщина какая-то.

– Эх, молодые люди, многого вы не знаете, – произнес Никита. – Первое название станции Проспект Маркса – Охотный ряд. А почему? Давным-давно на улице Охотный ряд торговали битой и домашней птицей. Вот теперь эта дичь и шастает по Метро, только не все ее видят. Есть многое на свете, друзья мои, что и не снилось нашим ученым. Вроде Корбута.

Анатолий напрягся, но виду не подал.

Гриша пошевелился. Со стоном сел и потер ушибленное лицо. Ничего он не помнил и на склонившихся над ним ребятах смотрел с удивлением. Анатолий пропустил мимо ушей его вопрос о том, что случилось. Взгляд у Гриши прояснился. Можно было идти. Могилу быстро засыпали и двинулись вперед.



Анатолий не стал расспрашивать Никиту о том, зачем он облачился в свою форму, а экипировку, выданную ему на Войковской, оставил на месте переодевания. Все и так было ясно. Где-то через полчаса они вступят на главную станцию Красной линии. Там-то он в своей волшебной форме будет смотреться всяко лучше, чем в замызганном штатском пиджачишке.

Все шло по плану, и мысли Анатолия вернулись к птице, которой торговали на Охотном ряду. Есть ли у птиц душа? Если верить Грише, получается, что есть. Возможно, души убитых птиц действительно забились под землю и мечутся под сводом туннеля. Невидимые для глаз, они издают неслышные звуки... Не слышные для большинства людей. Когда Метро еще использовалось по назначению, поезда проносились под улицей Охотный ряд с шумом и на большой скорости, заглушая хлопанье крыльев и крики. Однако ночью наверняка кто-то из рабочих-путейцев мог слышать птичий клекот...

После Катаклизма все изменилось. Людям пришлось смириться с шумом крыльев призрачных птиц, витающих над их головами. Это раньше можно было сказать: оставим небо птицам и вернемся к земным делам. Теперь у жителей Метро нет других дел, кроме земных, а точнее, подземных.

Анатолий дал команду спрятать автоматы под куртки и приготовиться к вступлению на станцию.

Проспект Маркса встретил отряд немного раньше, чем предполагалось. Впереди вспыхнул и стал стремительно увеличиваться в размерах желтый огонек.

– Спокойно, – объявил Никита. – Мы пересекли трехсотый метр. А у наших тут не только стационарные блокпосты, но и мобильные имеются...

«Наших?» – хотел спросить Анатолий, но не стал.

Через несколько секунд стал слышен характерный стук ручной дрезины. Из темноты донесся суровый голос: командир разезда приказал остановиться и предупредил, что в случае неповиновения по ним будет открыт огонь без предупреждения. Никита кивнул Анатолию, поднял руки и вышел под свет фонаря:

– Не стреляйте, свои!

Четверо дозорных разглядели форму Никиты, и тот, опустив руки, направился к дрезине. Анатолий положил руку на рукоять пистолета, многозначительно посмотрел на Серегу, который хоть и не выпячивал автомат, но держал его в боевой готовности.

Момент истины...

Если Никита заманил отряд в западню, придется отступить с боем. Однако, переговорив с охранниками, Никита развернулся и двинулся к Анатолию. Дрезина покатила к станции.

– Все в порядке. Пропустят без проблем. Запомните, ребята: вы из наших, дзержинцев, – инструктировал Никита. – Советую держаться непринужденно, по пустякам ни с кем не заговаривать. Чтобы избежать лишних вопросов, придется ненадолго задержаться. Перекусим и все такое...

Дорого бы Толя отдал, чтобы узнать, что имелось в виду под «все такое». Уж не почетная ли сдача в плен? Надо было определяться, верит он Никите или нет, раньше. Черт, теперь пути назад нет. И успех операции, и дальнейшая судьба группы в руках толстяка-перебежчика.

Вскоре Анатолий услышал разноголосый гомон, свидетельство того, что они приближались к густонаселенной станции. На путях возвышалась аккуратно сложенная из мешков с песком крепость, дорогу преграждал полосатый шлагбаум. Между мешками темнели бойницы, из которых



торчали стволы автоматов. Дрезина покатила назад, к трехсотому метру. Часовые одарили команду Анатолия неприветливыми взглядами, но и откровенной враждебности в них не читалось. Шлагбаум поднялся. Отряд вступал на территорию врага. Следовало опасаться любой оплошности или неосторожного слова, но Анатолий просто сгорал от любопытства. Никогда прежде Толе не доводилось ступать во владения Красной линии, и все было ему здесь интересно. Наверное, нечто подобное испытывали конкистадоры и первооткрыватели новых земель в эпоху колониальных открытий. Ведь не только жадность и блеск золота гнали их вперед. Какой смысл жить на одном месте? Жизнь для домоседов течет вдвое быстрее.

## **Глава 6**

### **ЛЕКЦИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ**

Никита первым вскочил на серый гранит платформы. Не было никаких приставных лесенок, но перебежчик прекрасно обошелся и без них, оперся руками о край и легко перебросил через него свое тучное тело. От его неловкости не осталось и следа. Он стоял наверху с улыбкой гостеприимного хозяина, дожидаясь, когда на платформу поднимется весь отряд. Никиту тут же заметили. К нему подбежал невысокий вертлявый человечек в гражданском. Он приветствовал гостя сердечным рукопожатием.

Человечек, кажется, приходился Никите подчиненным. Внимательно выслушав распоряжения толстяка, он кивнул головой с такой энергией, что та чуть было не отвалилась.



Получив указания (Анатолию не удалось услышать ни слова), он с удивительной прытью умчался их выполнять. Никита жестом пригласил группу следовать за ним.

Отряд двинулся вперед вдоль массивных, сдвоенных колонн, залепленных пропагандистскими плакатами. Здесь, как и на Войковской, жили люди идейные, сразу видно. Стену, идущую вдоль одного из путей, почти полностью скрывал огромный лозунг. На плотно пригнанных квадратных кусках белого пластика красной краской было выведено: «Слава Коммунистической партии Метро!»

По количеству всевозможных видов наглядной агитации Войковская–Гуляй Поле не уступала Проспекту Маркса. Однако тут все выглядело солиднее и монументальнее. Анатолий ожидал увидеть нечто подобное, но все равно поразился. Все то, что он вычитал в пожелтевших от времени книгах о коммунистах прошлого, все слышанное о красных на яростных митингах анархистов сложилось для Анатолия в железобетонный стереотип. Красных он представлял себе настоящими зомби или роботами, которые говорят не иначе как лозунгами, питаются идеями и во имя достижения своих идеалов способны отпилить себе руки, ноги и... В общем, на все готовы.

Проспект Маркса не оставлял от этого стереотипа камня на камне. Здесь бурлила жизнь. Именно жизнь, а не размеренное существование людей-механизмов. Бросалась в глаза чистота. Не режущая глаз, стерильная чистота Белорусской, где уборщики просто-таки охотились за каждым брошенным на пол окурком самокрутки. Здесь порядок являлся не самоцелью, а всего лишь разумной мерой гигиены.

Стены станции были отделаны белым мрамором, сводчатый потолок покрыт рельефными квадратами. Наверное, так сделано для того, чтобы хотя бы частично ослабить

ощущение натиска земной толщи. Нигде не было видно пятен сырости. Станция залита ровным мягким светом, не режущим глаза, но и не оставляющим теней.

Казалось, на Проспекте Маркса присутствует какой-то особый дух. Была здесь атмосфера сплоченности, единства. Люди не казались, как на торговых приганзейских станциях, хаотически метавшимися насекомыми, летучими тараканами в стеклянной банке, а следовали некоему порядку... Нет, не порядку даже, а общему смыслу. И почему-то не казалось Толе, что тут все делается из-под палки, как внушали ему анархистские идеологи.

У одной из колонн группа молодых людей с интересом читала и тут же обсуждала стенную газету. Проходя мимо, Анатолий успел прочесть заголовок газеты: «Товарищ Москвин призывает к бдительности».

Промежуток между следующими двумя колоннами был занят группой людей, следивших за передвижением какой-то делегации, возглавляемой молодым, но невероятно серьезным человеком в роговых очках. На нем был светлый, наглухо застегнутый китель с двумя накладными карманами и черные брюки, заправленные в высокие сапоги. Молодой человек с величавой медлительностью прохаживался по платформе, осматривая убранство станции, изредка отдавал какие-то указания. Вокруг вились два чиновника рангом поменьше. Они внимательно выслушивали то, что говорил начальник, кивали головами и тут же делали пометки в своих блокнотах. Только один раз грозный руководитель позволил себе проявить эмоции. Когда из толпы к нему вылетела девчушка лет восьми в красном галстуке и со словами «Привет товарищам со станции Знамя Революции!» вручила букетик бумажных цветов. На что он улыбнулся и, наклонившись, чмокнул пионерку в щеку.



Чуть дальше в центре платформы стояла обтянутая красной материей тумба. На прикрепленном к ней листке было написано «Сбор пожертвований на восстановление мозаичного портрета основателя коммунистического движения». В торце тумбы имелось круглое, похожее на пулевое, отверстие, и на глазах у Анатолия пара человек успела опустить в него по очереди несколько патронов. Анатолий увидел портрет, о котором шла речь, на торцевой стене платформы. Там были возведены леса, на которых работали реставраторы. Анатолий решил в целях конспирации внести свою лепту в благородное дело восстановления мозаики. Он сунул руку в карман, но ни одного патрона там не нашлось. Пожертвование сделал Сергей. Под одобрительным взглядом Никиты он опустил в прорезь тумбы два патрона.

Торговля на Проспекте Маркса была упорядочена. Еду здесь не предлагали вообще. Обитатели станции питались исключительно совместно в большой палатке с надписью «Общественная столовая». Что касается расставленных через равные промежутки пяти палаток, то в них торговали пищей идеологической. Были здесь неплохо нарисованные плакаты с иллюстрацией с призывающим к бдительности товарищем Москвиным. Под надписью «Товарищ, враг не дремлет!» с них сурово смотрел молодой человек с красным бантом на груди. Имелись в продаже кустарно сработанные значки с профилями Ленина, Сталина и Маркса, номера газеты «Вестник Коммунистической партии Метро», красные банты и множество брошюр, отпечатанных на пожелтевшей бумаге.

Военные в камуфляже и форме, похожей на обмундирование Никиты, толпились у палатки, где торговали старыми наградами и настоящими значками. Анатолий

очень пожалел, что не может рассмотреть это богатство поближе. На Гуляй Поле он был знаком с человеком, называвшим себя фалеристом, который показывал Толе свою коллекцию значков. На самых разнообразных по форме бляшечках, и новых, и с облупившейся эмалью, были изображены не известные Анатолию люди и непонятные символы ушедшей эпохи. Толе казалось, что весь сгинувший мир можно было изучить по этим значкам...

В следующей палатке торговали книгами. Игнорируя строгий взгляд Никиты, Анатолий остановился у лотка. На четырех полках были расставлены толстые фолианты «Капитала», несколько вариантов полного собрания сочинений Ленина и десятки не столь солидных книжиц и брошюр. Нетленные произведения классиков коммунизма! Анатолий напрасно искал среди этого изобилия хоть что-нибудь из художественной литературы. Если такая литература и была, то хранилась в какой-нибудь библиотеке, а на продажу шли только эти тяжелые по весу и трудные для восприятия книги.

– Интересуетесь книгами?

Увлечшись изучением товара, Анатолий даже не обратил внимания на продавца. А стоило бы. Анатолий поднял глаза. Вопрос задала девушка лет двадцати. Большие серые глаза под ровными дугами бровей, тонкий, красиво очерченный нос, плавный овал лица, чуть влажные, розовые губы... Незнакомка была замечательно красива; Анатолий не мог взять в толк, как такое небесное существо может жить в Метро.

На ее серой форменной блузке был нашит лоскуток ткани в форме красного флага с желтым профилем Ленина. От задорной улыбки девушки Толя онемел и лишь спустя минуту выдавил из себя утвердительный ответ. Хозяйка палатки



начала расхваливать свои книги, но Анатолий не слышал ничего. Он следил за движениями изящных рук, смотрел на тонкие пальцы, поглаживающие корешки фолиантов, любовался русым локоном, выбившимся из-под красной косынки.

– Мне кажется, вы меня совсем не слушаете... – одернула его девушка.

– Да. То есть, нет, – очнулся Анатолий. – Скажите, а вам не кажется, что товар у вас с душком? Плесенью веет. – Он подмигнул.

– Идеи Ленина не устареют никогда! – воскликнула девушка. – Рано вы хороните Владимира Ильича!

Толя пожал плечами. Хоронить Ленина было уже слишком поздно. Но вступать в идеологический спор с девушкой, лишенной чувства юмора, в бастионе марксизма-ленинизма... Вряд ли можно придумать что-нибудь еще более безумное. Отступать не хотелось, и Анатолий сделал ход конем.

– Перевоспитайте меня, – широко улыбнулся он и представился, подавая руку: – Толя.

– Елена...

Прикосновение теплой руки девушки было подобно удару тока.

Толе не хотелось отпускать руку девушки, а та не убирала своей. Воспитательный процесс явно начал налаживаться, но зайти далеко ему не было суждено.

– Что за дела? Ты откуда такой борзой взялся? Своих девок не хватает? А ну ка...

Вопрос задал подошедший к палатке молодец: крепкий на вид, с маленькой головой, широченными плечами и пустыми, как туннели, глазами. На его груди, туго обтянутой полувоенным кителем, красовался такой же значок, как у Елены. «Молодежные бригады компартии», – вспомнил Толя. Точно. Комсометр? Метромол? Комсомол!

Наглый комсомолец оттолкнул Анатолия и попытался вытащить девушку из-за прилавка, жестоко ухватив ее за запястье. Обрушилась полка, на пол полетели книги. Девушка, закусив губу, молчала, но Толе было достаточно и перехваченного взгляда. Забыв о конспирации, он положил нахалу руку на плечо.

– Эй, товарищ! Что, партия хорошим манерам не научила?

Тот не сообразил даже, что происходит: видно, с сопротивлением ему прежде сталкиваться не приходилось. После некоторого замешательства, ушедшего на осмысление сказанного Толей, глаза верзилы начали наливаться кровью, а пальцы сжались в кулаки.

– Может, ты, молокосос, меня манерам поучишь?

Анатолий успел перехватить занесенную для удара руку, а потом фирменным приемом Деда заломил ее комсомольцу за спину. Тот взвыл от боли и наклонился так, что уперся носом в прилавок. Триумфу помешал звенящий от ярости голос Никиты:

– Отставить!

Верзила вывернулся и явно собирался продолжить драку, но, увидев Никиту, вытянулся по стойке смирно. Он собрался было открыть рот, однако Никита не был расположен выслушивать объяснения.

– Вон, недоумок! – едва сдерживаясь, прошептал энкавэдэшник.

Комсомолец счел за лучшее ретироваться и вскоре растворился в темном конце перрона. Никита, недобро глядя на Толика прищуренными глазами, покачал головой. Тому оставалось только одно: виновато улыбнуться. Никита, не промолвив больше ни слова, ушел.

Елена одарила драчуна смущенной улыбкой:

– Спасибо... Этот приставаала мне совсем проходу не дает.



– Обращайтесь, – переводя дыхание, вернул улыбку Толя. – На обратном пути я еще к вам загляну и куплю что-нибудь. А то как же вы будете меня перевоспитывать без учебной литературы. А пока прошу простить... Меня ждут дела.

– Надеюсь, великие... – Елена улыбнулась иначе, смелее. – Возвращайтесь.

Командир, забывший о своем отряде, бросился его догонять, спотыкаясь и все время оборачиваясь назад.

Группа уже успела войти в одну из палаток, а Никита нервно топтался у входа, поджидая опоздавшего. Перебежчик что-то недовольно буркнул, однако Анатолий не обратил на его слова никакого внимания. Зачем он пообещал девчонке, что вернется? Мог ли он пообещать это даже самому себе?

В палатке был накрыт деревянный стол. Гостей поджидали тарелки с дымящимися колбасами, тушеными грибами и чай. Кроме уже знакомого вертлявого мужичка в палатке находился солидный пожилой человек профессорского вида, представившийся Михаилом Андреевичем. Он так обрадовался гостям, будто ждал их целую вечность. Пожал руку каждому, а когда очередь дошла до Анатолия, даже спросил:

– Никита сказал, что вы с Юго-Западной. Ну и как там нынче?

– Нормально, – удивленно отозвался Толя и подумал: «Почему с Юго-Западной?»

Он настороженно огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил.

– Бывал там неоднократно, и всегда с самыми лучшими впечатлениями, – продолжал говоривший, протягивая ладонь для рукопожатия. – Туннели, конечно, небезопасные, но...

Ладонь у Михаила Андреевича была сухой и горячей, а ногти аккуратно подстрижены. Среднего роста, в своем почти новом сером костюме и начищенных до блеска черных туфлях, он выглядел настоящим щеголем, что в Метро случалось крайне редко. Из удобства мужчины Метро стриглись коротко: даже раз в две недели принять душ могли позволить себе не все. Исключением являлись опустившиеся на дно жизни бомжи или вознесшиеся под потолок вожди вроде Нестора.

Вот и Михаил Андреевич тоже носил длинные волосы. Он то и дело аристократическим, исполненным достоинства жестом откидывал спадавшую на глаза седую прядь и беспрестанно улыбался. Странной была эта улыбка. Она исполнялась только губами, не поддерживалась ни мимикой, ни жестами. При этом поблекшие голубые глаза оставались холодными. Они жили отдельной жизнью. Создавалось впечатление, что тело любезнейшего на вид Михаила Андреевича использовало другое существо, наблюдавшее за окружающим миром через прорези в черепе.

Этот человек сразу насторожил Анатолия. Что ему здесь надо? Почему смотрит на ребят словно портной, собирающийся сшить каждому по костюму? Что за смотрины? А это странное замечание насчет Юго-Западной? Возможно, прибытие с отдаленной станции было частью легенды, сочиненной Никитой. В таком случае возникал резонный вопрос: когда Никита успел сказать об этом Михаилу Андреевичу?

Анатолий смотрел на ребят, которые с аппетитом поглощали свиную колбасу и запивали ее грибным чаем. У него самого аппетит пропал, ему стало не до еды. Это – ловушка? Никита привел группу в западню, и сейчас Анатолий на своей шкуре испытает все прелести жизни инакомыс-



лящих при коммунизме? Их скрутят сразу на выходе из палатки? Мозг заработал в авральном режиме.

Нужен план отхода. Первое его звено было известно – по пуле в лоб Никите и Михаилу Андреевичу. Потом, воспользовавшись паникой, прыгнуть на пути и с боем прорваться через блокпост. Если очень повезет – захватить дрезину. Так поступали его герои. Так поступил бы Че Гевара. Однако до свободного туннеля доберутся не все. На платформе полно военных, охота на диверсантов будет развернута в считанные секунды. Да и гражданские проявят бдительность, к которой их призывает товарищ Москвин. Интересно, что будет делать в момент боя ангел в красной косынке?

– Моя работа – знакомить всех, кто давно не бывал на станции, с нашими новыми достижениями. Я – лектор нашего комитета партии.

Заявление Михаила Андреевича было таким неожиданным, что Анатолий вздрогнул. Лектор! Всего лишь лектор или даже экскурсовод. Черт возьми! Анатолий ругал себя последними словами. Еще полминуты, и он бы стал палить во все стороны. Когда Никита успел сказать о том, что они прибыли с Юго-Задной? Да все тогда же! Когда командир диверсионной группы пялился на смазливую комсомолочку!

Испытывая сильное желание отхлестать себя ушами по щекам, Анатолий переключился на речь Михаила Андреевича.

– Ограниченное время вашего пребывания на нашей станции не позволяет мне показать все, что сделано здесь для восстановления ведущей роли Коммунистической партии в нынешней сложнейшей политической и экономической ситуации для улучшения жизни коммунистического сообщества Метро. Конечно, Проспект Маркса только не-

большая часть Интерстанционала, но мы стремимся стать образцом для подражания. Несколько дней назад, товарищи, мы отмечали знаменательное событие. В западном вестибюле станции открыт детский сад. Дети – цветы жизни, и мы собираемся возвращать эти цветы в новой, прекрасной оранжерее. Отныне малыши близлежащих станций будут воспитываться в одном месте, под присмотром опытных педагогов. У них больше не будет родителей, а точнее родителями будут все, кто стоит под нашими славными знаменами. Мы вместе воспитаем подрастающее поколение в духе...

Паника – вот к чему могут привести поспешные выводы. Михаил Андреевич продолжал говорить, и с каждым его новым словом Анатолий все больше убеждался, что перед ним настоящий лектор. А то, что у оратора немного странная внешность, еще не повод пускать ему пулю в лоб. Профессия Михаила Андреевича прекрасно сочеталась с тем, что несколькими минутами раньше было занесено в список подозрительных примет: хороший костюм, начищенные туфли, аристократические жесты и оценивающий взгляд. Все очень просто: по профессиональной привычке лектор изучал аудиторию, перед которой ему предстояло выступать.

Толя глубоко вздохнул и медленно выдохнул воздух, чтобы успокоиться. Вроде бы можно позволить себе расслабиться и просто послушать рассказ о жизни людей загадочной Красной линии.

Многое из того, о чем с пафосом говорил Михаил Андреевич, вызывало только улыбку. Разделять его уверенность в том, что уже через год все линии Метро станут красными добровольно, воочию убедившись в экономических успехах коммунистов, было бы смешно и нелепо. Зато идея о взаимопомощи станций пришлась Анатолию по душе. Не



об этом ли писал Кропоткин в «Записках революционера»? Что, как не взаимопомощь, приведет к развитию чувства справедливости с его неизбежными спутниками – чувствами равенства и равноправия? Да, у коммунистов есть вожаки, и пока они находятся в привилегированном положении. На данном этапе иначе нельзя. А вскоре, судя по словам Михаила Андреевича, они станут скорее людьми почина, чем руководителями.

Когда выступление было закончено, Анатолий вместе с другими поаплодировал лектору: если тот и врал, то врал отменно.

Выходя наружу, он пожалел о том, что даже не притронулся к угощению. Судя по пустым мискам и довольным лицам его подчиненных, красные умели не только говорить. Прежде чем спуститься вслед за остальными в туннель, Анатолий бросил прощальный взгляд на книжную палатку. Девушка раскладывала книги на полке и не смотрела в его сторону.

Избежав проверок документов и других формальностей, отряд миновал блокпост, в точности повторявший архитектурные особенности своего собрата на другой стороне. Темнота туннеля, приближение к цели, а еще больше очередное появление незнакомца с фонариком разбудили в душе дремавшее чувство тревоги. Впереди шагал Никита.

Теперь он выглядел как человек, знающий себе цену и ничуть не обеспокоенный возможным возмездием за предательство. Он вел себя так, будто шел на прогулку... А ведь он рисковал ничуть не меньше, чем каждый из диверсантов, если не больше!

«Нет, – снова отогнал тревожные мысли Толя. – Просто идет человек по хорошо знакомому туннелю. Уверенно себя тут чувствует: сколько уже тут хожено. Ориентируется

человек: и про подземку многое знает, и с историей знаком – чего стоит только его рассказ о душах птиц на Охотном ряду. Разве плохо, когда твой проводник – знающий человек?»

Толя смотрел на Никиту, и однозначного ответа на этот вопрос у него не было.

Когда станция Проспект Маркса осталась далеко позади, лучи фонариков уткнулись в прикрепленный к потолку большой пластиковый щит с надписью «Внимание! Зона особого контроля. Вход на станцию имени Дзержинского категорически воспрещается. Транзит – только по предъявлении документов».

Анатолий нахмурился. Какой там транзит? Да и вход на станцию им не потребуется. Небольшая платформа, дверь с кодовым замком, закладка мины, установка таймера и, как говорится, по домам. Если всем им повезет...

Через пятьдесят метров после щита Никита провел группу в подсобку. Там было оставлено все, что могло стеснять движения, и проведено последнее, короткое совещание. Дальнейший путь продолжался с потушенными фонариками. Из-за отсутствия света туннель выглядел во сто раз враждебнее, чем прежде. Давящую на уши недобрую тишину нарушал лишь хруст щебня под ногами. Черт побери, как медленно тянется время!

Хочется уже побыстрее заняться делом. Даже не выполнить приказ, а просто разорвать в клочья и эту мертвую тишину, и тягостную неопределенность. Анатолий в буквальном смысле ощущал, что напряженные до предела нервы стали похожими на вибрирующие от натяжения струны. И тут...

Он даже не сразу определил характер звука. За спиной у него... кто-то смеялся. «Господи, товарищ Кропоткин, пусть мне это показалось», – пробормотал про себя Толя.



Просто маленькая галлюцинация, а? Небольшой сдвиг по фазе. Смеяться в такую минуту не мог никто. И все же...

Сергея, его верный, надежный, непробиваемый Сергей, вовсю щерил свои ровные желтые зубы. Он держал автомат за конец ствола, приклад волочился по земле. Под строгим взглядом командира Сергей поднес ладони к лицу, пытаясь стереть улыбку от уха до уха, но от этого только сильнее зашелся в смехе:

– Толян! Мы пс-с-с... Никогда не думал, что туннель напоминает? У женщин? Хах-х-х-х... Вот в таком мы сейчас трудном положении...

После этих слов Сергея одолел такой приступ хохота, что плечи его задрожали, а на глазах выступили слезы. К нему неожиданно присоединился Колька. Он даже не пытался говорить, а просто смотрел на стену и тупо ржал. Вслед за ним эпидемия смеха сразила Гришу. Он хохотал так, что согнулся пополам. Анатолий набрал полную грудь воздуха и вlepил Сергеe оплеуху. Она не привела его в чувство, а лишь вызвала новый прилив безудержного веселья. Анатолий понял, что полностью утратил контроль над положением. Хохотали все. Макса безумно веселил ствол автомата, Гриша вовсю потешался над своими ботинками, Артура смех сразил настолько, что он упал на землю и корчился, прижимая руки к животу. Меньше чем через минуту диверсионная группа превратилась в стадо хохочущих идиотов.

Тогда и вспыхнули фонарики. Сразу с обеих сторон. Из темноты один за другим выныривали люди в камуфляже. В отличие от веселящейся компании диверсантов они были молчаливы и серьезны. Анатолий выдернул пистолет из-за пояса, дважды нажал на спуск, и дважды чавкнул глушитель. Стрелял почти наугад, против яркого света. Мимо. Слишком неожиданно все случилось. Через секунду сокру-

шительный удар в челюсть отправил командира наземь. Обезоружить команду Анатолия было проще простого. Когда у них отбирали калаша, ножи и пистолеты, ребята просто хохотали до упаду.

Теперь Анатолий понял причину странного поведения своей группы. Он не впал в это состояние по той простой причине, что не успел отведачь угощения, которым их потчевали на станции. Их опоили. Отравили, чтобы без всякой пальбы скрутить, как беспомощных щенков. Все его подозрения оказались правильными. Лектор просто заговаривал им зубы, тянул время для того, чтобы зелье подействовало не раньше и не позже, а в точно определенном месте захвата. Анатолия душила ярость. Он и только он виноват в этом, не включил интуицию, расслабился из-за девицы в красном платочке. И вот результат: сдал без малейшего сопротивления всю диверсионную группу. Семеро отборных бойцов даже пальцем не пошевелили, чтобы оказать сопротивление.

Что теперь делать?!

От бессильной злобы хотелось завопить так, чтобы обрушились стены и своды туннеля. Нет. Как раз сейчас следует мыслить рационально. Пусть ребята беспомощны, но он-то в норме. Анатолий обвел туннель взглядом затравленного волка и увидел Никиту. Тот стоял, скрестив на груди руки, и с иудиной улыбкой на губах подбадривал своих бойцов. Даже не пытался отойти в сторону.

Рука Анатолия скользнула к висевшему на поясе ножу. Выдернув клинок из ножен, он ринулся на Никиту. Атака была неожиданной, и ничто на свете не могло спасти предателя от заслуженной смерти. Лезвие описало в воздухе блестящую дугу. Последней ее точкой должна была стать грудь Никиты, но произошло невероятное. Предатель чуть



отступил в сторону, внешней стороной ладони одной руки блокировал удар и напряженными пальцами другой резко ткнул в шею Анатолия. Взрыв адской боли сменился полным онемением. Тело перестало повиноваться. Нож выпал из разжавшихся пальцев, и Анатолий рухнул спиной на рельсы. Сначала он видел над собой только сплетение кабелей и труб на потолке. Потом их заслонило круглое лицо Никиты.

— Первое впечатление бывает обманчиво, щенок.

Улыбающееся лицо уплыло в сторону. Анатолия перевернули лицом вниз — тычками, как труп, как мешок с грибами. Он понял, что с него снимают мешок со взрывчаткой.

Сначала он видел рельсы, шпалы, черный плесневелый щебень. Ржавые болты. Потом эту картину словно залило мазутом, и через несколько мгновений вокруг остался один мрак. Анатолий почувствовал, что сознание его утекает в черную дыру, и тут он вообще перестал существовать.

# ЧАСТЬ ВТОРАЯ

# ТЕРРИТОРИЯ ЗВЕРЯ

ПРОФЕССОР КОПЫТ



## **Глава 7**

### **ПРОФЕССОР КОРБУТ**

Мамочка оказалась права – Зверь существовал. Он был настолько огромным, что человеческий разум не мог представить, как выглядит это существо. Более того, такие термины, как размер, масса и очертания, теряли всякий смысл, потому что были конкретными, конечными, а Зверь – всеобъемлющим. Он являлся частью мрака, его порождением и средоточием. А кто может сказать, сколько весит и какие размеры имеет тьма? Однако тьма не умеет душить, не умеет вызывать боль, выкручивать суставы и впиваться в кожу сотнями острых игл. Боль мешала Анатолию сосредоточиться, но, даже извиваясь в страшных объятиях сотен щупалец, жалкими остатками сознания он понимал, что не остается на одном ме-

сте. Он двигался, точнее его медленно, рывками тащили по направлению к разинутой, истекающей слюной пасти. Только оказавшись внутри нее, можно было понять: все предыдущие мучения – ничто по сравнению с тем, что ждет впереди. Зверь умел растянуть страдания, довести их до высшей точки и отправить жертву на очередной уровень пыток.

Силы стремительно таяли. Вытекали, как вода из пробитой бочки. Однако умирать, не взглянув в глаза своей смерти, Анатолий не хотел. Он любой ценой должен был дожидаться конца этого пути и увидеть глаза подземного монстра. Анатолий собрал в кулак всю волю и посмотрел. Глаз Зверя был всего в десятке метров. Оранжевый и пульсирующий. Он то сжимался до размера футбольного мяча, то вырастал в огромный шар. Глядя в него, Анатолий вдруг понял, что окунаться в этот свет приятно. Бешеная пляска сплетающихся оранжевых линий притупляла боль. Жар, исходящий от шара, был настолько нестерпимым, что отвлекал от всего остального.

Глаз завораживал, гипнотизировал. В него хотелось смотреть еще и еще. До исступления. Однако, в очередной раз сжавшись в оранжевую точку, он больше не менял размеров. Анатолий вдруг понял, что щупальцев больше нет, а боль сосредоточилась в шее. Следующее открытие ошеломило еще больше. Он вновь ощущал свое тело! Случайное движение рукой не вызвало ответной реакции. Щупальца не обвили руку, не вонзили в нее свои иглы-присоски! Страшно хотелось двинуться вновь, хотя бы пошевелить пальцем. Но Анатолий был осторожен. Существовала большая вероятность того, что Зверь просто играл с ним. Пресыщенный, он специально обманывал жертву, ждал, пока та поверит в избавление, чтобы одним движением щупалец раздавить хрупкую надежду.



Однако Анатолий тщетно дожидался новой атаки. Он передвинул руку, шевельнул ногой и наконец решительно поднял голову. Ничто больше не напоминало о Звере. Лишь вдали мерцал оранжевый огонек. И это был самый обычный костер. Анатолий подтянул руки под себя, оттолкнулся от земли, сел и осмотрелся. Туннель. На удивление сухой и чистый. Самый обычный, за исключением... Рельсы. Они блестели. Даже отсветов далекого костра хватало, чтобы это видеть. Неслыханное дело. Для этого по рельсам должны ходить поезда. Систематически, изо дня в день полировать их своими колесами.

Понимая, что вряд ли разрешит эту загадку, если останется сидеть на месте, Анатолий встал и охнул. От слишком резкого движения в шею ударила горячая волна боли. Пришлось умерить прыть и минуту хранить полную неподвижность. Потом Анатолий пошел к костру. Ведь огонь — это всегда люди. В данный момент даже не важно, хорошие или плохие. Чем больше шагов было сделано, тем сильнее Анатолий радовался тому, что может ходить. Как мало надо человеку для счастья! Охваченный эйфорией движения, он ускорил шаг и почти подбежал к костру.

В голове уже сложился рассказ о невероятных приключениях, но человек, сидевший на корточках у костра, не обратил на пришельца особого внимания. На нем был просторный, потертый плащ, из-под которого выглядывали синие брюки. Тень от поднятого капюшона полностью скрывала лицо. Когда человек поднял руку, чтобы подбросить в костер обломок доски, Анатолий увидел лежащие на земле фонарь и книгу с тисненым профилем Ленина на обложке. Один том из полного собрания сочинений. Ржавые шестерни подсознания провернулись. Запертый шлюз памяти открылся, воспоминания нахлынули с та-

кой силой, что Анатолию показалось: голова может лопнуть. Задание Нестора. Путешествие от станции к станции. Палатка с книгами. Последний переход и... Предательство Никиты!

Думай, Анатолий, думай, как удалось выпутаться из передраги? Неужели Никита оставил его валяться в Метро, рассчитывая, что он вернется на Войковскую и расскажет, с какой легкостью красные обводят вокруг пальца своих врагов?! Вопросов было много, но Анатолий задал только один:

– Кто ты?

Собственный голос оказался таким хриплым, будто принадлежал кому-то другому. Удар, нанесенный Никитой, не остался без последствий: каждое слово давалось с трудом и сопровождалось спазмом в горле. Незнакомец пожал плечами:

– Загляни в себя. Ответ готов.

Голос незнакомца показался Толе очень знакомым, но при этом он готов был биться о заклад, что никогда не встречал этого человека. Тьма... Туннель... Одинокий человек... Одинокий человек... Человек ли?

– Путевой Обходчик? – неуверенно произнес Анатолий.

– Это только одно из моих имен. Если тебе нравится, называй меня так.

Анатолий вдруг почувствовал, как холодеет спина и ноги наливаются свинцом. Он умер. Никита убил его своим страшным ударом, и Путевой Обходчик пришел забрать Толину душу в ад. Сейчас он включит свой фонарь, выжжет ему глаза и потащит ослепленного, безглазого в свои темные владения. Словно угадав мысли собеседника, Обходчик поднял фонарь, зажег и направил поток света Анатолию в лицо. Тот инстинктивно зажмурился, но не почув-



ствовал ничего особенного, и через несколько секунд открыл глаза. Обходчик вернул фонарь на место.

– Как видишь, с твоими глазами все в порядке, да и сам ты жив.

– Тогда зачем ты пришел?

– А зачем приходит время? Зачем пробивает час? Пора собраться с силами и повзрослеть. Вырасти над собою прежним. Взять свою жизнь в свои руки.

– Ты здесь, чтобы напомнить мне о предназначении? О задаче, которую я должен выполнить? Ты посланник судьбы?

– Сколько высокопарных слов! Ты – исполнитель великой миссии, а я – Клото, Лахезис и Атропос в одном лице. Не будем швыряться громкими словами и приравнивать себя к богам. Свежесть, свежесть и еще раз свежесть, вот что должно быть девизом каждого буфетчика. А нашим девизом пусть будет скромность. Оставайся просто Анатолием, а я останусь тем, кто приходит к спящим, чтобы их разбудить. Просто и красиво, как рельсы, которые блестят даже в полной темноте. Ну, хватит разговоров. Бывай.

Обходчик поднял фонарь, встал и швырнул книгу в огонь. Фолиант вспыхнул, как порох, и мгновенно сторел, а затем огонь стал гаснуть, и вскоре от костра остались только красные, подернутые пеплом угольки. Через несколько секунд они тоже погасли. Обходчик сделал несколько шагов и обернулся:

– Обещаю, мы еще встретимся и о многом побеседуем.

Анатолий оставался стоять у потухшего костра, в крошечной темноте, не понимая, что ему следует делать. Туннель наполнился запахом горящего машинного масла. Однако сколько Анатолий ни всматривался в темноту, он так и не обнаружил источник огня.

– Мы еще встретимся, когда между мной и тобой не будет решетки!

Анатолий открыл глаза и увидел Гришу, который яростно тряс толстые прутья решетки. По другую ее сторону расхаживал Никита. Вместо старомодной формы офицера НКВД на нем были куртка и брюки камуфляжного цвета. Шнурованные ботинки на толстой подошве дополняли наряд. Только фуражка с синим околышем была та же самая. Видимо, была она ему чем-то дорога.

В ответ на Гришины метания он даже не улыбнулся и только процедил сквозь зубы:

– Эта решетка – твое спасение, орнитолог ты наш.

Полностью стряхнув с себя остатки кошмара, Анатолий понял, что сидит у стены. Его друзья были рядом и молча наблюдали за этой сценой. Гриша – единственный из них, кто готов был продолжать сопротивление. Остальные, судя по выражению лиц, пребывали в полной растерянности, однако, в отличие от своего командира, уже давно поняли, что к чему.

Анатолий пострадал больше других и находился без сознания дольше всех, поэтому постарался как можно скорее наверстать упущенное. Итак, они пленены и заперты в клетке. Скорее всего, на Дзержинской. Анатолий осмотрел темницу. Это была обычная подсобка, тщательно переделанная под тюрьму. Решетка с прутьями из арматуры толщиной в палец разделяла помещение на две неравные части. В первой, самой большой, находились заключенные. По второй, узкой и похожей на коридорчик, расхаживал Никита. Темницу освещали два светильника самой простой и распространенной в Метро конструкции – металлические миски с налитым в них машинным маслом и



фитилем. Света от такого светильника немного, а вот копоти и вони хватает с избытком. Несмотря на то что дверь темницы была широко распахнута, удушливый воздух почти не выходил наружу. Лица пленников лоснились от пота. В колеблющемся свете пламени светильника все они выглядели такими больными и изможденными, будто провели здесь не один день.

Ничего, прорвемся как-нибудь! Анатолий перешел к более детальному осмотру решетки и конструкции замка. Первое, что бросилось в глаза, – аккуратность сварных швов. Они были почти незаметны. В Метро предпринимались попытки пользоваться сваркой, однако из-за недостатка электричества получалось не ахти как. Изделия выглядели корявыми и, как правило, не отличались особой прочностью.

Решетка, отделяющая пленников от воли, была изготовлена не в постъядерном Метро. Она отличалась довоенным качеством, имела специальные направляющие, которые позволяли одной части конструкции отодвигаться. Замок тоже был отменного качества, что привело Анатолия в полное уныние. Он увидел три утопленных в вертикальную направляющую двери штыря и понял: выломать такой замок не удастся. Последней деталью, которую Толя рассмотрел без особого интереса, была «кормушка» – небольшой проем на уровне пояса, снабженный откидывающейся стальной крышкой.

О том, чтобы выбраться из такой тюрьмы изнутри, не могло быть и речи. На помощь извне тоже рассчитывать не приходилось. Оставалось лишь дожидаться, когда тюремщики сами откроют решетку. Рано или поздно это произойдет. А вот о том, что будет дальше, оставалось только догадываться. Благо, времени для этого теперь хватало. Анато-

Сергей Антонов

лий встал и прошелся вдоль решетки, чтобы размять ноги. На Никиту он старался не смотреть. Почему тот не уходит? Если явился только для того, чтобы насладиться своим триумфом, то времени для этого было вполне достаточно.

Неопределенность продлилась меньше десяти минут, а затем в помещение стремительной походкой вошел человек в белом халате. Анатолий не сразу узнал в визитере Михаила Андреевича. А тот потер руки и одарил пленников дружелюбным взглядом.

– Отличные экземпляры! Чудненько!

Новый сюрприз. Что здесь делает лектор, воспевавший достижения коммунизма на Проспекте Маркса? Отчего он вырядился в белый халат? И почему с поистине собачьей преданностью смотрит на Михаила Андреевича Никита?

– Пришли, чтобы прочитать очередную лекцию о прелестьях жизни при коммунизме? – спросил Анатолий, стараясь унять смятение и изобразить сарказм. – Будете опять трепаться про равенство и братство?

Сначала на лице Михаила Андреевича появилось выражение вполне искреннего недоумения, а затем он рассмеялся и хлопнул себя рукой по лбу:

– Ах, лекция! Да-с. Были времена, и я вел двойную жизнь. Утром студенткам в МГУ на биофаке преподавал, во вторую смену – на Лубянку, в лаборатории на минус пятый этаж... Любил я тогда это дело, лекции читать. Как, не утратил сноровку? – Михаил Андреевич своим излюбленным жестом откинул прядь волос со лба. – Но лекции, юноша, это так. Чтобы знакомиться поближе с приятными людьми. А на жизнь я всегда другим зарабатывал. Позвольте представиться: доктор биологических наук Корбут.

Анатолий невольно попятился от решетки. Профессор Корбут? Злой гений из комиксов? Создатель генетическо-



го модификатора? Не при таких обстоятельствах должна была случиться их встреча! Анатолий смотрел на шею Корбута и размышлял о том, что случилось бы, если он придушил бы этого гада на Проспекте Маркса. Возможно, тогда задание можно было считать выполненным больше чем наполовину. Однако шанс был упущен. Роли поменялись. Придется выслушать новую лекцию. И Анатолий не ошибся.

— Товарищи! Во-первых, я хочу извиниться за неудобства, связанные с принудительной доставкой вас на станцию Дзержинская. А во-вторых, — профессор улыбнулся так, словно собирался выдать всем по сахарной крысе, — поздравляю всех с участием в специальной акции Коммунистической партии Метрополитена — проекте ГМЧ! Никита сказал, что в общих чертах вы с ним знакомы. Мне остается лишь разъяснить отдельные детали. Ведь когда проект будет запущен, времени для бесед у нас с вами, боюсь, уже не останется. Итак, все пройдет почти безболезненно. На первой стадии эксперимента мы очистим ваш организм от шлаков, на втором вам будет введен на клеточном уровне изобретенный мною генетический модификатор. Это нечто вроде искусственного вируса с заложенной в него программой перестройки организма. Затем вас поместят в специальную барокамеру, где процесс трансформации значительно ускорится. Помимо прочего, он окажет успокоительное воздействие на вашу психику. Вы станете послушными, как ягнята, что крайне необходимо на главном этапе — операции перерождения. Друзья мои, сейчас с вами говорит существо высшего порядка! В тот момент, когда я закончил работы по созданию аппарата для замены участков цепочки человеческой ДНК, я стал равным самому Создателю! Великие ученые десятилетиями безуспешно бились над этой проблемой, а все

оказалось гениально просто. Здесь, под землей, в невероятно сложных условиях, мною был создан Аппарат Перерождения. Вы почувствуете его действие на себе и будете изумлены тем, насколько короток путь от никчемного человечки до бесстрашного рыцаря в сверкающих латах, имя которому – гэмэчел. Да, товарищи, генетически модифицированный человек – это звучит гордо!

Анатолий схватился за голову. Бред какой-то. Этого просто не может быть. Они шли сюда, чтобы уничтожить треклятую лабораторию, а вместо этого станут ее лабораторными крысами! Несколько мгновений назад в темнице было невыносимо жарко. Теперь, после эмоционального выступления сумасшедшего профессора Корбута, Анатолия зазнобило.

Профессор четко, по-деловому рассказал о том, что ждет плененных анархистов. Все семеро войковцев подвергнутся генетической перестройке. Вирус Корбута произведет ряд изменений в их организме, в результате которых они станут не только малочувствительны к воздействию радиации, и к тому же – приятный побочный эффект – почти перестанут ощущать боль. Что-то там с отмиранием нервных окончаний... И что-то там с перерождением личности... То же связанное с отмиранием. На этом Корбут заострять внимание не стал.

«Везет, как утопленнику!» – подумал Анатолий.

Что ж, вот как это закончится для него и для его отряда. Они не погибнут, не пропадут без вести, не будут замучены в застенках Дзержинской. Нет... Станут суперменами. Первыми в расе рукотворных мутантов. Неуязвимыми. Бесчувственными. Рыцарями без страха и упрека. Вообще без эмоций. Потому что все человеческое в них отомрет... Побочный эффект.



«Вот и представится мне лично шанс вернуть человечеству Землю, — подумал с горечью Толя. — Я же почти оправдывал красных, разве нет? Думал мельком, что ради высоких целей можно пойти на эксперимент! Только не предполагал, что эксперимент будет поставлен на мне самом. И что именно мне предстоит пойти в авангарде гэмэчелов — подопытных крыс, покорять мир. Не думал я, что стану послушной куклой и что башка моя будет набита трухой и мятыми газетами! К черту спасение мира... Нет больше мира никакого вокруг, а есть только в его центре я сам — бледный и напуганный. Дрожат колени. Ничего, и это тоже скоро прекратится».

Анатолий запустил растопыренные пальцы в волосы и тихо застонал.

«Молчать! — приказал он сам себе. — Кто дал право тебе раскисать, солдат? Кто позволил превратиться в трусливого слизня, забыв, что ты не один, что на тебе ответственность за жизни твоих бойцов?!»

Анатолий выпрямился и с вызовом посмотрел Корбуту в глаза. Пусть этот экспериментатор знает, что перед ним те, кто способен переносить боль без всяких генетических модификаторов. Пусть обстоятельства изменились, но они все равно получают доступ в лабораторию, а значит, и шанс выполнить задание. Генетическое зелье Корбута и его аппарат перерождения можно уничтожить и без взрывчатки. Семь крепких парней, которых больше не удастся провести на мякине, все еще кое-что значат.

Профессор преспокойно выдержал испепеляющий взгляд Анатолия, завершил свою речь намеком на великую историческую миссию, которую группе предстоит выполнить сразу по окончании эксперимента, и удалился в сопровождении Никиты.

В клетке воцарилась тишина. Было слышно, как потрескивает фитиль в плошке с машинным маслом. Анатолий почувствовал, что нужно подбодрить ребят. С трудом подыскивая слова, он напомнил им, что еще не вечер и что, пока они все еще вместе, остается шанс вырваться из плена и выполнить задание. Однако его речи не произвели на парней должного впечатления. Все подавленно молчали. Отчаявшись, Анатолий лег на пол, подложил руки под голову и устремил взгляд в потолок темницы. Так прошел час или два, а потом раздались легкие шаги. Анатолий вздрогнул. Почему так быстро? Ведь профессор говорил о времени, которое понадобится на подготовку эксперимента. Успели справиться раньше, чем планировали? Раздался звон.

Анатолий сел и увидел по ту сторону решетки металлический бак, покрытый многочисленными вмятинами. Доносившийся из него запах напомнил Анатолию о том, как давно он не ел. И вдруг рядом раздался мелодичный женский голос:

– Здравствуйте.

Услышав этот голос, Анатолий забыл о голоде и поднял глаза. Еду для узников принес его ангел в красной косынке. Красавица, торговавшая на Проспекте Маркса книгами, преобразилась в тюремщицу, она принесла пищу для заключенных! Анатолий приблизился к решетке, взялся за нее руками и прижался лицом к холодным прутьям. Все такая же красивая, но уже без улыбки.

– Я так и не купил у вас ни одной книги, Лена.

Девушка пристально посмотрела на Анатолия и узнала его:

– Вы?! Что вы тут делаете?

– Искал встречи с вами. Пришлось набезобразничать, чтобы сюда попасть. – Толя скривился в ухмылке. – Но вот



вас видеть на этой станции и в этой роли немного странно. Или вашей ролью была «наивная и очаровательная продавщица агитпропа», а теперь-то уже – маски долой?

– Я не играю никакие роли! Меня заметило партийное начальство... И распределило на Дзержинскую...

«Все-таки Дзержинская», – подметил Анатолий.

– Заметило начальство... За красивые глаза? – ехидно уточнил он.

– За заслуги в деле распространения идеологически верных знаний, – твердо, с вызовом сказала девушка. – Мне оказаны высокая честь и доверие... Меня направили сюда. Буду учиться управлять паровозом!

– Поддерживаете смертников искрометным юмором, – кисло улыбнулся Анатолий. – Мило.

– Это не шутка! Наше руководство собирается доставить в Метро из Мавзолея на Красной площади тело Владимира Ильича Ленина. А потом на траурном поезде торжественно перевезти его в Мавзолей-2 на нашей ветке.

– Что за гон?! – очнулся Колька-каратист. – Какой еще паровоз? Как он сюда пролезет? Чем вы его заправлять собрались? Толян, что ты ее слушаешь?!

– Паровоз есть, – упрямо сказала девушка. – Потому что он есть! Особый паровоз, компактный и экономичный. Построен почти сто лет назад сормовскими рабочими по личному указанию товарища Сталина специально для туннелей Метро! – Она явно повторяла заученный только вчера урок. – Иосиф Виссарионович предвидел проблемы с электроснабжением и приказал ученым разработать метропаровоз!

– И что же вы делаете тут? – посмотрел на комсомолку Толя. – При чем мы здесь мы? При чем здесь это место?

– Что здесь делаете вы, вот вопрос. – Девушка вспыхнула румянцем. – А я... я... Я теперь на службе.

– Как они вас взяли в оборот, – покачал головой Анатолий. – Ну да... Не могут же они доверить такое ответственное дело человеку, который не состоит в Комитете госбезопасности. Так сказать, сначала вас надо замазать...

– Я не... Я не палач! – Голос Елены дрожал.

– Но вы тюремщик. – Толя печально улыбнулся. – Ничего. Я понимаю. Ради высокой цели... Можно и потерпеть.

– Мне уйти? – Она, казалось, забыла уже, зачем здесь.

– Если вы уйдете, точно станете палачом, – усмехнулся Толя. – Ведь тогда вы обречете нас на голодную смерть. Давайте сюда вашу баланду.

Елена, пряча глаза, принялась разливать пахучее варево по железным мискам. Кажется, ничего страшного. Пахло супом. Гуляш? Ах да, их ведь не вешать собрались. У Корбута на них далеко идущие планы. Нельзя обращаться с ними как с отработанным материалом... Пока они не отработали свое.

Парни зажевали, зачавкали жадно. Сколько они не ели? День? Два?

Толя смотрел на них, и почему-то голод отступал. Он вспоминал миф об Одиссее и волшебнице Цирцее, которая угостила спутников героя колдовской пищей и превратила их в свиней. В покорных свиней...

«Нет, может, девушка и не виновата ни в чем, – сказал себе Анатолий. – Может, действительно просто мечтает стать машинисткой, встать у рычагов паровоза, который повезет истлевшую мумию Вождя на его конечную станцию, на вечное упокоение, под землю. И ради этого соглашается на испытания, на проверки на вшивость, которые учиняют ей товарищи в погонах...

Ну и мечта! Толю передернуло.

Вдруг ему стало так тоскливо, так тошно – и от пахучего супа, и от чавкающих друзей, и от своей юношеской наив-



ности, и от обманутых надежд! Не было у него пистолета, чтобы выстрелить себе в висок, не было фонаря, чтобы расporоть темноту. Ничего не было.

Кроме Гумилева.

Он и раньше Толю спасал вот в такие душные, темные минуты. А сейчас, кроме Гумилева, больше и некому было прийти на помощь к Анатолию. И сначала сам для себя, полупшепотом, а потом все громче, вслух, он стал читать стихи.

Станным было это выступление. В освещенной колеблющимся, мерцающим светом клетке начался рассказ о прекрасных закатах, мраморных плитах, блистающих в свете заходящего солнца, и девушке, которая безуспешно пытается отыскать возлюбленного. Голос Анатолия становился все увереннее с каждой строфой. Стены темницы расступились, являя глазам пленников голубые дали африканских саванн. Анатолия слушала не только Елена. Позабыв о еде, анархисты тоже смотрели на своего командира. А тот, будто шаман в трансе, вещал:

Завтра мы встретимся и узнаем,  
Кому быть властителем этих мест;  
Им помогает черный камень,  
Нам – золотой нательный крест.

И что-то случилось со всеми: и с Анатолием, который вдруг успокоился и обрел какую-то странную уверенность, и с его бойцами, которые перестали покорно жевать, зашевелились, расправили плечи... И с Еленой, которая глядела на чтеца безотрывно, в упор, подходя все ближе и ближе. Вот она взялась своими тоненькими пальцами за прутья решетки с той стороны...

Анатолий шагнул вперед и прикоснулся к ее руке. Девушка вздрогнула, но руки убирать и не подумала. Глаза ее сияли. Никто так никогда на Толю еще не смотрел.

Этот взгляд теперь с Анатолием останется навсегда. Навсегда... То есть, до завтрашнего дня. И когда завтра Корбут умертвит его – его тело или его душу, неважно, Анатолий опустит веки, и последнее, что он увидит, будут ее глаза. И ее взгляд станет для него последним взглядом в этом мире. Взглядом ангела.

Парни пялились на них, пихая друг друга локтями и хихикая, как недоумки. Но девушка не смущалась. А Толя, который раньше непременно бы отвесил своим бойцам по подзатыльнику, вообще их не слышал и не замечал. Не было больше отряда, не было задания, и не было клетки, темноты, вонючей плошки с машинным маслом, пропали Корбут и Никита, Нестор и Аршинов, ничто в этой истории не существовало, кроме странной и прекрасной девушки, ангела из мира, где не верят в ангелов.

И где не верят в любовь.

– Bravo! Bravo! – раздались издевательские аплодисменты.

Прислонившись к дверному косяку, в ладоши хлопал Никита.

– Бесподобно! Я готов заплакать... Дети подземелья обрели друг друга. Сошлись на почве стихов расстрелянного антисоветчика.

– Я... Я не знала, – глухо сказала Елена.

Она наконец оторвалась от решетки, суетливо подобрала бачок и черпак и, ссутулившись, скользнула к выходу.

– Не оправдываешь ты доверия, – цыкнув зубом, Никита смачно шлепнул девушку пониже спины, – партии и правительства...



Елена отскочила, как ошпаренная, и бросилась вон. В этот момент мышцы Анатолия налились такой силой, что он мог бы разорвать инструктора на куски. Без всяких приемов, голыми руками.

В комнату вошли четыре автоматчика. Никита молча отпер замок, отодвинул решетку в сторону.

– Небольшая послеобеденная прогулка. В колонну по двое, голуби мои.

Анатолий тщетно искал подходящего момента для нападения. Он видел, что ребята только и ждут его команды, чтобы броситься на автоматчиков. Однако подчиненные Никиты знали свое дело. В комнате остались автоматчик и сам Никита. Они заняли позиции по обе стороны двери. Остальные охранники контролировали выход снаружи. Даже при невероятной удаче попытка нападения была обречена на провал. Потеряв несколько своих ребят, Анатолий смог бы разделаться с автоматчиками внутри помещения. Мог бы завладеть оружием. А дальше? Их бы с легкостью прошли очередями те, кто был снаружи. Анатолий видел, каким яростным огнем сверкают глаза Сереги. Он рвался в бой. Встретившись с другом взглядом, Анатолий отрицательно покачал головой, мол, не время, и Сергей обреченно кивнул в ответ.

Построив пленников по двое, конвоиры вывели их из тюрьмы. Куда их забирают?

Анатолий шел последним и на секунду поравнялся с замыкавшим шествие Никитой и одним из автоматчиков. Энкавэдэшник хитро глянул на еле сдерживающего себя командира диверсантов:

– Хорошая девка. Молодец ты, Толян, раскопал такой ценный кадр. Вот я себе ее и выписал. Пойдет у меня на повышение. Сегодня вечером и пойдет...

Толино сердце молотом садануло по ребрам, уши заложило, в глазах потемнело от ярости. Быстрее, чем в силах человека, Анатолий рванулся к предателю и обеими руками вцепился ему в горло, а потом что было мочи врезал ему коленом в пах.

Автоматчик обернулся с ошарашенным видом, но Толя, для которого время замедлилось, метнулся к нему и сшиб его с ног правым хуком. Удар пришелся точно в висок; судя по тому, как рухнул на цементный пол автоматчик, он был в отключке.

Толя зверем бросился обратно к обмякшему толстяку. Ухватил его за шею и стал давить, вминать, глубже, глубже, чувствуя, как пальцы превращаются в стальные тиски. Никита захрипел и задергал ногой.

И тут мир взорвался: сзади на Толин затылок обрушился с размаху приклад автомата. Пальцы расцепились сами собой, и Анатолий сел на шпалы. Задышающийся Никита нашел в себе силы подняться и ткнул диверсанта в шею своим коронным ударом. Пальцы его еще не обрели былой силы, но Анатолию хватило и этого.

До новой подсобки, находившейся в двух десятках метров, его волокли по туннелю за ноги. Тело уже ничего не чувствовало, на глаза напелзала багровая пелена, но Анатолий еще успел рассмотреть чуть дальше по туннелю небольшую платформу и часового на ней.

Неужели та самая лаборатория? Хотя какая теперь разница?

Анатолия и его людей прикладами затолкали в подсобку. Новое помещение оказалось настолько маленьким, что все едва там уместились. Никита, изрыгая ругательства, захлопнул дверь. Стало темно и страшно, как в гробу. Что затевают их гостеприимные хозяева? К чему эта игра с переходами из одной темницы в другую?



Послышалось механическое шипение. Его источник находился под самым потолком.

– Что за запах, пацаны? – вскинулся Артур.

– Газ! Травят! – завопил Колька.

Анатолий задержал дыхание настолько, насколько это было возможно. Вытерпеть удалось не больше минуты. Доведя себя до изнеможения, он сдался и втянул-таки сразу полную грудь отравленного воздуха. Остальные парни уже были в отключке.

В голове у Толи сгустилось грозовое облако. На его фоне почему-то появился фосфоресцирующий циферблат без всяких делений, но с одной бешено вращающейся стрелкой. Потом комната закружилась, циферблат погас, и все погрузилось во тьму.

**МЕТРО 2033: ТЕМНЫЕ ТУННЕЛИ**

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

## ГЛАВА 8

### ПТИЦЫ АТАКУЮТ

На этот раз Анатолий не шел по туннелю, а летел под самым его круглым сводом с электрическим фонарем в руке. Место было знакомое. Вот здесь, у этого свисающего с потолка кабеля он увидел, что с Гришей происходит что-то неладное. Продвигаться по туннелю, в котором уже бывал, всегда спокойнее и легче. Только вот спокойствие это часто бывает обманчиво.

Анатолий помнил этот туннель до мелочей. Каждое пятно плесени, каждую трещину в бетоне и торчащий обрезок ржавой арматуры можно было читать, как путевые знаки. У предметов есть память.



А тут, метров через пятьдесят, за следующим поворотом, они видели странную незаконченную надпись. Вот сейчас луч света выхватит ее из темноты. Вот... Анатолий направил фонарь в нужную сторону и от неожиданности выронил его. Металлический звук удара о рельс эхом разнесся по всему туннелю. Свет погас. Судя по всему, стекло разбилось. Анатолий спикировал на пути, встал на колени и принялся лихорадочно ощупывать руками рельсы и короткие шпалы. Отыскав фонарик, потряхнул его несколько раз, и тот снова вспыхнул. Вернее, засиял тем же флуоресцирующим светом, что и в его обморочном видении. Однако глаза его уже успели привыкнуть к темноте, поэтому он смог разглядеть то, что увидел несколько секунд назад. Он снова взмыл к своду и коснулся надписи пальцем. Громадные, на всю высоту стены, буквы были сделаны на этот раз не коптящим факелом, а жирной графитной смазкой. Она сияла в свете фонаря так, словно была сделана совсем недавно: «Берегись...».

Анатолий вдруг каждой клеточкой тела почувствовал странную вибрацию воздуха. Фонарь замигал и снова погас. Одновременно уши наполнил шорох бесконечного множества крыльев, шум сталкивающихся в темноте тел, пронзительные крики неизвестных существ. Вот тебе и знакомое место!

Кажется, это птицы или летучие мыши, но в темноте не разобрать! Все это время они прятались в вентиляционных шахтах? Интересно, могут ли они видеть в темноте? Мертвые, конечно, могут. Как пить дать. Никакая темнота не может сравниться с той, в которой живут мертвые птицы. От них нельзя уйти просто так. Примирение невозможно.

Наверное, сейчас на него уставились тысячи воспаленных, обведенных красной каемкой глаз. Маленьких и злых.

Они сверлят его взглядом, отыскивая беззащитные места. Острые кривые клювы раскрыты, чтобы впиться в его плоть. Отомстить одинокому путнику за все муки, причиненные птицам людьми в те времена, когда на улице Охотный ряд торговали птичьими тушками, тут же, при покупателях, откручивая с хрустом головы уткам, курам, гусям...

Но что за птицы обитают в этом туннеле?

Как вырваться из их всесметающего потока? Анатолий и сам не помнил, как бросил фонарь, очутился на путях и побежал. Мозг по инерции еще продолжал искать выход, а ноги уже пришли в движение. Он мчался огромными прыжками в крошечной темноте и слышал, как в ушах свистит ветер. Ветер ли? Нет! Его неотвратимо нагоняла огромная стая птиц. Это в их крыльях даже не свистел, а страшно шипел ветер: «Не уйдеш-ш-шь! Не убежиш-ш-шь! Не спасеш-ш-шь-ся!»

Чтобы не слышать этого проникающего все глубже в разум шипения, Анатолий на бегу закрыл уши руками. Этот жест и решил исход погони. Расставленные руки помогали сохранять равновесие. При очередном прыжке Анатолий зацепился ногой за шпалу и со всего маху рухнул на пути. Птицы были тут как тут. Сначала Анатолий пытался просто прикрывать руками голову от клювов, но быстро понял, что такая тактика ничего не даст. Тогда он перевернулся на спину и принялся беспорядочно молотить руками и ногами по воздуху, надеясь захватить с собой на тот свет как можно больше крылатых монстров. Удар, еще удар...

В какие-то моменты он попадал по крыльям, телам, оперению и с отвращением слышал, как трещат хрупкие кости. Чаще промахивался. Птиц становилось все больше. Перья их лезли в рот, мешая дышать. Анатолий яростно рычал и отплевывался. Однако сопротивление не могло повлиять на



исход схватки. Анатолий чувствовал, как множество когтистых лап впиваются ему в лицо, руки, ноги, прижимая его к земле. Птицы начали работать клювами в неимоверно быстром темпе. Он чувствовал страшную боль во всем теле, и чем сильнее она становилась, тем меньше воли к сопротивлению оставалось. Перед внутренним взором возник его собственный, тщательно очищенный от плоти фосфоресцирующий скелет.

Внезапно темнота взорвалась нестерпимо ярким светом. По туннелю степенной походкой шел человек, окруженный сияющим ореолом. Анатолий увидел в его руке продолговатый цилиндр. Путевой Обходчик! Он пришел его спасти! И действительно, птицы вдруг начали отваливаться от него, падать на рельсы, наполняя туннель мерзким запахом жженных перьев и горелого мяса.

– Спасибо! – хотел крикнуть Анатолий.

Но слова благодарности застряли у него в горле, когда он разглядел Обходчика. Вместо привычного брезентового плаща с капюшоном тот зачем-то напялил на себя белый халат, а продолговатый цилиндр в руке при ближайшем рассмотрении оказался огромным, наполненным прозрачной жидкостью шприцем с длинной иглой.

– Думаю, с этим молодым человеком возникнут проблемы, – сказал белый халат. – Слишком неадекватная реакция на препарат. Видишь язвы на ногах? Подозреваю, что это следствие поражения химическим оружием. Возможно, затронуты периферийные ткани, а это существенно замедляет кровоток. Такая форма патологии отмечена еще у фараонов в Древнем Египте. С точки зрения эксперимента юноша будет весьма интересен, но я бы предпочел не иметь пациента с трофическими язвами. Возможно отторжение.

– Может, и не мучиться с ним?

— Попробуем еще раз. Если нет, тогда спишем в расход...  
Голос принадлежал ненавистному Корбуту.

Анатолий распахнул глаза. Его руки были прикручены проволокой к стальному каркасу кровати. И как он мог надеяться, что ему позволят войти в лабораторию на своих ногах! Никита очень осторожен и не любит допускать ошибок. Их усыпили и приволокли к профессору, как семь деревянных чурок. Анатолий попытался поднять голову. Удалось всего на пару сантиметров. Мешал широкий брезентовый ремень, переброшенный через шею. И все же немного увеличить обзор получилось.

Анатолий находился в просторном помещении. На стенах лаборатории, вопреки представлениям Анатолия, не было и намека на кафель. Цемент, которым они были оштукатурены, местами потрескался, а кое-где и вовсе обвалился, обнажив красную кладку. Совсем как поверхностные раны на кирпичном теле комнаты. На стенах тут и там были развешаны плакаты, пестревшие графиками и формулами. С потолка свисали на проводах многочисленные лампы накаливания без плафонов. Красные не жалели света для своего профессора. Однако его обилие не делало помещение уютным, даже наоборот. От яркого света нельзя было скрыться. У людей в этой комнате отсутствовали тени. «Как у вампиров в байках», — подумал Толя.

По периметру лаборатории были расставлены узкие столы. Множество колб, бутылок и металлических сосудов стояли на них особняком или соединялись в одну систему с помощью специальных стеклянных трубок или шлангов. Над ними сосредоточенно колдовали трое молчаливых профессорских ассистентов. Сам Корбут в сопровождении верного Никиты расхаживал вдоль ряда сваренных из железных труб коек, больше напоминавших дыбы. Их было



ровно семь, и Анатолий занимал последнюю, ближайшую к двери.

Возле каждой кровати возвышались штативы. В укрепленных на них бутылках булькала прозрачная жидкость. От бутылок шли прозрачные трубки капельниц, заканчивающиеся иглами, воткнутыми в руки спящих людей.

В отдалении цементный пол попирал механический монстр, состоявший из множества непонятных устройств, соединенных разноцветными проводами, из датчиков, оцепенившихся иглами латунных обручей, которые, судя по диаметрам, предназначены были для захвата головы, рук и ног. Не это ли та самая адская машина, в которой профессор доводит генную модификацию до совершенства?

Рядом с Анатолием находилась кровать Кольки. Его бледное лицо выглядело умиротворенным, ресницы чуть подрагивали. Колька уже находился в пути, его ждала конечная станция «Новая раса». Но Толю, похоже, поезд судьбы мчал в другом направлении. Его организм не желал сдаваться и сопротивлялся вторжению извне из последних сил.

Анатолий вспомнил слова профессора, услышанные сразу после того, как выбрался из забвения. Как он сказал? Слишком бурная реакция на препарат. Трофические язвы. Отторжение. Надо любым способом прервать эксперимент! Еще раз! Еще один, последний раз!

В отчаянной попытке освободиться Анатолий напряг мышцы. Проволока с легкостью выдержала натиск, а возившийся с капельницей профессор повернулся к буйному пациенту:

– Не стоит этого делать, молодой человек. Проволока вопьется в кожу и причинит боль. Вы, кажется, пытаетесь рассмотреть мою лабораторию? Вы лежите, лежите, я и так вам все с удовольствием расскажу. Прямо над нами – зна-

менитый дом на Лубянке. Самое старое из зданий площади, стены которого помнят самого Дзержинского. Протяженность подвалов дома на Лубянке не знает никто. Моя лаборатория – это махонькая часть подземных коммуникаций Лубянской площади. Тут ведь раньше весь квартал принадлежал КГБ, и над землей, и под ней. Да-да, и в подвалах «Детского Мира» врагов народа в печах жгли. Но меня эта область деятельности Конторы мало касалась. Я по научной части. Скажу честно: горжусь своей причастностью к истории этого места. А уж кровавая она или нет – дело второе. Сколько легенд, сколько слухов ходило в свое время об этих казематах! Я ничуть не удивлен тому, что Лубянка нашла выход в Метро. Да-с. Не люди. Сама площадь просочилась сюда по капле. Она не успокоилась до тех пор, пока не дала знать о себе. Вы, кажется, идейный анархист? Так забудьте о своих идеях. Плюньте и разотрите. На Лубянке идеи не в цене. Здесь отсутствуют понятия добра и зла. И Бога здесь нет. Поэтому казнит и милует тот, кто сильнее в данный момент. Да-с. Еще до мединститута, когда я не умел отличить скальпеля от ранорасширителя, работал рядовым сотрудником Госбезопасности. Хорошо помню кочегара дядю Федю. Бывшего исполнителя. Сухонький такой старичок. Шуровал себе трехметровой кочергой в печи. Думаю, пенсионера пристроили к делу, чтобы он не шлялся по рюмочным и не болтал лишнего. А болтать ему было о чем. По моим прикидкам, счет клиентов дяди Феди шел на тысячи. Умер же палач тихо, по-домашнему. В своей постели, сжимая руки любимых детей, внуков и правнуков. Или вот еще одна забавная история. Один мой знакомый увлекался старыми табличками. Чуть увидит в подвале Лубянки что-нибудь стоящее, сразу летит туда с отверткой. Помнится, гордостью его коллекции была табличка



«Осмотр тел». Он приколотил ее у себя в спальне. Прямо над изголовьем кровати. Барышень веселить. Да-с. А вы говорите – идеи.

Болтая, Корбут закончил возиться с капельницей и установил ее рядом с кроватью Анатолия.

– Такие вот дела, юноша, – вздохнул он, втыкая ему иглу в вену. – Теперь о вас. Интересненькие у вас язвы... Особенные... Что это было, химическая атака? Попали в пердрягу? Боюсь, это осложнит эксперимент в том смысле, что все пойдет не так, как запланировано. Хотя мне, как естествоиспытателю, это будет даже интересно. В вашем случае при замене участков ДНК последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Например, у вас появятся галлюцинации или видения. Будущее сможете предсказывать, если не станете полным идиотом. Или суперменом! Дружище, вы можете стать суперменом! Да-с. Именно суперменом. И не только в плане физических возможностей, хотя они наверняка расширятся. Главным вашим достоинством будет нечувствительность к радиации! Причем это качество вы сможете передавать своим потомкам! Ибо что есть человек, как не банк генетических данных? Просто-напросто контейнер с гаметам, нашими половыми клеточками. Есть вероятность того, что мне удастся сделать из вас такого нового Адама. Прародителя новой расы. Вижу по лицу, что не особенно рады этому. Не слишком расстраивайтесь. Все это лишь честолюбивые мечты выжившего из ума ученого. На деле все может оказаться гораздо прозаичнее. Ваша химическая аномалия приведет к тому, что генетический модификатор окажется для организма безвреднее глюкозы и тогда... Если не получится сделать из вас нового Адама, мы познакомим вас с нашим кочегаром. Да, дружок, кочегар – во все времена востребованная профессия. Дядя Федя,

уходя на пенсию, так сказать, передал бесценный опыт. Вот, например, научил молодую поросль в рот приговоренным врагам народа теннисный мячик впихивать. Очень удобно. Попробуй-ка его оттуда сам достать потом, ха-ха. Главное, в затылок тогда не стрелять, потому что можно мячик запачкать или даже испортить, а их сейчас уже не производят. Так... Не напрягаем руку. Чудненько.

Анатолий почувствовал, как в него капля за каплей начинают вливаться жидкий лед и жидкое пламя. Чертов препарат! Он не должен сдаваться, его организм обязан бороться с вторжением! Ведь удалось же ему один раз оказать сопротивление этой химии!

Предметы начали терять четкость очертаний. Свет лампы над головой сделался нестерпимо ярким. Анатолий не хотел закрывать глаза, терпел до последнего. А когда веки помимо его воли все же опустились, постарался сосредоточиться на чем-то важном. О чем стоило думать?

И вот ему в глаза посмотрела Она. Сероглазая девушка в красной косынке.

Ангел.

«Спаси меня, — прошептал одними губами Анатолий. — Забери меня отсюда. Протяни руку, вытащи меня из пропасти, в которую меня толкает этот безумец. Спаси...»

Зелье действовало. Наполняло артерии и вены. Вместе с током крови рвалось к мозгу. Чтобы «усовершенствовать» его. Изменить раз и навсегда. Плавая в пустоте, Анатолий видел красную косынку, но, как ни старался, уже не мог вспомнить, кому она принадлежит.

Руки налились свинцовой тяжестью, а мускулы свело судорогой от невероятного напряжения. Откуда все это? Анатолий открыл глаза. Он висел над пропастью, цепляясь руками за обломанный край бетонного пола. В трех



метрах от него находилась огромная печь. Старичок благообразного вида втыкал в ее раскаленные недра длинную кочергу. Вырывал обратно и вновь погружал в пляшущие языки пламени. Дядя Федя. Неотъемлемая часть истории Лубянки. Анатолий попытался подтянуться. Когда удалось утвердить локти на бетонном полу, оглянулся назад. Огромная яма внизу была завалена скелетами. В страшное нагромождение костей воткнут огромный фанерный щит с надписью «Осмотр тел». Выбор был невелик. Лучше уж дядя Федя. Анатолий обернулся к печи, но она успела исчезнуть. Теперь на ее месте находился туннель. На путях, меж сверкающих рельсов, стоял Путевой Обходчик.

Он схватил Анатолия за шиворот и одним рывком вытащил наверх. Из темноты капюшона блеснули глаза. Обходчик молча поднял руку и указал на стену. Слово «Тимирязевская» было выведено такой же черной краской, как и надпись, предупреждающая о птицах. Этот текст сопровождался иллюстрацией. Выполненный черной краской рисунок изображал существо с телом человека и головой крысы. Оскаленные клыки и длинный, обвивающий ноги хвост, переходящий в остроконечную стрелку. Неизвестный художник был талантлив. Всего несколькими небрежными мазками кисти сумел навести страх.

Анатолий все еще смотрел на остроконечную стрелку, указывающую направление, когда понял, что спасителя больше нет рядом. Почему Тимирязевская? Из-за того, что там когда-то находился его дом? Какое отношение бывший дом может иметь к тому, что предстоит сделать? И при чем здесь крысочеловек? Размышления Анатолия были прерваны шумом, идущим из глубины туннеля. Опять птицы? Нет. Раз он сознает, что атака птиц была всего лишь галлю-

цинацией, значит, птиц не существует. По крайней мере, здесь птицы не живут. Да и шум носил явный механический характер. В нем было что-то до боли знакомое и в то же время бесконечно далекое. Такой звук издает...

Озарение пришло слишком поздно. Когда через мгновение из-за поворота вынырнул летящий на огромной скорости поезд, спастись было нельзя. Анатолий стоял на путях и просто ждал столкновения. Удара, который швырнет его в пропасть. Прямо на скелеты, к табличке «Осмотр тел». Хорошо, что он рухнет туда уже мертвым. Ослепленный светом прожектора Анатолий зажмурился.

Столкновение сопровождалось душераздирающим скрежетом металла и звоном бьющегося стекла. Анатолий ждал боли, но она не приходила. Пришлось открыть глаза...

Он опять оказался в лаборатории Корбута. По ушам резанул звон бьющегося стекла. Что-то происходило не так, что-то у профессора вышло из-под контроля. Анатолий повернул голову и увидел, что соседняя кровать пуста. Куда подевался Колька? Брезентовый ремень впился в кадык, но Анатолий упорно приподнимал голову до тех пор, пока не смог увидеть дальний угол лаборатории. Колька оказался там. Его лоб пересекал латунный обруч, на котором болтались обрывки проводов. Колька душил одного из ассистентов Корбута. Сам профессор испуганно выглядывал из-за спины Никиты, а тот с искаженным от страха лицом пытался вырвать из-за пояса пистолет.

Вот дает парень! Оказался покрепче, чем его командир.

Жаль, что он не сможет помочь Кольке. А без посторонней помощи тому не справиться.

Тело ассистента обмякло. Когда Колька разжал ладони, его жертва кулем рухнула на пол. К этому времени Никита



уже справился с охватившей его паникой и выстрелил Кольке в спину. Все было кончено.

Или нет?

Коля только покачнулся и, медленно развернувшись, с хрустом давя босыми ногами осколки колб, двинулся на Никиту. Прогрохотали еще два выстрела. Они отбросили Кольку на несколько шагов назад, но не более того. Колька быстро восстановил равновесие и опять пошел на Никиту. И тут Анатолий увидел лицо друга. Своего старого товарища, весельчака и большого любителя айкидо. Тот двигался странными рывками, словно марионетка на веревочках кукловода. Ужас сковал Анатолия настолько, что он перестал дышать. Следовало бы сразу догадаться, что разорвать фиксаторы барокамеры не под силу ни одному человеку. Однако Колька уже не был человеком. Это было новое существо, обладавшее неограниченными возможностями по сравнению с обыкновенными людьми.

Генетический модификатор Корбута сработал, как и предполагалось. Колька больше не чувствовал боли. Судя по каменному выражению лица и серебристому блеску в глазах, он вообще ничего не чувствовал. Никита успел опустошить обойму, прежде чем Колька наконец-то рухнул на пол.

Анатолий закрыл глаза. Если бы были свободны руки, он обязательно заткнул бы уши. Чтобы не слышать, как продолжает, уже лежа на полу, дергаться его старый друг. Холодным камнем на грудь навалилось тупое безразличие. Вот что ждет всех остальных. Опыт профессора удался. Остается лишь научиться управлять созданными монстрами. Уговорить их не душить любого, кто попадется под руку, и тогда все будет в ажуре. С такими данными гэмэчелы легко выберутся на поверхность. Сначала будут таскать в Метро

все, что прикажет партия, а когда это надоест, задумаются, стоит ли им служить своим создателям. В любом случае у новой расы большое будущее, значительно более широкие возможности, чем у подземных червей, называющих себя людьми.

Люди Корбута пройдут победным маршем по опустошенной ядерной катастрофой земле. Рыцари без страха и упрека. Франкенштейны без глупых нравственных терзаний. Вообще без чувств. Они создадут свой мир. Людям в таком мире места не будет.

Пусть первая попытка провалилась. Будут и другие, и, возможно, кому-то повезет больше.

Когда слух понемногу вернулся, Анатолий услышал, как профессор дает указания Никите. Быстро же они оправились от шока. Может быть, эксперимент пошел вкривь не в первый раз... Что дальше? Кто следующий, разорвав фиксаторы, выйдет из барокамеры? Когда Анатолий услышал приближающиеся шаги, он открыл глаза. Над ним склонился Корбут. На его щеке темнела свежая царапина.

– Поздравляю, профессор. Ваш опыт, кажется, удался.

– Смейся, паяц. Дальше все пойдет гораздо лучше. Поздравления принимаются – авансом. – Корбут сверился с показаниями каких-то приборов, оттянул Анатолию веко, заглянул внутрь. – А вот вас, молодой человек, поздравить не с чем. Ни ГМЧ, ни тем более нового Адама из вас не получилось. Очень жаль. Да-с. Никита, займись!

Профессор посмотрел на Анатолия с таким сочувствием, что, казалось, еще пара секунд, и он расплчется от жалости. Потом Корбут тяжело вздохнул и направился к следующей кровати. Никита явился с плоскогубцами. Посвистывая, открутил проволоку на руках, направил на Анатолия пистолет и предоставил пленнику самому распуты-



вать ноги. Подручный Корбута терпеливо дожидался, пока Анатолий сползет с кровати на пол и сможет встать. Затем указал стволом на дверь. Анатолий ожидал, что выйдет в туннель, но за дверью оказался узкий коридор, освещенный всего одной лампочкой, спрятанной в забраный решеткой матовый плафон.

Никита провел пленника мимо двери, находившейся по центру коридора. Анатолий успел заметить прямоугольник с десятком кнопок. Кодовый замок. Скорее всего, за этой дверью и находилась платформа, на которой дежурил автоматчик. Анатолий поймал себя на странной мысли: зачем запоминать расположение помещений? Разве он собирается сюда вернуться? Все еще надеется выжить? Торцевая дверь. Никакого замка – независимые рычажные механизмы запоров с обеих сторон. Рычаг поворачивается на девяносто градусов и надежно фиксируется в специальном пазу.

Никита втолкнул Анатолия в просторное помещение с двумя дверями, снабженными такими же надежными засовами. Бетонный куб опять-таки с одной-единственной тусклой лампочкой. Глядя на нее, Анатолий вдруг почувствовал, что с ним происходит нечто странное. Каждая клетка организма пульсировала в бешеном ритме, а мускулы просто распирала неведомая сила. Казалось, что тело меняет размеры: то съеживается, то расширяется и никак не может определиться с новым размером. Странно, что Никита этого не замечает. Со зрением и слухом тоже что-то происходило. Анатолий отчетливо видел мельчайшие трещины на стенах, газообразное свечение, окутывающие нить накаливания лампочки и поры на коже лица Никиты. Каждый звук распался на составляющие, а мозг моментально трансформировал отдельные звуковые куски в трехмерную картинку ис-

точника шума. Сейчас, например, Анатолий отчетливо различал возбужденный стук сердца своего палача и чуть ли не видел, как трепыхается в его груди сердечная мышца.

— Приехали, — сообщил предатель и ткнул пальцем в первую дверь. — Там тебя дожидается дружок, доставивший нам столько хлопот. Он и много других, кого на Дзержинской приговорили к смерти. Открывай... И давай покончим с этой волокитой как можно быстрее.

Анатолий потянул дверь на себя. Ожидал увидеть туннель, заваленный трупами, машинный зал или что-нибудь в этом роде. Ничего. Только черная пустота и часть бетонного пола, обрывающегося в полуметре от двери. Анатолий обернулся к Никите, уже поднявшему пистолет:

— А что за второй дверью?

— Зачем тебе?

— Для общего развития.

— Что ж, развивайся. Там лестница и выход наверх — прямо к вентиляционной будке на поверхности. Очень удобно для опытов профессора. В память о старой дружбе, я с удовольствием разрешил бы тебе воспользоваться второй дверью и подохнуть от радиации. Но, сам понимаешь, с этим слишком много мороки.

Анатолий не сводил глаз с руки Никиты. Пока тот говорил, ствол пистолета немного опустился. Всего на полсантиметра. В обычном состоянии Анатолий этого не заметил бы. Сейчас же все его чувства обострились до предела, а мощь, распиравшая тело, требовала выхода. Он улыбнулся, а увидев недоумение Никиты, рассмеялся:

— Жаль, что у тебя нет глаз на затылке.

— Ты не заставишь меня оглянуться. — В голосе инструктора появились нотки тревоги, а пистолет опустился еще на полсантиметра. — Со мной эти штуки...



Анатолий прыгнул. Ему казалось, что он медленно парит в воздухе. Слишком медленно для Никиты с его молниеносной реакцией. Однако ощущение оказалось обманчивым. Никита все еще не успел ничего сделать, когда кулак Анатолия врезался ему в челюсть. Удар оказался таким сильным, что инструктор отлетел к стене. Анатолий с сожалением понял, что не успел научиться управлять своими сверхвозможностями.

Теперь Никита был слишком далеко и к тому же ухитрился не выпустить пистолет из рук. Он не допустит новой атаки и пристрелит ставшего опасным пленника раньше, чем тот сумеет до него добраться. На то, чтобы оценить ситуацию и понять, что лучшим способом вырваться будет прыжок в черную пустоту за дверью, Анатолию понадобились доли секунды. Он ринулся к распахнутой двери, прямо в объятия мрака и пустоты. Когда ноги оторвались от края пола, Анатолий услышал грохот выстрела. По затылку словно ударили кувалдой. В следующую секунду он почувствовал под ногами землю. Однако о том, чтобы удерживать равновесие, не могло быть и речи. Инерция полета и сила толчка заставили Анатолия несколько раз перевернуться через голову. Его бросило на стену, он ударился головой. И словно провалился в темный колодец.

## **Глава 9**

### **ОСМОТР ТЕЛ**

Он пришел в себя от холода и сразу понял, что небывалая острота восприятия его не покинула. Однако на этот раз беспмятство не сопровождалось видениями. Анатолий прекрасно помнил все, что произошло.

Спасен!

Однако для закрепления успеха следовало убрать как можно дальше. Анатолий решил встать и размяться, чтобы согреться. Но едва он поднялся во весь рост, как земля качнулась под ногами, а перед глазами поплыли разноцветные круги. Анатолий с трудом добрался до стены. Беглец из него был пока никакой. Он ощупал рукой лицо. Мелкие, полученные при падении царапины. До свадьбы



заживет. Когда же коснулся рукой затылка, пальцы стали липкими от крови. Пуля, выпущенная Никитой на прощание, все-таки его зацепила. Утешало то, что кровь была густой. Значит, кровотечение остановилось?

Анатолий вцепился зубами в рукав и терзал его до тех пор, пока не удалось оторвать полоску ткани. Ею он обмотал шею. Голова по-прежнему кружилась, к горлу подкатывала тошнота. Пускаться в путь было слишком рано, поэтому Анатолий сел и попытался осмотреться. Для того чтобы составить полную картину окружающего места, было слишком темно. Однако кое-что Анатолий все же увидел. Прямо у его ног лежал череп, уставившийся пустыми глазами вверх. Чуть дальше белела кость. На первый раз этого было вполне достаточно. Анатолий понимал, какие открытия сделает, если пройдет вперед на десять метров. Кладбище!

Он оказался на кладбище, которым пользовались на Дзержинской сейчас. На кладбище, которое чекисты использовали еще в довоенные времена.

Черт бы с ним! Тьма и залежи костей были, как по нему, гораздо лучше, чем яркий свет лаборатории и капельницы с жидким огнем. Семь капельниц, стоявших в ряд...

Как же его ребята?! Неужели их тела и души тоже искорежил Корбут, неужто все они превратились в таких же чудовищ, как Колька?

Стоп! Что сказал Никита? Здесь его дожидается дружок. Хотел он того или нет, а двигаться к залежам костей придется.

Чтобы отыскать Кольку, возможно, даже придется перебираться через них. Новая попытка встать принесла те же результаты. Анатолий даже почувствовал, что его состояние стремительно ухудшается. Страшно хотелось пить. На-

чал бить озноб, а внутренности скручивало. Тогда он пополз к залежам костей на четвереньках.

Добравшись до первой груды, немного передохнул и продолжил свой путь. Пальцы натыкались на черепа, под коленями хрустели кости, но Анатолий продолжал двигаться. Он боялся, что если остановится, то обязательно умрет и останется лежать здесь, в том месте, которое ему отвел Корбут.

Эта фамилия подхлестнула его обжигающим кнутом, заставила перебраться через очередную гору костей. Колька лежал у самой стены, прямо под дверью, находившейся на высоте четырех метров. Здорово, дружище. Вот и свидетели. Кажется, ты говорил, что человеку, захоронившему непогребенный труп, будет отпущено три греха? Серега тогда еще шутил. Вспоминал про рожок патронов, который ты ему должен. Можешь не волноваться: патроны Сереге больше не понадобятся. Покойся с миром. Анатолий почувствовал, как по щекам катятся горячие слезы. Он не стал их вытирать, а провел пальцами по холодной щеке друга. Теперь он почти такой, каким был всегда. Смерть помогла избавиться Кольке от заразы, яда, влитого в него профессором.

В голове у Толи забились тревожные мысли, забились, как птицы в клетках, которых достают оттуда, чтобы свернуть им шею...

«А я? Как я? Меняюсь? Превращаюсь медленно в чудовище? Нет-нет. Пока – нет. Пока могу еще рассуждать. Пока могу любить, могу ненавидеть. Пока принадлежу к старой расе...»

Если бы Анатолий мог трезво оценить ситуацию, он тысячу раз подумал бы, прежде чем поднимать шум у двери. Его



в любой момент могли услышать и пристрелить. Однако в полубреду Анатолий не отдавал себе в этом отчета. Он твердо решил похоронить Кольку и тут же приступил к исполнению обещания. Нужно было перетащить тело на свободное место, к противоположной стене. Толя не знал, сколько времени потратил на это. Озноб сменился жаром, а мелькание цветных кругов перед глазами стало постоянным.

Он тащил Кольку, останавливался, чтобы передохнуть, терял сознание и опять полз вперед. Стена, до которой Анатолий пытался добраться, продолжала оставаться бесконечно далекой до тех пор, пока он не уперся в нее лбом. На следующем этапе требовалось вырыть могилу. Толя даже подыскал для этой цели подходящий стальной прут, но окончательно обессилел. На всем протяжении длительного перерыва он разговаривал с Колькой, что-то втолковывал ему и в чем-то клялся. Потом начал рыть могилу. Яма все не становилась глубже. Анатолию казалось, что он выбросил целую тонну земли, но когда он касался пальцами дна ямы, то понимал, что не продвинулся вниз даже на десять сантиметров.

Наконец, после долгих мытарств, тело было помещено в могилу и засыпано бурыми комьями. Анатолий растянулся рядом. Не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой, он лежал в полузабытьи, пока не понял: если не покинет подземное кладбище сейчас, то останется здесь навсегда. Если не умрет от голода, то его доконает жар. И он пошел. Поначалу падал через каждые десять метров. Потом освоился и, когда чувствовал приближение пика слабости, садился на землю. Кладбище станции Лубянка осталось далеко позади, но до настоящего Метро Анатолий еще не добрался.

Приходилось идти по туннелям без рельсов, сворачивать в помещения, даже отдаленно не похожие на подсобки в

туннелях. Голод, поначалу не дававший забыть о себе ни на секунду, отступил. Анатолий просто чувствовал пустоту в желудке. Он спал прямо на земле, утолял жажду, облизывая сырые стены, часто видел поблизости красные огоньки крысиных глаз и так привык к этому, что перестал обращать на грызунов внимание. Выйти в нормальный туннель так и не удавалось. Были моменты полного отчаяния, когда Анатолий думал, что умер и путешествует по загробному миру.

Он вспоминал где-то вычитанную фразу о том, что ад есть бесконечное повторение ада. Если это так, то он просто кружил по царству мертвых, постоянно возвращаясь в исходную точку. В конце концов Анатолий пообещал себе, что не сдвинется больше ни на шаг, и собирался отыскать место, где можно было просидеть до скончания веков, когда увидел костер. Огоньки пламени плясали во мраке и, сколько бы Анатолий ни тер глаза, не исчезали. Оставалось всего лишь добраться до огня, но он медлил, не веря своему счастью.

Насколько это было возможно, привел себя в порядок.

Приблизившись к костру, он услышал грозный окрик и лязг передернутого затвора. Обычное дело – блокпост. Анатолий поднял руки и остановился. Человека с фонариком, вышедшего из-за груды мешков, почему-то интересовал не сам пришелец, а его глаза. Он светил в них фонариком и так, и этак. Когда Анатолию окончательно надоела такая своеобразная проверка и он хотел заявить свой протест, его наконец-то пропустили к людям. Станным был этот блокпост. Мешки с песком здесь уложили по окружности так, словно пограничники ожидали нападения со всех сторон и собирались держать круговую оборону. Анатолий давно не видел людей и с неподдельным интересом рассматривал их. Все были одеты в невообразимое тряпье, но главным, что делало их похожими друг на друга, была не



одежда, а одинаковое, бесконечно усталое выражение лиц. Анатолию хотелось поговорить, хотя бы узнать о том, где он находится. Однако желающих вступить с ним в беседу не нашлось. Он с большим трудом смог узнать, откуда следует ждать нападения.

– Они с любой стороны могут появиться, – ответил на вопрос Анатолия бородатый мужик, перезаряжавший пулемет. – Строить предположения бесполезно.

Анатолий не стал расспрашивать солдат о том, кто имелся в виду под словом «они». По всему чувствовалось: задай он такой вопрос – и будет выглядеть полным идиотом. Оставалось ждать и самому увидеть «их». Судя по настроению пограничников, атака была не за горами. Анатолий жевал кусок прогорклого сала, которым его угостили, и ждал.

– Идут! – толкнул пулеметчик его в бок. – Смотри, вот они, проклятые!

Анатолий посмотрел в указанном направлении и увидел множество блестящих огоньков. Они медленно приближались. Сходились, расступались и вновь сходились. Это блестящие глаза существ, идущих на блокпост. Анатолий много слышал о монстрах, проникающих в Метро с поверхности. Рассказывали о гигантских слизняках, кузнечиках громадных размеров и даже человекоподобных существах, которых называли «черными». Кто атакует блокпост сейчас? Анатолий смотрел на танец движущихся огоньков и рисовал в воображении чудовищ, не имевших даже отдаленного сходства с людьми.

Вопреки ожиданиям, существа, появившиеся из темноты, имели по две ноги и руки. Когда они оказались совсем рядом, Анатолий понял, что их атакуют самые обычные люди. Правда, очень смелые. Они шли на блокпост с авто-

матами наперевес, даже не пытаясь пригнуться. Раздалась команда «огонь». Отрывисто залаял пулемет, поливая атакующих свинцом. Ничего не изменилось. Пули, впивающиеся в тела, не оказывали на «них» ровным счетом никакого воздействия.

Свинцовый ураган был для этих существ всего лишь ветром, создающим мелкие неудобства, досадной помехой. Что же это такое? Почему никто не падает? И зачем, в таком случае, зря тратить патроны? Пораженный происходящим, Анатолий выглянул из-за груды мешков и похолодел от ужаса. Отряд возглавлял Гриша. С уже знакомым каменным выражением лица и холодным серебром в глазах, он взял автомат наизготовку...

Защитники блокпоста, прошитые автоматными очередями, падали один за другим. Теперь Анатолий хорошо видел шагающих вслед за Гришей пацанов из своей диверсионной группы. Уже абсолютно чужих, позабывших о своем прошлом парнях со станции Гуляй Поле, детях доктора Корбута. Пришла их очередь стрелять. Представители «новой расы» почти не целились, но их пули не пропадали даром. Бой превратился в бойню. Глаза застил пороховой дым, в котором метались тени напуганных до смерти людей.

– Гэмэчелы идут! Спасайтесь, гэмэчелы !

Подгоняемый пронзительными выкриками, Анатолий отступал вместе со всеми. Впрочем, отступлением назвать это было нельзя. Паника, животный ужас, безоглядное бегство – вот более точные определения. Перепрыгивая через трупы, Анатолий мчался вслед за бородачом-пулеметчиком. В пылу бега он даже не заметил, как под ногами появились шпалы и рельсы. Обычный туннель, в который он так мечтал выбраться, наконец!



Мало-помалу грохот выстрелов стал стихать и окончательно смолк вдали. Бородач нырнул в ближайшую подсобку и, тяжело дыша, привалился к стене.

– Все. Гэмэчелы смяли нас. Можно считать, что мы потеряли еще одну линию.

– Откуда они взялись? – с замиранием сердца спросил Анатолий. – Когда появились?

– С Красной линии. Сначала мы думали, что этих существ послали коммунисты, но потом выяснилось: красных больше не существует. Гэмэчелы уничтожили их первыми, а потом взялись за расчистку всего Метро. Их невозможно убить. Нельзя определить их тактику. Эти чудовища не чувствительны к радиации и часто атакуют станции с поверхности. В общем, дни Метро сочтены...

Чтобы унять вихрь кружившихся в мозгу мыслей, Анатолий сжал виски ладонями. Гэмэчелы захватывают Метро. Уничтожают людей. Новая раса атакует. Он вскочил на ноги, бросился к бородачу и принялся трясти его за плечи:

– Когда, черт тебя возьми, это началось?!

– Год назад. Первые отряды гэмэчелов появились год назад...

– Врешь! Сейчас же признайся: ты лжешь!

Не может быть. Он бродил по Метро день, самое большое два. Выпасть из жизни на год? Как такое могло произойти? Нет – это сумасшествие. Бред воспаленного мозга. Болезнь.

Бородач смотрел Анатолия распахнутыми от удивления глазами. Он тоже, видно, считал его сумасшедшим.

В туннеле раздались шаги. Мерный стук ботинок. Бородач осторожно выглянул наружу и обернулся к Анатолию:

– Они уже здесь.

Затем без всякого предупреждения выскочил наружу. Прогрохотала автоматная очередь, послышался звук пада-

ющего тела. Анатолий понял, что оказался в ловушке. Расспрашивая бородача о последних новостях, он потерял драгоценное время. Что ж. Остается ждать и гадать, кто убьет его. Скорее всего, это сделает Гриша, возглавлявший отряд. Он уже не боится птиц. Навсегда избавлен от клаустрофобии. Суперчеловек с легкостью поставит жирную точку в жизни бывшего друга.

Толя смирился с тем, что умрет. Он уже слышал дыхание приближающегося к подсобке существа. Еще мгновение — и он встретится с подернутым серебром, бесстрастным взглядом Гриши. Однако в дверном проеме появился не Гриша. Внутрь проскользнула старуха в лохмотьях. Она взяла Анатолия за руку:

— Пойдем. У меня ты будешь в безопасности.

Снаружи их поджидал мальчик. Он приветливо улыбнулся и протянул Анатолию поджаренную крысу:

— Ешь!

Анатолий оттолкнул протянутую руку. Однако мальчик настойчиво продолжал совать свое угощение. Крыса снова и снова оказывалась у губ Анатолия. Рост мальчика вдруг начал стремительно увеличиваться. Он стал таким большим, что уже упирался головой в потолок туннеля. Как ни сопротивлялся Анатолий, ему пришлось проглотить скрючившийся от огня мерзкий трупик.

— Вот и молодец. Давай еще ложечку.

Анатолий вдруг понял, что лежит на полу и смотрит на склонившуюся над ним Мамочку. Та держала в руках миску и, зачерпнув ложкой какое-то варево, поднесла ее к губам Анатолия.

— Ешь, солдат. Тебе нужно есть, чтобы силы вернулись.

Анатолий послушно проглотил угощение и неожиданно для себя нашел его очень вкусным. Скорее всего, это были



грибы, приготовленные каким-то особым способом. Он съел еще одну ложку супа, затем еще и еще. Миска опустела. Мамочка поставила ее на пол и положил руку на лоб Анатолия:

– Жар прошел. Ты выкарабкался, солдат.

– Где я?

Анатолий приподнялся. Он увидел, что лежит на полу крохотного помещения, укрытый старым, дырявым одеялом. Комнатушка освещалась керосиновой лампой. Через приоткрытую дверь был виден горящий костер и подвешенный над ним черный от копоти котелок.

– Где? У меня в берлоге. Мы в боковом туннеле неподалеку от Маяковской.

– Маяковская? Как я здесь оказался?

– Очень просто. Приполз.

Его нашли на путях. Оборванный, грязный и босой, он бредил о конце Метро, беспричинно рыдал и молил поскорее зарыть его в землю рядом с Колькой на Лубянском кладбище. Значит, никаких гэмэчелов? В Метро все осталось таким же, как прежде?

Да. Пока, во всяком случае.

Толя захохотал – безудержно, до судорог, как хохотал опоенный Корбутом Серега.

Мамочка взглянула на него с тревогой и вновь пощупала лоб.

– Не волнуйтесь, – переводя дух, с трудом выговорил Анатолий. – Все в... Нормально, в общем. Послушайте, Мамочка... Мне ведь вас так называть?

– Окстись. Я Клавдия Игоревна, – строго сказала женщина. – И не приведи тебе Господь встретиться с Мамочкой.

Он посмотрел на Клавдию Игоревну. Во время их предыдущей встречи все в ней выглядело пугающим: и шрам на лице,

и глубоко запавшие глаза, и седые волосы. Теперь перед Анатолием сидела самая обычная, очень усталая и бесконечно несчастная женщина. Когда-то она получила от Анатолия кусок свиной колбасы и отблагодарила тем, что спасла ему жизнь.

Женщина встала и направилась в угол комнатухи. Порылась в ворохе сваленного там тряпья. Положила на пол рядом с Анатолием драный свитер, потертые джинсы и старые ботинки без шнурков:

– Вот. Можешь одеться.

Чтобы не смущать Анатолия, женщина вышла наружу. Когда он встал и наклонился к грудке одежды, то вдруг понял, что очень долго не ухаживал за больными ногами. Анатолий замер, не находя в себе сил посмотреть на язвы. Без мыла, теплой воды и чистых повязок они должны были расплзтись и углубиться до самого мяса. Тогда где же боль? Где мерзкое ощущение того, что тело гниет? Неужели он еще настолько слаб, что не в состоянии понимать это? Посмотреть на ноги все же придется. Рано или поздно он все равно увидит язвы и станет думать о том, что с ними делать.

Анатолий потерял глаза и решил, что сошел с ума. Его ноги, на которые совсем недавно нельзя было смотреть без содрогания, стали ногами нормального человека. От язв не осталось даже шрамов. Ни малейшего намека на страшную болезнь. Не веря своим глазам, он закрыл их и тщательно ощупал места, где находились язвы. Как бы ни был страшен генетический модификатор Корбута, на Анатолия он оказал исцеляющее воздействие. Еще один побочный эффект?

Браво, профессор! Твой пациент теперь просто обязан вернуться и сказать тебе спасибо.

Теперь Анатолий чувствовал только легкую слабость и зверский аппетит. Он быстро оделся. Выйдя наружу, при-



сел у костра рядом с Клавдией Игоревной. Та, угадав его желание, налила полную миску супа, передала гостю и уставлялась на огонь. Анатолий вооружился ложкой и, в несколько приемов, добрался до дна миски.

– Клавдия Игоревна, а где ваш сын? Тот мальчик...

– Миша на станции. Скоро вернется.

– А как случилось, что вы с сыном живете тут одни? А люди?

– А много добра нам сделали эти люди? Лично я получала от них в подарок только зло и ненависть. Не знаю, может, в Метро и встречаются хорошие люди. У тех, с кем имею дело я, нельзя вызвать сочувствия. Можно только запугать. Заставить дрожать от страха, рассказывая о Звере. А те люди, которые довели тебя до ручки, разве они хорошие?

Злых людей не бывает. И те, которые били меня, – хорошие люди. И те, кто выбил глаз Марку Крысобою, – тоже добрые люди. Анатолию очень хотелось ответить Клавдии Игоревне цитатами из любимой книги. Возможно, раньше он так бы и сделал. Однако после знакомства с Никитой и Корбутом все изменилось. Не прав бы Иешуа. Прав был Понтий Пилат. Злые люди существуют.

– У меня – отдельная история.

– Вот и у меня отдельная. Когда жизнь наверху закончилась, я спустилась в Метро вместе с мужем. В отличие от других мужчин, растерянных и напуганных, мой Слава знал, что делать. Полковнику, военному летчику было лучше других известно, что ядерный удар приведет к катастрофе и жизнь на поверхности станет невозможной. Он не просто спустился в Метро выживать, он пришел, чтобы доказать: люди и под землей могут и должны оставаться людьми. Тогда я была молода и красива. Находилась под

защитой самого сильного человека на свете и ничего не боялась. Мой Слава стал одним из первых сталкеров. Возглавил отряд смельчаков, выходивших на поверхность уже тогда, когда пламя радиации еще не успело погаснуть. Это благодаря им в Метро появились свиньи. Мой муж руководил той смелой экспедицией на ВДНХ. В те времена моя жизнь казалась сказкой, а самым большим страхом и разочарованием – когда он задерживался на поверхности. Не знала я тогда, что такое настоящая беда. Она пришла шесть лет назад. Тот день навсегда врезался мне в память, выжиг в ней след каленым железом. Утром меня осмотрел врач, а к середине дня я уже знала, что беременна. О ребенке мы мечтали еще на поверхности. Я с нетерпением дожидалась возвращения мужа, подбирала нужные слова, чтобы рассказать о свалившемся на нас счастье. Слава вернулся очень усталым, расстроенным. Я-то думала, он будет кричать от счастья, а он только кивнул головой. Всю ночь он просидел у костра, курил самокрутку за самокруткой. Я была обижена, не подходила к нему. Ждала, что он вернется в палатку и попросит прощения. Как много бы я отдала за то, чтобы вернуть ту ночь. Не знала я, что она будет последней в жизни моего мужа.

Толя заерзал, прокашлялся. Трофическая язва на душе этой женщины оставалась свежей, и залечить ее ему было нечем. Но Клавдия Игоревна теперь уже говорила не с ним, а со своим Славой.

– Я бы... все сделала бы иначе. Я бы ему все-все сказала, что всегда хотела сказать и на что никогда не хватало времени. Ну или хотя бы прижалась к нему, обняла бы, и сидела так всю ночь, и не уснула бы ни на миг, чтобы на всю оставшуюся пустую стылую жизнь с ним насидеться... Но я осталась в палатке. А он – у костра. Утром я встала, подо-



шла... Костер погас. У Славы был жар. И без сознания он лежал. Потом пришел в себя ненадолго...

– Что это было? Что с ним стряслось? – спросил Толя.

– Сталкеры принесли с поверхности какую-то неизвестную инфекцию. Несколько человек на станции в ту ночь умерли. Их тела покрылись язвами и почернели, а народ, быстро позабыв о заслугах сталкеров, требовал немедленно расправиться с оставшимися в живых и с их семьями. Для профилактики. Такая медицина... У нас было время бежать, спастись и, возможно, вылечиться в дальнейшем. У Славы было много друзей, и все они предлагали свою помощь. Но мой муж отказался от помощи. Всегда и везде он привык рассчитывать только на себя, смотреть в лицо опасности, не опуская взгляда. Вячеслав вышел к людям. Думал, поймут. Думал, вспомнят о всех его добрых делах. И поплатился. Те, кто еще вчера готов был целовать ему руки, набросились на больного сталкера, как волки. Его били палками и просто ногами. Раскроили череп, полумертвого швырнули на пути. Я пыталась вступить за мужа, и кто-то полоснул меня ножом по лицу. Почему я осталась жить? Почему не умерла рядом с мужем? Он не разрешил мне. Когда я склонилась над ним и кровь, текшая из раны на лице, смешалась с его кровью, он сказал: «Клава, береги сына». Полковник отдал последний в жизни приказ, и мне пришлось его выполнять.

– Сына? Но ведь...

– Он знал, что у него родится сын. Миша появился на свет, когда я была уже изгнанницей, бездомной бродяжкой. Недавно пыталась рассказать ему об отце, но он пока мал, чтобы все понять. Убежден, что жизнь в Метро состоит только из воровства и побоев. Как, скажите на милость, объяснить сыну, что хорошие люди существуют?

Женщина вытащила из кармана пальто два измятых полковничьих погона с потускневшими звездочками.

– Вот все, что удалось сохранить в память о нем. Награды и китель я давным-давно выменяла на еду. Знаете ли, поначалу страшно не хотелось есть крыс.



## **Глава 10**

### **КРАБ ИЗ ЯМЫ**

Анатолий сидел опустив глаза. Только теперь, после рассказа Клавдии Игоревны, он понял, что не знает настоящего, истинного Метро. До этого он жил в тепличных условиях и имел наглость считать себя обделенным судьбой. Нет, он просто счастливчик, который не видел настоящей грязи, не ощущал чистой звенящей боли, не знал, каковы на вкус истинные страдания. Вот и экспедицию в логово Корбута он считал простым заданием, в стиле получил-сдал. Был уверен, что никому ничего не должен.

Говорил себе, что заботится о мировой справедливости. Якобы человечество спасал. А на деле просто упражнялся, очки зарабатывал, красовался сам перед собой.

А не было никакого человечества. Были отдельные несчастные люди. Такие, как Колька застреленный. Как погибший Вячеслав, как его жена и сын, ввергнутые в унижения и нищету. Вот ради них и...

Едва он вспомнил про мальчика, из темноты туннеля слышались легкие шаги и появился Миша собственной персоной. Все такой же чумазый, в курточке с разноцветными заплатами и огромных ботинках. Мать принялась укорять сына за долгое отсутствие, а он в ответ сунул руку в карман куртки и вытащил несколько патронов. Поймав взгляд черных глазенок Миши, Анатолий подмигнул ему. Мальчонка расплылся в щербатой улыбке. Присел на корточки у костра и принялся с поразительной быстротой хлебать приготовленный матерью суп. Какой же он маленький. И в то же время значительно взрослее Толи. Уже кормилец, добытчик. В свои пять лет несет ответственность. Самостоятельный парень. Гены героя-полковника дают о себе знать. Ворует, конечно, ворует. Просто не знает другого способа зарабатывать на жизнь. Ведь в пять лет еще надо ходить в садик.

Анатолий помрачнел.

Дети – цветы жизни. Слова Корбута. Пора было подумать над тем, как нанести визит профессору и заплатить по счетам. На Войковскую Анатолий возвращаться не собирался.

Он ни за что не придет туда побежденным. Командиром без команды. Генералом без войска. Пусть в произошедшем есть немалая доля вины Нестора, который, при всей своей проницательности, не смог распознать в Никите провокатора. Сейчас это уже неважно. Сейчас это уже личное между Анатолием и Никитой-иудой. И доктором-изувером.

Сначала лаборатория, а уж потом Гуляй Поле. Собрать новую группу он не собирался. Хватит и одного Ар-



шинова. Старый прапорщик ведь жаловался на то, что ему не позволяют принять участие в настоящем деле. Анатолий предоставит ему возможность показать себя во всей красе.

Ко всему прочему, Аршинов являлся ходячим складом оружия и снаряжения. Оставалось добраться до туннеля за Белорусской, подать условный сигнал и... А если Аршинов не объявится? Ничего, Анатолий его отыщет. Все. Пора отблагодарить приютившую его женщину и идти.

Однако та покачала головой:

– Без документов, солдат, тебе Белорусскую не пройти.

Толя вспомнил, с какой легкостью он проскользнул через станцию на пути сюда, и все понял. Свободный проход обеспечил Аршинов. Его же документы остались в подсобке у Дзержинской и давно оказались у коммунистов. Но что ему остается? Обман? Штурм?

Выбора все равно нет. Надо идти.

Но его остановила Клавдия Игоревна:

– Я помогу вам достать документы. Есть один знакомый, который сможет это сделать.

Она принесла из комнаты обрывок пожелтевшей бумаги и огрызок карандаша. Написав что-то, передала записку сыну и шепнула ему несколько слов на ухо. Мишка понимающе кивнул головой и растворился в темноте. В ожидании прихода таинственного специалиста по документам, Анатолий задумчиво смотрел на пляску языков пламени костра. Его план начал разваливаться с самого начала. Какая уж там лаборатория, если он даже не сможет пробраться через Белорусскую. В запасе имелся еще один вариант – сдать патрулям, сообщить о своей принадлежности к станции Войковская и дожидаться, пока свои подберут. Если только агенты красных не подберут его раньше...

Но, допустим, Нестор отправит за ним отряд. Пусть он даже вернется на Гуляй Поле. И что?

Разгром диверсионной группы не удастся сохранить в тайне. Поднимется шум. Разъяренные анархисты громкогласно поклянутся отомстить. Слух о том, что кому-то удалось спастись, долетит до красных. Охрану лаборатории усилят, и соваться туда станет совершенно бесполезно. Кратчайший путь не всегда приводит к цели быстрее. Хватит с него и первой попытки. Тогда тоже все казалось проще простого, а закончилось кладбищем на Лубянке.

Разморенный едой и теплом, Анатолий начал клевать носом. Организм требовал нормального сна. Едва Анатолий закрыл глаза, как увидел знакомый, освещенный одной лампочкой коридор. Он подошел к двери лаборатории и приложил к ней ухо. Изнутри не доносилось ни звука. Анатолий толкнул дверь и вошел. Все кровати, за исключением одной, были пусты. На той же, которую когда-то занимал Толя, кто-то лежал. Человек был укрыт с головой старым одеялом. Видны были только руки, которые почему-то не стали прикручивать к металлическому каркасу проволокой. Тихо булькала капельница.

Неужели Корбут отыскал добровольца? Скорее всего, нашелся коммунист, который во имя светлых идей согласился присоединиться к новой расе по собственной воле. Толя приблизился к кровати и осторожно отбросил край одеяла. Добровольцем была Елена. Ее русые волосы разметались по клеенчатой подушке и стали похожими на нимб. Лицо было безмятежным. Совсем, как у Кольки незадолго до того, как он начал душить ассистента. Почувствовав Толино присутствие, девушка открыла глаза.



– Вот и вы. Хорошо, что пришли попрощаться. Когда вы сбежали, профессор потребовал, чтобы я заняла ваше место. Мне пришлось согласиться.

Серые глаза Елены подернулись серебром. Она отбросила одеяло, резко встала, вырвала иглу капельницы из руки и, пройдя мимо окаменевшего Анатолия, скрылась за дверью. В лабораторию вошел Никита. Увидев Анатолия, он укоризненно покачал головой:

– Пойдем. Я же говорил: тебя там дружок дожидается.

Это всего лишь сон. Кошмар и ничего больше. Доводилось видеть и кое-что похуже. Анатолий последовал за Никитой. Вместе они прошли в комнату с двумя дверями. Там их поджидал Колька, очень занятый тем, что отряхивал с одежды налипшую землю. Покончив с этим занятием, взглянул на вошедших:

– Кто тебя просил меня хоронить? Мы же не умираем. Как то, что не живет, может умереть? Друга в землю зарыл. Ладно, прощаю на первый раз. Держи краба!

Толя в замешательстве смотрел на протянутую ему руку и удивлялся: откуда у Кольки могла взяться татуировка в виде перстня.

– Держи краба, тебе говорят!

Анатолий понял, что уже не спит, и руку ему протягивает вовсе не Колька. Рядом с Мишей стоял человек среднего роста. Вырядился он удивительно: пиджак зеленого цвета, невообразимо широкие красные штаны и щегольского вида полусапожки на высоких каблуках венчал серый вязаный шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Откуда, черт возьми, он взял все это в Метро? Одни только штаны должны были стоять целое состояние! Наголо бритая голова и удивительно подвижные черты цыгановатого лица не позволяли определить возраст франта.

– Зови меня Краб. Погоняло у меня такое, – пояснил странный тип. – Имени тебе знать не надо, да я его уже и не помню.

Анатолий с растерянной улыбкой пожал протянутую руку и сказал:

– Анатолий Томский. А погоняло у меня... Ну, скажем, Том. Катит?

– Катит, Том. Значит, тебе ксива нужна?

Анатолий кивнул. Краб разразился пространным монологом, настолько усыпанным воровскими словечками, что Толику пришлось напрягаться, чтобы понять, о чем идет речь. Суть выступления сводилась к тому, что за надежный документ следует заплатить никак не меньше пяти рожков патронов, а если Анатолий собирается брать паспорт в долг, то должен что-то оставить в залог. В любом случае, деньги вперед.

– Если через Белорусскую проведешь, получишь шесть рожков, – пообещал Толя.

Краб задумался, однако это не помешало ему с уморительными ужимками несколько раз пройтись вокруг костра. Подвижным было не только лицо Краба, – он весь сгорал от желания двигаться. Прервав раздумья, Краб покачал головой:

– Не прокатит. Ты, видать, из анархистов? Где гарантия, что, когда окажешься на своей линии, не забудешь про обещание?

– Мое слово.

– Так себе гарантия.

– Тогда и говорить не о чем. Спасибо за потраченное время.

– Ну-ну... погоди, революционер. – Краб сплюнул. Обещанные шесть рожков явно вызвали у него обильное слюноотделение. – У меня не получится, а у Креста все срастется. К Кресту тебе надо. Он тут главный. Король всех воров Метро. Пахан. Вот он прогарантирует...



«Какого черта, – подумал Толя. – К вора́м, так к вора́м. Есть ситуации, в которых все средства хороши».

– Веди к пахану.

Клавдия Игоревна протянула Толе выцветший рюкзак без лямки:

– Возьми, солдат. Тут еды немного. Бери-бери! Такого ты наговорил в бреду, жаль тебя. И помочь тебе хочу. С богом!

Анатолий обнял женщину, та по-матерински поцеловала его в щеку. Понятно было, что Клавдия Игоревна отдает последнее. Возможно, сегодня ей уже не будет чем накормить сына и Мишка опять пойдет на Маяковскую воровать. Однако полковничья вдова, называвшая Анатолия солдатом, была приучена отдавать последнее тому, кто стоит на переднем крае. Анатолий приблизился к Мише, подхватил его и поднял на вытянутых руках:

– Вырастай побыстрее, Михаил Вячеславович!

Закружилась голова... Видно, силы еще не вернулись к Толе. Совладав с собой, Анатолий все же благополучно поставил Мишку на землю. Мальчик протянул Анатолию ладошку. Совсем не детским, мужским жестом.

– Прощай, солдат, – вслед за мамой повторил он.

Уходя вслед за Крабом в туннель, Анатолий несколько раз оборачивался, чтобы запомнить эту картину: огонь костерка и силуэты людей, вдруг ставших ему словно родными. Он вернется сюда. Сделает свое дело и вернется, чтобы забрать Клавдию Игоревну и ее маленького сына на Гуляй Поле. Пусть хоть с опозданием, но узнают: добрые люди есть.

Занятый своими мыслями, Анатолий пропускал мимо ушей неумолчную болтовню Краба.

– Мы тогда на Проспекте Мира кассу сняли – мама не горюй. Торгаши ганзейские и глазом не успели моргнуть,

а все уже чики-чики. Полные рюкзаки несли. «Волын» штук двадцать, «маслят» рожков сорок. В общем – бей посуду, я плачу! Посты без проблем прошли. Оставалось только Новослободскую перемахнуть и – дома. Только Рваному, *тараканумлялетучему*, вздумалось прямо в туннеле перекур устроить. Я ему сразу сказал – не нравится мне это место. Мол, потопали – дома накуришься. Нет. Уперся. Расселись вчетвером – короли королями, а я дальше пошел. Думал, нагонят. Какое там! Не успел и сотни метров отойти, как вопить начали. Страшно так, будто на куски режут. Я, понятное дело, малость струхнул. Не сразу туда вернулся. А когда пришел, только окурки на рельсах дымились. Ладно бы только кореша мои пропали. Можно было считать, что их Зверь уволок, про которого Клавка постоянно лопочет. А то ведь и рюкзачки – тю-тю. Я так думаю, что Зверь тут ни при чем. Зверю люди нужны, а «сидоры» с патронами – без надобности. Он их жрать не станет. На Маяковской потом большая буча была. Крест не поверил, что добро просто так пропало. Думали, я братков порешил, а все, что слямзили, – заныкал. Хотели на ножи поставить. Насилу отбил. Так считаю: есть в Метро и другой народец, кроме нас. Такой, что все ходы-выходы знает. В боковых туннелях как дома себя чувствует и на любую станцию мимо блокпостов пройдет.

Анатолий слушал Краба и мысленно с ним соглашался. Как быть с тем, что он сам выбрался с Лубянки, миновав фашистский треугольник Пушкинская – Чеховская – Тверская? Не мог же он проползти мимо фашистов незамеченным. В чем-чем, а в бдительности солдатам Рейха отказать нельзя. Анатолий был уверен: хотя бы третья часть таинственных коридоров, по которым он полз, была



явью, а не бредом. Но если он нашел их, наверняка были и другие люди, которые знали о существовании секретных ходов.

Краб вывел его из бокового коридора в общий туннель, и через двести метров они поднялись на перрон Маяковской. Анатолию чудилось, что со времени его посещения этой станции прошла целая вечность. После всех скитаний по безлюдным уголкам Метро Маяковская уже не казалось самой унылой из станций. Здесь жили люди, бурлили страсти. Наверное, и тут и влюблялись, и становились заклятыми врагами. Станция как станция, в общем.

Анатолий узнал и драные палатки, и продавца шашлыков с его грязным фартуком и мангалом, распространявшим невообразимую вонь. Все осталось таким же, как прежде. Хотя нет. Анатолий понял это по взгляду шашлычника. В прошлый раз он смотрел на бравого молодца в камуфляже почти раболепно. Теперь – с презрением. Анатолий увидел худого, как скелет, мужчину, который, пристроив на коленях осколок потускневшего зеркала, скреб недельную щетину на щеках обломком опасной бритвы.

Толя взглянул на свои грязные джинсы, на перепачканные руки, провел ладонью по колючему подбородку... Черт побери, за эти дни (недели?) он, наверное, порядком поистаскался! Подойдя к бреющемуся мужичку, Толя попросил поглядеться в зеркало. Тот пожал плечами – смотришь, жалко, что ли.

Одного взгляда на собственное отражение хватило для того, чтобы Толя остолбенел. Испугало не исхудавшее, покрытое разводами грязи лицо. Он был совсем седой! Не веря своим глазам, Анатолий потер зеркало рукавом. Никаких изменений. Взъерошил чуб, все еще надеясь, что его

стальной цвет — лишь налет пыли. Не помогло. Седина не исчезла. Анатолий выругался, вернул зеркало и нагнал спутника. Твари за все заплатят!

Краб повел Анатолия в дальний конец платформы. Здесь, за скопищем обычных палаток, Анатолий увидел место, огороженное наподобие качалки на Войковской. Из-за брезентовой стенки доносились голоса, толчками лилась песня, исполняемая хриплым басом.

— А вот и яма!

Опять яма! Та, что на Лубянке, наполненная грудami костей, в которой он похоронил Кольку? Может, хватит с него ям? Ну а все Метро — разве это не одна гигантская яма?..

Краб гостеприимно откинул полог входа, и Анатолий оказался в настоящем воровском логове. Среди керосиновых ламп и плашек с фитилем и мазутом, за столами и просто на полу разместилась самая разношерстная публика, которую только можно было представить. Коммунисты могли бы позавидовать такому «Интерстанционалу». Славяне, цыгане, смуглые кавказцы, узкоглазые таджики перемешались в пеструю галдящую массу. Кто-то играл в карты, яростно шлепая ими по столу. Кто-то, обильно пересыпая свою речь воровским жаргоном и обычным матом, рассказывал о «лохах» и «фраерах ушастых». Кто-то просто прихлебывал чай, кто-то курил самокрутку и слушал воровские истории.

Анатолий сразу узнал того, кого Краб именовал Крестом. Большой пронизательности тут не требовалось. В дальнем углу отгороженной площадки образовалось свободное место. Некий вакуум, куда, казалось, не мог пробиться даже махорочный дым. В центре свободного пространства стоял низкий топчан, на котором полулежал босой мужчина лет шестидесяти. Его сорочка была расстегнута, а на лишенной рас-



тельности груди грозно скалил пасть синий татуированный тигр. Крест лениво поигрывал четками из черных пластмассовых бусин и о чем-то говорил сидевшей у него в ногах рыжеволосой женщине.

Краб завладел рукой Анатолия и потащил его за собой, то и дело кивая знакомым. На подходе к «приемной» Креста вор замедлил шаг, а в пяти метрах от топчана остановился:

– Здорово, Крест. Вот, клиента притаранил.

Представив таким образом Анатолия, Краб растворился в толпе, а Крест оценивающе посмотрел на гостя из-под густых черных бровей:

– Кто такой, салажонок? Откуда сам?

Анатолию хотел ответить на испытующий взгляд и презрительный тон грубостью, но вовремя спохватился. Незачем тут бравировать, ни к чему дразнить тигра.

– Анатолий. Живу на Войковской.

– Ага. Анархия – мать порядка? Из соколов Нестора, значит?

Анатолий кивнул:

– На Красной линии попал в передрагу. Остался без бумаг. Нужен паспорт, чтобы проскочить Белорусскую. Расплачусь на той стороне.

– Поди погуляй, пока я с братвой на твой счет перетру, – лениво кивнул Крест.

Анатолий отошел в сторонку и сел на лавку, за краешек стола, где шла бурная игра в «двадцать одно». На прищель-ца тут же уставились семь пар глаз. Внимательных, изучающих. Если бы Толя не к Кресту пришел, худо бы кончился этот обмен взглядами. Через несколько мучительно долгих минут смотрины закончились. Игроки вернулись к своим картам. С облегчением вздохнув, Анатолий исподтишка по-

смотрел на Креста. Вокруг пахана собралось несколько человек довольно свирепого вида. Оживленно жестикулируя, они что-то доказывали атаману. Крест внимательно выслушивал советников, иногда кивал и смотрел поверх голов на Анатолия. О чем говорили эти люди? Что могли так долго решать по поводу никчемного безвестного бродяги?

Анатолий почувствовал, что взмок от пота. Не от страха, от неизвестности. Он никогда не имел дела с ворами. А ведь, наверное, организация у них была не хуже, чем у анархистов. Пусть не было такого числа боевиков, такого количества «тачанок», зато людишки свои наверняка присутствовали на любой станции – и у красных, и у фашистов, и у сектантов любых. Как лимфатическая система – пронизывающая весь организм и при этом невидимая. Только воспаленная, гнойная.

Что, если воровская сходка сочтет за лучшее просто избавиться от подозрительного незнакомца? У воров найдется множество мест, где за захоронение его труп никто не получит отпущение трех грехов. Все могло закончиться гораздо раньше, чем он предполагал. Нож в бок и – конец всей истории.

– Эй, анархист! Ну-ка поди... – с воровской напускной вальяжностью позвал его Крест.

Вновь очутившись перед атаманом, Толя больше не хотел ждать, не хотел прятать глаза. Есть у воров слово «терпила». Прогибают того, кто прогибается. И Толя, выпрямившись, заглянул Кресту прямо в матовые его зрачки.

Вор, казалось, намеренно тянул время, продолжая поигрывать своими четками. Наконец широко улыбнулся, обнажив ряд железных зубов.

– Хотя ты и борзой фраер, это по роже видать, но живи пока. Вообще-то с Нестором у меня свои счета, еще с граж-



данской войны мы не все проблемы с ним перетерли. Но ты тут ни при делах. Катись себе на Белорусскую. Паспорт не потребуется. Краб куда надо проведет и должок с тебя получит. Только об одном предупреждаю: если мой кореш с пустыми руками вернется или случайно Богу душу отдаст, я тебя в любом конце Метро из-под земли достану. Если что плохое замыслишь – сразу панихиду по своей грешной душонке заказывай.

Выдав Анатолию свое решение, Крест прикрыл глаза и устало махнул рукой.

Толя и сам не заметил, как ноги вынесли его на станцию. Он не слушал Краба, ноющего, что зря связался с Анатолием. Не обращал внимания на снующих рядом людей. Он хотел только одного – спуститься вниз и шагать по туннелю. Быть снова один на один с Метро. К чертям Креста, к чертям Москвина, Никиту, Корбута, Нестора даже к чертям, к дьяволу всех, кто решил, что может распоряжаться его судьбой. Нет больше миссий, нет высоких целей, нет идеологий. Есть только Толя, есть люди, которых он полюбил, и люди, которых он обрек. Есть враги, к которым у него теперь личный счет. Вот настоящая анархия!

Он больше не командир боевого подразделения, а одиночка, жизнь которого не стоит больше пустой гильзы. А его товарищи обращены в чудовищ или уничтожены и утилизированы, как неудачные опытные образцы. И девушку, которую он, кажется, полюбил, лапает предатель и сластолюбивый лжец. Теперь все, что он собирается делать, нужно не абстрактному человечеству, а ему самому. Это теперь не священная народная война, а Толина, личная.

Анатолий спрыгнул вслед за Крабом на рельсы и всей грудью вдохнул воздух туннеля. Разреженный и влажный.

Воздух без запаха, но с тысячью настроений. Воздух, которым Толя дышал с детства. Которым будет дышать всю оставшуюся жизнь. Краб уловил настроение Анатолия, прекратил трескотню и включил фонарик. Круг света запрыгал по паутине трещин на бетонных стенах. Начался обратный отсчет.



## **Глава 11**

### **ЧЕРВИ**

Долго хранить молчание Краб не умел. Выдержал всего двадцать минут. Все это время он исподтишка поглядывал на спутника, собираясь сказать что-то, но почему-то воздерживался. Толя это заметил, но виду не подавал. Какого черта! Травить байки или, чего доброго, откровенничать с этим душегубом? Да за ним приглядывать надо в оба, чтобы напильник в почку не всадил или удавку между делом не накинул!

Краба все же расперло.

– Вот ты, Толян, с Войковской. Не в первый раз по этим туннелям топаешь и, небось, думаешь, что каждую дыру вдоль и поперек облазил. Считаешь, что шугаться здесь не-

чего. А я так скажу: то, что в Метро было вчера, сегодня может и не быть. А назавтра новое родится. Я даже не про чушиц базарю. Про туннели и подсобки. Они, поверь, как живые. Могут исчезать в одном месте, а появляться в другом. Сам, врать не буду, не видел, зато один мужик рассказывал. Митричем его звали. Не из нашей братвы – сын врага народа. Политический. Он малолеткой Метрополитен строить начал, а когда реабилитировали, остался уже вольнонаемным. По любому туннелю мог с завязанными глазами пройти, а все равно с опаской к Метро относился. Рассказывал, что, когда строили участок от «Белорусской» до «Динамо», на старое кладбище напоролись. Прямо из стены кости торчали. Целыми рядами. Тут же, на ровном месте несчастные случаи начались. То кто-то из метростроителей прямиком под бурильную установку угодит, то кого-то током убьет. Им бы, дуракам, священника позвать, да перезахоронить косточки. Нет. Проще сделали – все под цемент и сталь закатали и думали, что от мертвяков избавились. Прошли еще метров пятьдесят – новое кладбище. Опять концы в цемент. Митрич уже тогда смекнул, что дело нечисто. Он хорошо запомнил, в каком порядке кости на первом кладбище лежали, и увидел, что на втором – все один к одному. Когда ж через пятьдесят метров картинка опять повторилась, то уже и начальство за голову схватилось. Пробовали опять тем же макаром проблему решить. Какое там! Рухнула стена, и вход в боковой туннель открылся. Митрич туда заглядывал. Своды не из кирпича, из камня сделаны. Через каждые десять метров в стенах ниши, а в них – по скелету на ржавых цепях болтается. Что за подземелье, кто построил – разбираться не стали. Взорвали к чертовой бабушке. Но этим дело не кончилось. Митрич говорил, что после того бродячий туннель начал на этой линии в разных



местах появляться. Вроде как ловушка, западня. Войдет в него человек, увидит все страсти и назад ринется. Только выхода уже нет. Вместо него – прочная каменная кладка. Снарядом не прошибешь. Лупит бедняга по ней кулаками, орет, а все без толку. Если не робкого десятка – пробует вперед по туннелю пройти. Только быстро назад возвращается. Потому что впереди нет для живых дороги. А денька через два находят болезного. Лежит в самом обычном туннеле, а руки до костей разбиты...

– А рядом трехлитровая банка из-под самогона, пустая! – скривился Толя.

– Дурак, если не веришь, – пожал плечами Краб. – Неверующих Метро наказывает.

И тут, будто в подтверждение его слов, из темноты вынырнула табличка «Завал – 100 метров».

– Быть такого не может! – переполошился Краб. – Это ж знакомый туннель! Я тут только вот шел... Какой завал?

Он рванул вперед, тыча своим фонарем в темноту, причитая и кляня Толю, Креста, шесть рожков патронов и Богоматерь. Толя покачал головой и огляделся. Шагов через десять в стене чернел боковой лаз. Краб, ослепленный паникой, промчался мимо, даже не заметив его. Сам себя напугал, хмыкнул Толя.

Лаз – тесноватый, будто прокопанный вручную – заканчивался нагромождением породы как раз метров через сто. К нему-то табличка и относилась.

В Метро частенько взрывали туннели, считавшиеся опасными. Для этого вовсе не требовалось, чтобы туннель вел к блуждающему кладбищу. Хватало и угроз, никак не связанных с мистикой. Метро ветшало. Попадавшая в трещины бетона вода рвала некогда прочные конструкции, как гнилую ткань. Образовавшиеся на поверхности водоемы

тоже искали выход в туннели, грозя их затопить. Много туннелей было взорвано в годы гражданской войны между Ганзой и Красной линией из сугубо военно-тактических соображений. В послевоенные годы их принялись восстанавливать, но без строительной техники работа шла тяжело.

Нет, здешних туннелей можно было не бояться: ничего дурного в них не было. Это уже по табличке с предупреждением можно было догадаться. О серьезных опасностях предупреждали обычно черной или красной краской. Тут же предостережение было просто выцарапано кое-как на стене острым предметом. Так, времянка.

Вернулся из разведки Краб – успокоенный, снова обретший уверенность в себе. Стараясь загладить впечатление, он напустил на себя борзой вид и принялся учить Анатолия тому, как следует вести себя на Белорусской.

– Рта не раскрывай. Все, что надо, сам скажу. Ходи сзади хвостом и сопи в две дырочки.

Кулаки Толины сжались сами собой, стало слышно, как бьется сердце... Но он удержался.

Краб развинченной походочкой приблизился к блокпосту, перекинулся с часовыми парой слов и вскоре уже беседовал с ними, как со старыми знакомыми. Удивительно, какая дружба! Нет, не удивительно. Краб вытащил из своего бездонного кармана очень легкий на вид бумажный сверток и передал его старшему пограничнику. Тот развернул бумагу, понюхал содержимое, улыбнулся и дружески хлопнул Краба по плечу. «Дурь», – понял Толя. Им такой партии на месяц хватит. Служба напряженная, нужна и разрядка время от времени. Свести короткое знакомство с зелеными чертями всегда помогает.

Упрятав сверток, погранцы на Анатолия даже не взглянули. Приняли за кореша Краба, наверное. А может, дурь и



была уплатой за безбилетного пассажира. «Слишком просто, — подумал Толя. — Даже неинтересно».

Но слишком просто не вышло. Оказавшись на платформе, Краб будто забыл, зачем пожаловал на станцию. Как пес, почуявший дичь, Краб раздувал ноздри и без конца вертел головой.

Особое внимание он уделял хорошо одетым мужчинам, лоснящиеся лица которых могли выдавать их принадлежность к Ганзе. Вор чуть не пускал слюну, приклеившись взглядом к очередному добротному рюкзаку, и Толе приходилось несколько раз напоминать о себе, дергая Краба за рукав. Не хватало еще, чтобы их схватили на этой станции строгого режима без документов!

Спотыкаясь о каждого мало-мальски обеспеченного человека, они прошли по выложенным черным мрамором ступенькам лестницы, ведущей на Кольцевую линию. На протяжении пути Анатолий несколько раз видел патрульных Ганзы и каждую секунду ждал, что у него спросят документы. Обошлось. Очередной бомж не вызывал у патрульных особых подозрений. Обычные же люди его просто откровенно сторонились. Белорусская, что про нее ни говори, оставалась одной из самых цивилизованных станций. Анатолий же потерял свою связь с цивилизацией в тот момент, когда прыгнул в яму, наполненную костями. Седой, оборванный, пахнувший застарелым потом и гнилью, он словно был окружен незримым пузырем, полем, в которое ни один нормальный человек не хотел бы попасть.

Ничего... Скоро он встретит Аршинова, и все кончится. Будет и горячая вода, и чистая одежда, и документы, и надежный смазанный автомат.

Осталось пройти последний блокпост. Там собралась небольшая очередь. В отличие от своих коллег, часовые

на этом блокпосту несли службу бдительно: проверяли паспорта, ощупывали вещмешки на предмет оружия. Краба это нисколько не напугало. По всей видимости, он имел какой-то свой ключик к каменным сердцам и этих пограничников. Анатолий встал за спиной спутника и в предвкушении скорой встречи с Аршиновым глазел по сторонам.

Тут и пошло все наперекосяк.

Анатолий слишком поздно заметил, как шаловливая ручонка Краба погрузилась в рюкзак человека, стоявшего впереди. Анатолий замер. Остановить вора он уже не мог. Оставалось только уповать на профессионализм любителя чужого имущества. Однако в гороскопе Краба этот день был обведен черным кружочком.

— Ага, попался! Давно тебя, гад, ищу! Патруль! Я ворюгу поймал!

Жилистый безволосый мужик, неслышно подошедший сзади, ухватил Краба за шарф что было сил. Рассекая толпу, на крик бежали патрульные. Ганзейская форма! Камуфляж, автоматы... Этих-то Краб не прикармливал.

Как выпутываться?!

Краб сам справился. Извиваясь всем телом, он освободился от захвата, ткнул бдительному гражданину пальцами в глаза и кинулся бежать, оставив мужчине в качестве трофея лишь свой великолепный шарф. Часовые на блокпосту замешкались, и вор этим воспользовался: перепрыгнув через ряд мешков, он оказался за блокпостом.

Толя последовал за ним, растолкал группу стоящих впереди людей и прыгнул через мешки. Не так ловко, как Краб. Подвел незашнурованный ботинок. Анатолий зацепился им за верхний ряд мешков и рухнул на рельсы. Спасла суматоха, поднятая Крабом. Задержать Анатолия спе-



шили сразу несколько часовых. Каждый из них так старался, что мешал другим. Беглецу это дало несколько секунд форы. Он снова вскочил на ноги и бросился бежать. Сзади доносились крики преследователей и грохот их тяжелых башмаков, впереди раздавался дробный стук подкованных сапожек Краба. Анатолий вскоре нагнал вора и схватил его за плечо. Краб решил, что оказался в руках патруля, и наугад двинул Толе в челюсть. Потом обернулся-таки, увидел знакомое лицо и расплылся в улыбке:

– Кого я вижу! Том! Да ты ловкач!

– Я тебе покажу ловкача!

Анатолий схватил Краба за отвороты зеленого пиджака и принялся трясти так, будто надеялся душу из него вытряхнуть. Может, и вытряхнул бы, если не погоня.

Вдоль туннельных стен, приближаясь, заплясали огни фонарей. Послышались отрывистые команды и лай собак. Пограничники не собирались отпускать беглецов просто так. Бежать вперед было бессмысленно – собаки все равно окажутся быстрее. Краб заметался по туннелю в поисках места, где можно спрятаться. Неожиданно он за что-то зацепился и упал на колени. Раздался громкий вопль. Толя увидел, как вор, цепляясь руками за шпалы, ползет к темному проему в стене, прыгнул к нему, рывком поднял на ноги и втолкнул в подсобку. Краб тут же сел у стены, обхватил обеими руками лодыжку и начал жалобно поскуливать:

– Нога! Моя нога! Ой, *летучиемлятараканы*, как больно!

Зажав вору рот ладонью (этот гад его еще и укусил), Толя застыл и прислушался. От собак им точно не уйти, не спрятаться. Если они взяли след, сейчас в эту каморку ворвутся патрульные... Может, и арестовывать не станут, поставят здесь же к стенке и пустят в расход.

Где же преследователи?

Раздался вдруг жалобный собачий визг – будто дрезина экстренно затормозила, – потом послышались испуганные крики, грохнуло несколько выстрелов. И все стихло.

Анатолий отпустил Краба, взял у него фонарь и выглянул в туннель. За ними больше никто не гнался. Что-то отпугнуло погоню.

Он осторожно вышел на пути и замер, напряженно вслушиваясь. Тишина не была полной. Что-то едва слышно потрескивало. Анатолий включил фонарик и сразу увидел лежавшую на путях овчарку. Ее голова конвульсивно подергивалась, а черные глаза с немой мольбой смотрели на человека. Пес еле слышно хрипел, будто кто-то передавил ему горло и он не мог даже скулить.

Что за дьявольщина?!

Толя сделал шаг вперед, пытаясь понять, что случилось с собакой. И тут увидел черный кабель, обвивший заднюю ногу несчастного животного. Он уже встречал нечто подобное, когда шел вместе со своим отрядом.

И тут Толя вспомнил все. Вспомнил и похолодел. Колени затряслись. Что же он не успел расспросить у приютившей его женщины о Звере?.. Что теперь ему...

Спокойно. Медленно отходим...

В свете фонаря тускло поблескивали ромбовидные чешуйки. Они плавно двигались, переливались. Словно вытекали из-под земли. Ногу овчарки обвивали все новые кольца зловещего черного шланга. Щебенка под псом зашевелилась. За считанные мгновения в земле образовалась вмятина. Воронка. Пес захрипел в последний раз... Резкий рывок, и тело животного с хрустом исчезло в проеме между двумя шпалами – мигом, вопреки всем законам физики, будто его черти в ад утащили. Анатолий хо-



тел закричать, заорать от ужаса, он еле удержался. Позади слышалось уже знакомое потрескивание. Страшным усилием воли удалось удержать себя от резких движений. Анатолий лишь осторожно повернул голову. Всего в двух метрах у него за спиной, опершись на свитый в кольца хвост, медленно раскачивала долгой шеей гигантская змея. Потрескивающие звуки издавал кончик ее хвоста, ритмично постукивающий по щебенке. Анатолий отчетливо видел на нем короткие, очень острые конические шипы.

Змеи... Что он знает о змеях?

«Нельзя смотреть змее в глаза, — пронеслось в голове. — Они гипнотизируют».

Подумав об этом, Анатолий вдруг понял: никаких глаз у жуткого существа не было и в помине. Вместо головы — едва заметное утолщение, увенчанное небольшим углублением, вокруг которого подергивались тонкие темно-красные усики. Не змея. Пиявка или червь.

Как же он ориентируется в пространстве вслепую? На слух? Вряд ли. Чувствует вибрации? Вот это скорее. Толя осторожно нагнулся, поднял осколок щебня. Червь свил новое кольцо и придвинулся к человеку ближе на шаг. Тогда Толя швырнул камень вперед, в темноту.

Как только брошенный Анатолием камень ударился о стену туннеля в десятке метров, жуткая тварь нырнула под землю. Через несколько секунд ее голова появилась точно в том месте, где упал камень. Анатолий в два прыжка запрыгнул в подсобку. На то, чтобы поднять с пола ржавую дверь и загородить ею проход, потребовалось всего несколько секунд. Когда Анатолий привалил к двери остатки какого-то механизма непонятного назначения, раздался гулкий звук удара. Затем еще и еще.

Анатолий отошел на середину помещения и приподнялся на цыпочки, пытаясь увидеть, что происходит в туннеле. Зрелище оказалось не из приятных. Баррикаду атаковали сразу четыре червя. Они ныряли в землю и, набрав нужную для удара скорость, били тупыми обрубками голов в сталь. Обнадеживало только то, что у тварей не хватало мозгов переползти через преграду. Сколько времени понадобится червям на осознание тщетности своих попыток пробить дверь? Когда они предпримут обходный маневр?

Анатолий посмотрел на Краба. Тот сидел в углу, обхватив руками лодыжку, уткнувшись глазами в стену подсобки. Анатолий проследил за его взглядом. Надпись! Еще одна предостерегающая надпись: «Смотри под ноги!»

Повинуясь призыву, Анатолий посмотрел в пол. Ничего, кроме мусора. Прочный бетон, который черви вряд ли смогут проломить.

Стук в дверь прекратился.

Анатолий выглянул в туннель... Земля превратилась в шевелящееся болото. Зловещее потрескивание и шуршание усиливалось с каждой минутой. Куски щебенки подпрыгивали и падали на рельсы. Черви явно не собирались уползать. Черт его дери, такое впечатление, что они совещаются. Что эти безмозглые твари обсуждают, как лучше и быстрее сожрать загнанных в ловушку людей. Изъясняются на своем языке. Спорят, выплевывая из ртов-воронок слипшуюся от слюны землю. Еще одно порождение Метро, еще одни представители новой, весьма жизнеспособной расы, карабкающейся на вершину пищевой цепочки.

Краб застонал. Анатолий подошел к нему, присел на корточки, заставил убрать руки с лодыжки и поднял мокрую от крови штанину. Верхняя часть щегольского сапога превратилась в лохмотья, зато спасла ногу от более серьезных



повреждений. По всей окружности лодыжки, через равные промежутки располагались круглые ранки. Они были неглубокими, но Толе не понравились их воспаленные края.

– Червь зацепил тебя хвостом. Нечего сидеть и пялиться в стену. Займись ногой. Моча прекрасно обеззараживает раны.

Краб поднял на Анатолия расширенные от удивления глаза, кивнул и отошел в дальний угол. Толя оглядел каморку в поисках оружия – любого! Увидел закрепленный на стене ржавый кронштейн, навалился на него всем весом. Насквозь проржавевшие болты не выдержали. Раздался хруст, и в Толиных руках оказалась вполне пристойная булава. Он примерился, махнул ей раз, другой...

– Смотри под ноги!

От ужаса Краб заверещал – страшно, по-бабски.

Толя схватил фонарик и направил луч света в пол. Цепкий взгляд вора уловил то, чего не заметил Анатолий. По бетону змейкой пробежала трещина, пересекая помещение по диагонали. Трещина росла, ширилась... Внутрь нее посыпалась бетонная крошка. Будто Земля раскалывалась пополам в этом самом месте.

Толя судорожно обшарил лучом фонаря стену. Может, найдется еще парочка кронштейнов, закрепленных повыше? Тогда он мог бы ухватиться за них и протянуть на этом свете еще несколько лишних секунд...

И тут световое пятно провалилось в черный квадрат – у самого потолка в стене был проделан узкий лаз. Шахта воздуховода? Времени на размышления не оставалось. Краб уже подпрыгивал, отчаянно и комично, пытаясь вцепиться в край шахты. При его росте шансов у него не было. Толя бросился к вору, сел на корточки и подставил напарнику загривок. Потом с дрожащим Крабом на плечах выпрямил-

ся — у них двоих как раз хватило роста, чтобы вор смог ухватиться за скобу внутри воздуховода, подтянуться и исчезнуть в проеме.

И поминай, как звали.

«Верил бы я в рай, было бы приятнее, — подумал Толя. — Убедил бы себя тогда, что спасение человека тебе скоро зачтется. А так...»

Он поднял свою булаву и уставился в пол. Ждать появления червя пришлось недолго. В метре от ног Анатолия бетон вспучился, треснул, как яичная скорлупа. Вверх взлетел фонтан земли и обломков бетона, а затем из дыры стремительно вынырнул червь. Анатолий взмахнул кронштейном, пытаясь попасть по раскачивающемуся телу, но промахнулся.

Тварь качнулась ему навстречу, повела шипастым хвостом, примеряясь...

— Том, давай руку!

Анатолий поднял голову и увидел высунувшегося из шахты вора.

Пол треснул в другом месте. Чтобы добраться до стены, пришлось перепрыгнуть через второго червя. Анатолий вцепился в руку Краба с такой силой, что едва не стащил его вниз. Последним, отчаянным рывком он забрался внутрь шахты. Перевернулся, зацепив Краба ногой, и посмотрел вниз. Теперь кишящих червей, извивающихся, словно в макабричном танце, было не меньше двух десятков.

Он опять обманул смерть. Вновь почувствовал на своем лице ее ледяное дыхание и в очередной раз ускользнул. Немногим повезло сбежать от этих жутких существ, подумал Анатолий. Вряд ли иначе о них до сих пор никому не было бы ничего достоверно известно.



И в той подсобке, через которую они проходили в начале пути... Там тоже прятались от червей люди. Прятались, да не спрятались. И ясно теперь стало, куда сгинул рыжий Митяй. Не Зверь забрал его...

Анатолий прополз вглубь шахты и лег на спину. А кто сказал, что им повезет? Возможно, шахта – вовсе не спасение, а лишь отсрочка гибели. Короткая остановка на пути в загробный мир. Черви найдут способ добраться сюда и уташат их под землю, как обычно, не оставив живых свидетелей.

Рядом послышалось тяжелое дыхание Краба.

– Эй, Том. Я прополз эту нору до конца. Выхода отсюда нет – кирпичная кладка.

Анатолий не ответил. Все было и так понятно: какое-то время следовало просто лежать и дожидаться, пока черви уберутся восвояси. Из подсобки донеслось несколько ударов. Мерзкие твари никак не могли успокоиться. Толя осторожно приблизился к входу в шахту.

Те явно не собирались уползать. Зарывались в землю и выпрыгивали на поверхность с упругостью распрямляющихся пружин. Стену под шахтой испещрили ямки. Анатолий подумал, что при таком упорстве черви смогут разворотить стену и добраться до них. Они повторят фокус с полом. Не так быстро, но повторят. Вопрос времени.

– Надо ломать кладку, Том! Они доберутся до нас, вот увидишь! Ломать кирпичи надо! Прорвемся! – дышал ему в ухо Краб.

Но Толю вдруг охватила апатия... Дремота. Вся невероятная, невыносимая усталость последних дней вдруг навалилась на него, смяла, прижала его к полу. Пусть Краб ломает кирпичи. Пусть борется. Он закрыл глаза. Выключил предохранитель. Чао!

Согнувшись в три погибели, Крабу удалось сесть. Он с отчаянием смотрел на спутника, который, наплевав на червей, мирно дремал.

Краб так и не смог до конца разгадать парня с припорошенной сединой головой, но определенно чувствовал к нему уважение. Псих, конечно. Но так ведь тоже надо уметь!

А что, парень прав, сказал вдруг себе Краб. Некуда больше бежать. Незачем больше париться. Он достал из кармана нож и принялся царапать на стене буквы.

«Здесь был Краб»

Был.



## ГЛАВА 12

### ХАРОН

Краб сидел на путях в одном сапоге. Второй он держал в руках, поворачивал и так, и этак, сокрушенно вздыхая. Изделие было основательно погрызено червями. Эта сцена оплакивания сапога выглядела настолько нелепо, что Анатолий разозлился. Следовало не охать, а радоваться! Убытки Краба были минимальными в сравнении с главным – черви убралась восвояси. Просто уползли к чертовой бабушке, и никаких усилий для этого не потребовалось! Слишком простая развязка, чтобы быть правдой. Как они выбрались из шахты воздуховода?

«Я сплю», – сказал себе Толя.

– Я сплю, – объяснил он приснившемуся Крабу. – Черви никуда не делись. Они нас ждут. Ты обувайся и будь наготове. Я проснусь сейчас и тогда...

– Минуточку. Я должен тебе кое-что показать, Том. Ты не верил в бродячий туннель, – важно произнес Краб и поднял руку, указывая на проем в стене. – А он существует!

Анатолий увидел арку. Помещение за ней освещал ряд лампочек, свисавших на толстой проволоке со сводчатого потолка. Он никогда не видел, чтобы туннели освещались так хорошо, поэтому без опаски шагнул внутрь. Арки в стенах здесь действительно были. Как и рассказывал знаток Метро Митрич, они располагались в стенах через каждые десять метров. Имелись и ржавые цепи, а вот с болтающимися на них скелетами не сложилось: не было их тут.

Анатолий с интересом рассматривал древние камни, из которых был сложен туннель. Господи, кто и когда построил этот подземный ход? Все линии кладки были настолько точно выверены, что создавалось впечатление: туннель строили не люди, а машины. Существовала здесь и своя система вентиляции. Без нее невозможно было бы добиться такой идеальной чистоты и сухости. Возможно, отверстия у самого пола и были частью этой системы. Однако Анатолию они почему-то напоминали норы. Жилища крыс? Нет, в таком месте крысы жить не станут. Они любят темноту и грязь, а тут все чересчур стерильно.

Через пару сотен метров Анатолий увидел, что туннель заканчивается. Пытаясь все-таки понять предназначение этого подземелья, он ускорил шаг. Внезапно в туннеле стало темнеть. Мрак нагонял Анатолия сзади. Он оглянулся и увидел, что лампочки гаснут одна за другой. В лицо ударил порыв ледяного ветра. Цепи в арках начали раскачиваться и противно позвякивать. Когда Анатолий ступил в круглую



комнату, потолок которой поддерживался одной массивной колонной, туннель окончательно прогрузился в темноту. Впрочем, темнота не была полной. От стен исходило зеленоватое свечение, которое позволило увидеть то, чего нельзя было рассмотреть при электрическом свете. Туннель оказался кладбищем. Неизвестные строители замуровали в его стены множество скелетов: детских и взрослых, мужских и женских, прямых и скрюченных, целых, лишенных голов и других фрагментов тела. В призрачном зеленом сиянии останки просвечивались сквозь слой камней.

В нос ударил сладковатый запах гнили. Все камни заблистали от выступившей на их поверхности мерзкой слизи. В довершение всех превращений Анатолий услышал бормотание, доносившееся из-за колонны. Разобрать слов было нельзя, но звуки явно были членораздельными, и издавал их человек. Толя осторожно обошел колонну, но никого не увидел. Теперь задумчивое бормотание доносилось с другой стороны. Оно становилось все громче и громче, но когда Анатолий опять обогнул колонну, неведомый бормотун вновь оказался вне поля зрения. Анатолий носился вокруг колонны, как безумец. В бормотании уже можно было различить обрывки слов. Станных, но в то же время очень знакомых. Анатолий остановился, чтобы перевести дух, и вдруг понял, что слышит не просто бессвязный набор слов, а заклинания. Призывы к тому, чье появление принесет с собой абсолютную тьму.

Анатолий бросился бежать к выходу. Обратный путь оказался значительно труднее. Сухая земля под ногами превратилась в скользкую, зловонную грязь. Цепи раскачивались так широко, что доставали уже до середины прохода и грозили сбить Анатолия с ног. Из отверстий у пола показались заостренные морды. Ярко-красные, похожие на

светящиеся горошины глаза внимательно следили за бегущим человеком. Вскоре крысы осмелели настолько, что начали пересекать туннель прямо у ног Анатолия. Он видел покрытые серой шерстью, колыхающиеся тела на коротких ножках, прижатые к головам уши и длинные, как веревки, голые розовые хвосты. В какой-то момент наступил на одну из них, отскочил в омерзении и едва не упал. Крысы мгновенно почувствовали слабинку и, сбившись в стаю, ринулись вслед за человеком.

Задышавшись от неистового бега, Анатолий добрался до входа в подземелье и увидел, что сводчатый проем заложен ровными рядами камней. Дальше все пошло по сценарию, предсказанному Крабом. За исключением крыс. Анатолий не только молотил кулаками о стену, пытаясь пробиться в обычный туннель, и вопил о помощи. Он был вынужден отбиваться от крыс босыми ногами. Они с визгом отлетали вглубь туннеля и возвращались назад, чтобы опять атаковать. Когда Анатолию уже казалось, что он разделит участь тех, кто попадал в смертельную ловушку бродячего туннеля, один из камней зашатался. В новый удар Анатолий вложил все силы. Камень упал на противоположную сторону, а вслед за ним обрушилась и вся кладка.

Да, черт возьми, кладка! Вцепившись в это слово, Анатолий напряг всю свою волю и вырвался из цепких объятий сна. Во сне были камни, а наяву кирпичи. В любой кладке нет-нет, да и найдется слабое место.

Анатолий попытался сесть и больно ударился головой о потолок шахты воздуховода.

Краб дожидался его пробуждения, завершая свою собственную эпитафию.

Толя схватил его за руку, вырвал нож и пополз к замурованному концу шахты воздуховода.



Черви все бились где-то внизу – тупо, монотонно, неумолимо.

– Дай мне света! – крикнул Толя Крабу.

Вонзив нож в полоску цемента, он с силой провернул лезвие. На дно воздуховода упало всего несколько крошек цемента. Анатолий повторил процедуру и добился того, что цемент посыпался тонкой струйкой. В течение десяти минут он продолжал орудовать ножом, пока лезвие, не выдержав возложенной на него миссии, с мелодичным звоном не обломилось. Нож можно было вычеркнуть из списка оружия, но Анатолий добился своего. Совсем как камень в недавнем сне, один из кирпичей зашатался.

– Ко мне, живо! – приказал Крабу Толя. – Давай на спину и колоти ногами по кладке до тех пор, пока она не поддается... Или у тебя башка не отвалится!

План сработал. По кладке зазмеились трещинки, провалился в черноту еще один кирпич, потом еще, а потом и сразу все оставшиеся сдались и с каменным скрипом ввалились внутрь.

Анатолий оттолкнул Краба, осторожно высунул голову из шахты и осмотрелся, готовый в любой момент вернуться обратно. Первое, что он увидел в свете фонарика, была стена. На первый взгляд она ничем не отличалась от других стен Метро. Такая же, как любая другая. Обычная.

Такая, да не такая.

Толя спрыгнул на бетонный пол туннеля. Огляделся внимательно... Что за ерунда?!

Уложенные на кронштейны кабеля и трубы хоть и были покрыты толстым слоем пыли, но оставались абсолютно целыми. В большом Метро-то они уже лет пятнадцать как были все разворованы. Между станциями-союзниками телеграфные кабели приходилось заново прокладывать...

В полном порядке находились и лампочки в продолговатых плафонах, забранных металлической решеткой, и ящики рубильников. Если что-то здесь и пострадало, так только по вине времени, а не от рук людей. Продолжая осмотр, Анатолий заметил еще особенность: рельсы были утоплены в пол настолько точно, что их поверхность ни на миллиметр не выступала над бетоном. Кто-то еще на Войковской рассказывал ему о таком туннеле, предназначавшемся для проезда по Метрополитену обычных автомобилей. Тогда Анатолий воспринял рассказ, как обычную байку из разряда легенд о таинственном Метро-2. Теперь видел все собственными глазами.

Краб тоже обследовал новое место, но на свой манер. Открыл дверь ближайшей подсобки, юркнул внутрь и вернулся с двумя массивными разводными ключами. Один он вручил Анатолию, и тот с удивлением увидел, что на ключе нет следов коррозии. Кажется, с самого дня Катаклизма ими никто не пользовался. На ключах оставался густой слой смазки, сохранившей металл в целостности.

Вооружившись, Анатолий почувствовал себя значительно увереннее. Теперь оставалось сориентироваться и определить направление движения. Судя по всему, туннель шел строго параллельно отрезку Белорусская–Динамо. Значит, идти следовало в том же направлении, что и раньше. Анатолий был уверен, что, обследуя на пути каждую подсобку, он рано или поздно отыщет выход в обычный туннель, а заодно сможет удалиться на приличное расстояние от проклятых червей.

Вопль Краба развеял надежды. На бетонном полу под отверстием шахты воздуховода, на обломках кирпича извивался червь. Тварь не помышляла о нападении, а просто была головой в бетон, пытаясь нырнуть под землю. Анато-



лий подбежал к червю и несколькими ударами ключа расплющил мерзкое тело. Агонизируя, червь начал бить шипатым хвостом о бетон с такой частотой, что звуки ударов слились в низкий вибрирующий гул.

Толя поднял глаза: второй червь, собиравшийся свалиться из отверстия шахты в туннель, будто услышав предупреждение об опасности, тут же исчез. Первый все еще подергивался, расплескивая вокруг себя черную жижу. Красные усики рецепторов вокруг его пасти потемнели.

Так ему, гаду! Толя придавил тварь ногой... Видят бог и Петр Алексеич Кропоткин, за последние несколько дней Анатолий не знал большей радости. Простите уж, Петр Алексеич, за первобытность, но в наше тяжелое время не до свободы, не до равенства, не до братства, не до анархокоммунизма. У нас тут другая идеология, простая, как палка-копалка, как бронзовый топор: побеждает сильнейший. Вот и вся идеология, Петр Алексеич.

Мы не деградируем. Мы просто это... Назад, к природе. К истокам.

Черви скоро были забыты – впечатлений хватало и без них.

Анатолий и Краб обследовали все встречавшиеся на пути подсобки. Находили в них множество инструментов и приспособлений, когда-то облегчавших жизнь работникам Метрополитена.

– Слышь, Том. – Краб с недоверием во взгляде оглянулся на Толю. – Это как во сне, а? Бывает же так, знаешь, приснится: типа ты нашел клад! Целый арсенал, десятки цинков с патронами... Сидишь, перебираешь в руках, а потом думаешь во сне: а вдруг это сон? Надо проверить! Наберешь патронов кучу в руки и говоришь себе: ну, я просыпа-

юсь! И просыпаешься – только во сне. Патроны, ясное дело, у тебя в руках. Радуешься, как идиот. А потом на самом деле просыпаешься – башка болит, руки пустые... Тебе снятся сны, Том?

– Снятся. – Толя сухо кивнул, вспоминая свое последнее видение.

Анатолий с удовольствием бы променял груды приборов и инструментов на пару потрепанных ботинок – его собственные совсем развалились, и пришлось их сбросить. Однако ни спецодежды, ни обуви в подсобках не было.

Это наводило на мысль о том, что кто-то из жителей Метро уже побывал в таинственном туннеле. Все наиболее ценное было унесено аккуратно и незаметно. Анатолий пытался отыскать на бетонном полу следы, но слой пыли выглядел нетронутым. Через километр путешественники сделали привал и до последней крошки съели все, что дала в дорогу Клавдия Игоревна.

И заскучали. Туннель казался слишком однообразным. После обследования очередной подсобки Анатолий привычным движением направил луч фонарика вперед, не особенно рассчитывая увидеть что-то новое. Но тут...

Через пути метнулась серая тень. Толя успел заметить согнутую спину, седые волосы и слишком длинные руки. Больше ничего разглядеть не удалось – существо скрылось в боковом коридоре. Анатолий взял разводной ключ наизготовку, короткими перебежками приблизился к темному проему коридора и замер, напряженно вслушиваясь. Ни звука. Только стук собственного сердца и биение пульса в висках.

Анатолий взмахом руки подозвал Краба, показал ему на фонарик и жестами велел отойти на противоположную сторону туннеля. Краб выполнил указание и направил луч



фонаря в боковой коридор, а Анатолий влетел туда с поднятым для удара разводным ключом.

Все предосторожности оказались излишними. У стены мирно сидел старик. Морщинистые руки сжимали посох, сделанный из обрезка ржавой трубы. Седые, легкие как пух, волосы почти закрывали лицо. Из одежды на старике была только длинная, ниже колен рубашка из серой ткани. Грудь украшало ожерелье из крысиных зубов. Он ни одним движением не отреагировал на появление Анатолия, и тот уже было решил, что грешным делом напугал старикана до того, что он скончался от разрыва сердца.

Вошедший в коридор Краб со свойственной ему бесцеремонностью моментально расставил все по местам. Поняв, что ему ничего не грозит, вор толкнул старика в плечо:

– Эй, дед, проснись!

Старик медленно поднял голову, отбросил волосы с лица и уставился на Краба. Тонкие губы раздвинулись, обнажив гнилые черенки зубов.

– Ночью на исходе века, темной ночью, верь-не-верь, крыса ростом с человека постучалась в мою дверь... – странным свистящим полусшепотом проговорил он.

Стихи?!

Толя почувствовал, как по спине побежали мурашки. Не столько от поэтических откровений старика, сколько от татуировки на его предплечье. Она изображала знакомое Анатолию существо с человеческим телом, головой крысы и длинным хвостом-стрелкой. Таинственный знак из кошмаров, непостижимым образом связанный с Тимирязевской.

На циничного Краба ни татуировка, ни стихи впечатления не произвели. Он поводил ладонью перед лицом старика, щелкнул пальцами.

– Ты чего, дед, слепой?

В ответ старик рассмеялся дребезжащим смехом:

– А ты, путник, считаешь себя зрячим? Ошибаешься. Зрячих здесь нет. В странствиях по этому миру обладатели глаз находятся в невыгодном положении. Зрение может обмануть, клянусь хвостом Бафомета. Ты увидишь впереди то, чего нет, и пропустишь за спиной, то самое главное, что в конечном счете сожрет тебя. Полагайся на слух и обоняние – самые надежные путеводители по царству крыс.

– Хватит нести чепуху о крысах, батя! – перебил советчика Краб. – Сам-то ты кто и зачем здесь расселся?

Старик встал и гордо выпятил тощую грудь:

– Я – Проводник, а имя мне – Харон.

– Все ясно, – покивал Краб. – Это сумасшедший!

В отличие от Краба, Анатолию было ясно далеко не все. Слепой старик назвался Хароном. Это имя было знакомо Анатолию. Порывшись в памяти, он вспомнил, что читал о Хароне в мифах и легендах Древней Греции. В них Харон был лодочником, перевозившим души мертвецов через реку Стикс, в царство Аида. А куда же провожает гостей слепой, беззубый, явно тронувшийся умом старикан с ожерельем из крысиных зубов?

– Нам надо на Динамо, отец, – произнес Анатолий как можно мягче. – Поможешь выбраться в нужный туннель?

– Ди... Динамо. Динамо, Динамо, – забормотал старик, потирая рукой морщинистый лоб. – Нет здесь такого места, и никогда не было, клянусь глазом крысы. Харон давно живет, Харон точно знает.

– Ну, о Белорусской ты ведь слышал?! – закричал Краб. – Не прикидывайся полным идиотом!

– Белорусская. Гм... Да, была когда-то такая станция, но очень давно. Теперь ее нет.



Анатолия поразило ощущение ирреальности происходящего. Черви, которые взялись неизвестно откуда и загнали их неизвестно куда, старик утверждающий, что Динамо никогда не существовало, а Белорусская – дело давно минувших дней. Может, шахта воздуховода была порталом, выходящим в параллельное измерение, коридором, ведущим из настоящего в будущее?

– Ну хоть куда-то отсюда можно выйти?

– Куда-то, конечно, можно, – прошамкал старик. – Вопрос в том, куда вам надо.

– Да хоть в пасть к дьяволу! – рявкнул Краб. – Лишь бы не слушать твою дурацкую болтовню.

Слепец встал и, шлепая босыми ногами по растрескавшейся бетонной дорожке, двинулся вглубь коридора. Анатолию и Крабу оставалось только следовать за ним. Не пытаясь больше добиться от полоумного старика внятных ответов, Толя водил лучом фонарика по полу, потолку и стенам нового коридора. Он разительно отличался от основного туннеля. Из углублений квадратных секций сводчатого потолка торчала ржавая проволочная решетка, на стенах напрочь отсутствовали привычные атрибуты Метро – кронштейны, кабели и трубы. Повсюду валялись прямоугольники гофрированной жести. Смятые и местами лопнувшие, они были явно сорваны со стен.

Пол туннеля устилал песок, на котором в живописном беспорядке располагались груды кирпича и щебенки. Бетонная дорожка вскоре закончилась, и босому Анатолию приходилось подпрыгивать, когда в ступни впивались острые края камней. Несколько раз попадались небрежно сваленные у стен шпалы. Связав воедино все увиденное, Анатолий понял, что находится в недостроенном туннеле. Возможно, в одном из тех, которые отмечались на старых картах Метро-

политена бледными линиями или пунктиром. Странно, что никто не знал о существовании такого туннеля в районе Белорусской и Динамо.

В отличие от Анатолия и Краба, спотыкавшихся на каждом шагу, старик чувствовал себя очень уверенно. Он ловко втыкал свой посох-трубу в песок и не чувствовал особого дискомфорта, ступая по битому кирпичу. По всей видимости, старик проделывал этот путь не один раз.

Время от времени слепец засовывал руку в небольшой мешочек на поясе, доставал оттуда что-то коричневое и сморщенное, совал в рот и принимался жевать. Анатолий решил, что сумасшедший питается вяленным мясом крыс, о которых так часто упоминал, но ошибался. Когда старик в очередной раз полез в свой мешочек, Краб спросил:

– Чего жуешь, старче? Угостил бы...

Старик рассмеялся своим дребезжащим смехом и вручил вору скрюченный коричневый отросток. Краб повертел угощение в руках, придирчиво осмотрел, сунул в рот, пожевал, сморщился, выплюнул коричневую кашицу и вытер губы рукавом:

– Что за гадость?

– Разновидность псилоцибе полуланцетовидной, которая прекрасно приспособилась к здешнему микроклимату. Раздвигает границы сознания. Благодаря ей я вижу гораздо дальше, чем вы.

– Чего?

Краб еще пытался понять, о чем говорит слепец, а Анатолию все стало ясно. Старик расширял сознание с помощью волшебных грибов. Теперь все встало на свои места. Никаких порталов и коридоров времени. Слепой наркоман жил в своем мире, и спрашивать его о таких прозаических вещах, как станции Метро, было бесполезным занятием.



Получили объяснение и стихи о крысе ростом с человека. Старик поскромничал: накушавшись своей псилоцибе, он мог увидеть крысу размером со слона.

Куда же он их вел так долго?

Толя прикинул, сколько времени было потрачено на дорогу, и сообразил, что они оказались на весьма приличном расстоянии от знакомых станций. Он схватил старика за рукав и заставил остановиться:

– Куда ты нас ведешь?

– Вы же сказали, что вам все равно, куда идти, а значит, и мне все равно, куда вас вести.

– Довольно наркофилософии и наркопоэзии! Когда мы придем?

– Скоро. Даже раньше, чем ты думаешь. Между прочим, ваши железки лучше оставить здесь.

Анатолий и Краб отчего-то послушно положили ключи на песок. Вдруг и вправду раздвигает? Шут его знает...

Через сотню метров луч фонаря уперся в кирпичную кладку. Сырые, покрытые плесенью кирпичи украшал рисунок все того же человека с головой крысы. Рисунок, впервые появившийся в кошмарах и постоянно напоминавший о себе наяву. Этой жуткой картинкой закончился загадочный туннель. Однако старик продолжал идти вперед, и вскоре Анатолий заметил прямоугольник дверного проема. Он вел в пустую подсобку. Старик пересек ее, распахнул следующую дверь, и Анатолий увидел рельсы.

Настоящие рельсы, из тех, что лежат в нормальных туннелях. Конец блужданиям по странным коридорам в обществе слепого поедателя галлюциногенных грибов.

Рельсы – это определенность. В любом случае они ведут на какую-то станцию. Анатолий поспешил за стариком, и совсем скоро впереди показался прямоугольник

света. Самого костра не было видно, но его багровые отсветы плясали на стенах. Анатолий различил силуэты нескольких человек, сидевших на мешках с песком. Один из них заметил приближение Харона со спутниками и вышел на пути.

– Это ты, слепой чертяка?

– Я! – воскликнул старик, ударяя своей трубой о рельс. – Причем не один, а с гостями, клянусь рогами Бафомета! Коготь будет доволен.

Еще не произошло ничего особенного, но Анатолий понял, что они с Крабом попали в большую беду. Часовой снял с плеча автомат и медленно приблизился. Гостей внимательно рассматривал верзила двухметрового роста, с наголо бритой головой и обнаженным торсом. Висевшее на могучей шее ожерелье было значительно длиннее, чем у Харона, и состояло явно не из крысиных зубов. За пояс, сшитый из серых шкурок, был заткнут кнут. Верзила бесцеремонно ткнул Анатолия кулаком в грудь:

– Шпион? Пришел выведать наши секреты?

– Вовсе нет. Мы заблудились и будем благодарны...

– Плевал я на твою благодарность. Ты на Тимирязевской, на территории Когтя! Хорошие манеры тут не в цене.

На Тимирязевской? От удивления Анатолий не мог произнести ни слова. Его сон оказался вещим. Стрелка, указывающая направление, в конечном счете привела его на станцию, над которой стоял его дом. Только теперь здесь хозяйничали другие люди. Весьма странные, если не сказать больше.

Краб уже успел понять, что они вляпались, резко попятился и собирался броситься наутек. Харон резким движением выставил свой посох. Споткнувшись о него, вор со всего размаха рухнул на рельсы. Старик захихикал:



– Вставай, дружок, и больше не пытайся убежать от слепого Харона. Еще одна попытка смыться, и я проткну тебя этой палкой.

Харон отступил в сторону. За дело взялся здоровяк. Он направил ствол автомата Анатолию в грудь, схватил Краба за шиворот, рывком поставил на ноги и толкнул в спину:

– Вперед!

Толя сделал шаг, другой... В ноздри стал заползать омерзительный запах, и он понял: видеть то, что происходит на станции, ему совсем не хочется.

## **Глава 13**

### **ТЕАТР САТАНЫ**

Тимирязевская была для Анатолия чем-то вроде музея его собственного детства, заповедного места. И отчего-то думал, что, когда вернется сюда, все тут будет так же, как и в тот день, когда он навсегда Тимирязевскую покинул. Думал, что здешним жителям станция до священного трепета дорога в том же первозданном виде.

Поэтому то страшное место, куда он сейчас попал, Тимирязевской быть никак не могло.

Однако надпись на путевой стене не могла обманывать. Рельефные, подчеркнутые дорожкой черной плитки буквы навсегда врезались в память. Правда, теперь обращало на себя внимание не столько название станции, сколько над-



пись, сделанная корявыми черными буквами сверху, вначале изгиба сводчатого потолка: «In nomine Dei nostri Satanas Luciferi excelsi!»

Заграничные буквы Толя читать умел — еще с детства в голове осталось; по кускам же из Гумилева, да и из других читанных им книг можно было догадаться, что текст является латинским. В глаза бросались слова «Satanas» и «Luciferi».

По Метро ходили тревожные сплетни о том, что на одной из станций обосновались сатанисты, роющие уходящую бесконечно далеко вниз шахту; и что вроде бы сатанисты эти надеялись докопаться до самой Преисподней.

Но Толе показалось, что он уже сейчас в аду.

На платформе, среди гор вывороченных из пола мраморных плит пылал десяток костров. Вокруг них сидели мужчины и женщины с одинаковыми, такими же, как у Харона, татуировками на предплечьях. Главным украшением каждого было ожерелье из крысиных зубов. Грязные лица и слипшиеся от жира волосы...

В центре платформы высилась гора земли, на которой восседали грозного вида люди, очень похожие на того, кто конвоировал Анатолия и Краба. Горемыки попали на станцию в разгар пиршества: головорезы жрали сочное мясо, отхватывая внушительные куски с проволочных вертелов. Огрызки падали под ноги, где их тут же подбедала челядь.

В торце зала были заметны остатки мозаики и три толстых трубы, вбитых в пол. К центральной трубе было прикреплено большое деревянное распятие. Резец неизвестного скульптора довольно грубо передал канонические черты Христа, однако сумел выразить печаль в его полузакрытых глазах. Деревянный Иисус с грустью смотрел на стационарный зал с этой издевательской Голгофы и, казалось, хотел

спросить: «Да что же вы, люди добрые?» Два других столба имели поперечные перекладыны и были покрыты толстым слоем копоти. У их оснований поблескивали лужи черной жижи – скорее всего, машинного масла.

Стены были испещрены пентаграммами и заклинаниями на латыни. Сомнений в том, кто обосновался на несчастной станции, кто осквернил Тимирязевскую, не оставалось. Но самое ужасное Анатолий, оказывается, просто не успел еще разглядеть сквозь смрадный дым и испарения.

В центре зала потолок подпирали огромные кованые цветы. Каждый цветок окружали вбитые в пол трубы. Расстояние между ними не превышало пяти сантиметров. Только в одном месте между трубами имелся зазор, в который мог протиснуться человек. Проход перекрывала проволочная решетка, подвешенная на приваренных к трубам петлях. Она запиралась замком странной формы.

Большинство клеток было занято. В них сидели на полу и стояли, обхватив руками прутья, изможденные, оборванные люди с потухшими взглядами. Они были настолько грязными, что Толе стало ясно: только лишь сидением в клетках дело не ограничивается. Пленников явно использовали на каких-то работах.

Когда Анатолий и Краб проходили мимо груды земли, наваленной в центре зала, они увидели, чем занимаются несчастные. Над ямой глубиной метров в десять возвышался треножник с прикрепленным на верхушке блоком. Через него была переброшена веревка с привязанной к ней ржавой бадьей.

Группа людей на дне ямы голыми руками наполняла бадью землей. Затем, вцепившись в свободный конец веревки, пленники поднимали емкость наверх. Здесь ее ожидали три раба, которые опорожняли бадью и опускали в яму. Охран-



ники, сидевшие наверху, хлестали рабов кнутами по обнаженным спинам и орали на них, требуя работать быстрее.

Один из надзирателей обглодал жареную крысу и швырнул скелет в яму. Внизу тут же вспыхнула драка. Рабы молотили друг друга кулаками, царапались и кусались до тех пор, пока останками крыс не завладел самый сильный. Забившись в угол ямы, он принялся с яростным чавканьем глотать добычу. «Щедрый» надзиратель с хохотом приблизился к краю ямы и приспустил штаны. На головы рабов полилась пенная струя.

Такого Толя не встречал ни у фашистов, ни у коммунистов. Даже на одичавшей Маяковской бродяги такого себе не позволяли. Как там говорил князь Кропоткин? Эволюция приведет к тому, что станут выживать не сильнейшие, а лучшие в нравственном отношении? Сюда бы вас, Петр Алексеевич!

Как же можно так унижать живых людей?! От ярости у Толи потемнело в глазах. Не отдавая себе толком отчет в том, что делает, он прыгнул на гогочущего идиота и что было сил толкнул его. Надзиратель с воплем полетел в яму и глухо хряпнул позвоночником где-то на дне.

Толя еле успел увернуться от автоматного приклада. Пригнулся, ударил... На него навалились еще двое охранников, и к месту схватки со всех концов зала бежали все новые. Он сопротивлялся сколько мог. Надсмотрщики, имея дело с измученными рабами, явно не привыкли к такому яростному сопротивлению.

Десятки пленников в клетках, казавшиеся Толе выпотрошенными куклами, увидев, как он дерется, вдруг ожили. Он будто дал им надежду на спасение – хотя у него самого никакой надежды не было. Рабы прижимались к железным прутьям своих клеток, многоголосо ревели, требуя крови и

справедливости. Но что мог сделать одиночка против целой станции?

Он продержался несколько минут, потом его повалили наземь, и он мог уже только прятать лицо и стараться уберечь живот и пах. Наконец, по чьему-то зычному крику, избивание прекратилось. Анатолия поставили на ноги. Лицо его раздулось, превратившись в один сплошной синяк; глаза превратились в две узкие щелки, губы распухли на поллица. Сам стоять он не мог. Ему заломили руки за спину, перетянув запястья веревкой, и на этой веревке удерживали его на ногах, как марионетку.

Крабу тоже досталось порядком — просто за компанию, потому что он-то и не думал оказывать сопротивление. Руки у него тоже были связаны, кровь из ссадин на лице собиралась на подбородке и капала на пиджак.

Прямо за «Голгофой» в торце станционного зала находилась стальная дверь. Конвоир распахнул ее и втолкнул пленников внутрь. Судя по массивным бетонным постаментам с торчавшими из них обрезками болтов и остатками направляющих для тельферов с механическим приводом, закрепленных под потолком, они находились в машинном зале. В отличие от платформы здесь было чисто и сухо. Помещение освещалось электрическими лампочками, в свете которых поблескивали свежевыкрашенные ступеньки металлических лестниц.

Конвоир повел пленников к узкой металлической лестнице, ведущей на нижний уровень машинного зала. Спускавшийся вслед за Анатолием Краб неожиданно повернулся к охраннику и обеими руками и вцепился ему в глотку. Надзиратель пресек попытку нападения, ударив вора в лоб своей железобетонной головой. Цепляясь за штаны конвоира, Краб сполз на ступеньки.



Что за ерунда? С какой стати махать кулаками теперь?! Еще больше Толя поразился тому, что вор, с большим трудом вставший на ноги, весело ему подмигнул. У хитреца явно имелся какой-то план.

Их ввели в просторную комнату. Среди рядов стеллажей, уставленных деревянными и металлическими ящиками, стоял стол и несколько табуретов. За столом сидел мужчина среднего роста с крючковатым носом, уткнувшийся в одну из лежащих на столе книг.

— Узрите величие Когтя, нашего отца и наместника Сатаны в предместиях ада! — торжественно провозгласил охранник.

Поначалу Толя даже не понял, что эти титулы касаются сидящего за столом человека.

Сосредоточенное выражение лица Когтя больше подходило бухгалтеру, чем главе дьяволопоклонников. О принадлежности к секте говорил только просторный черный плащ с капюшоном. Удивительное дело: помыкать своими последователями в Метро Сатана назначил бюрократа.

Коготь принимал посетителей. Двое хорошо одетых мужчин наперебой доказывали Когтю, что в прошлый раз доставили ему отличные автоматы. Коготь утверждал обратное и грозил, что прекратит всякие отношения с партнерами и они никогда не получат от него ни литра топлива. Это был разговор деловых людей, и речь в нем шла не о ритуалах с черными свечами и целовании изваяния врага рода человеческого в задницу. Гости Когтя предлагали ему пищу, патроны и оружие в обмен на дизельное топливо.

Анатолий присмотрелся к послам. Он не один раз встречал в Метро такую одежду и такие глаза. Глаза деловых, знающих цену всему на свете торговцев Содружества Станций Кольцевой Линии. Бизнес есть бизнес, любили

говорить на Кольце. Если выгода очевидна, торговать можно хоть с чертом.

Итак, наместник Люцифера приторговывает дизельным топливом. Вряд ли он его производит, скорее нашел запасы в запечатанных туннелях и открыл лавочку. Соляра – дорогой товар, на вес свинца. Нефть прекратили добывать одновременно с концом света, нефтеперегонные заводы погибли, и вот уж больше двадцати лет люди жили на остатках былых запасов, кое-как освежая выдыхающееся топливо.

Закончились переговоры взаимными заверениями в дружбе и выражением надежд на плодотворное сотрудничество. Коготь пожал ганзейцам руки и пообещал, что загрузит мотодрезину бочками к середине завтрашнего дня. Купцы прошли мимо Анатолия и Краба, не удостоив их даже взглядом.

Охранник, согнувшись, доложил Когтю о пленниках и их скверном поведении. Коготь жестом отпустил здоровяка и откинулся на спинку стула.

– Доброй ночи, – невыразительно произнес он. – Вы откуда?

– С Маяковской, – на всякий случай соврал Анатолий.

– Очень милая станция, – вяло откликнулся Коготь. – Совершенная анархия, крайне удобно набирать новых сотрудников.

– То есть, воровать людей и превращать их в рабов? – с вызовом спросил он.

– Какая-то у вас варварская терминология. – Коготь побарабанил пальцами по столу. – Да и ведете вы себя довольно неотесанно. Заявляйтесь в чужой монастырь, – он ухмыльнулся, – со своим уставом. Деретесь со службой безопасности, подаете плохой пример сотрудникам...



– Как вы можете так говорить?! – вскипел Анатолий. – Да посмотрите, как вы мучите этих несчастных! Ради чего?!

– Что значит – ради чего? Люди копают врата в Преисподнюю.

– О господи боже! Но зачем?!

– Давайте сейчас не будем произносить здесь политически некорректные причитания, – строго попросил Коготь. – Что касается раскопок, ответ простой. Этот процесс наполняет смыслом их существование и создает видимость какого-то прогресса. Знаете, как строительство коммунизма.

– Но вы же сами не верите в то, что сможете докопаться до ада! – понял Анатолий.

– Разумеется, верю, – холодно возразил Коготь. – Более того, я уверен, что все Метро и есть Адовы Врата.

– Это все мало похоже на Преисподнюю. – Толя обвел своим распухшим подбородком уютную канцелярию сатаниста.

– Мне не нужна вся эта подростковая бутафория, чтобы верить в Темного Повелителя, – пожал плечами Коготь. – Дьявол в наших сердцах и может общаться с нами напрямую. А что касается жизненных условий в Преисподней, думаю, для меня они будут мало отличаться от нынешних. Знаете, у топ-менеджеров всегда особый контракт. Сатана всемогущ и вполне сможет выделить мне просторный кабинет с кондиционером и панорамным видом.

Толя не нашелся, как ответить этому удивительному человеку. Коготь вздохнул, поднялся со своего места, стянул с полки увесистую амбарную книгу и раскрыл ее на столе.

– У меня для вас, в общем, две опции, – перелистывая страницы, задумчиво промолвил сатанист. – Одна – это общественно-полезные работы в котловане. Другая – жертвоприношение. Работы вам не подходят, потому что, как вы

сами говорите, вы не видите в них особого смысла. Тогда удачным выходом из ситуации могло бы стать жертвоприношение. С одной стороны, у него отличный педагогический эффект – другим сотрудникам будет неповадно так относиться к корпоративной этике. С другой, опять же зрелище для граждан.

– Вы нас не запугаете! – неуверенно сказал Анатолий, оглядываясь на Краба.

– Я и не собираюсь. Для этого есть специально обученные люди, – улыбнулся Коготь. – Давайте-ка проверим, когда у нас было последнее заклятие жертв во славу Бафомета...

Послунявив палец, он перевернул еще несколько страниц в своем бортовом журнале, пока наконец не нашел нужный раздел.

– Так-так... В нынешней лунной фазе рекомендуется.... А у нас тут что по ведомости получается... Ага. Да, превосходно.

– Что превосходно?! – не выдержал Анатолий.

– Будем вас приносить в жертву, – довольно кивнул сам себе Коготь. – Охрана!

Краб, сосредоточенно промолчавший весь разговор, вдруг сморкнулся и метко харкнул с двух метров точно в лицо Когтю. Тот, как ни в чем не бывало, утерся, подошел к Крабу, улыбаясь, и вдруг одним коротким движением отрезал ему ухо выскочившим из рукава хирургическим скальпелем.

– На память о нашем знакомстве, – прибирая ухо в карман, вежливо улыбнулся он.

Краб завопил что было мочи, подпрыгнул на месте и рванулся к Когтю, но тут уже подоспела охрана. Пленников вывели в станционный зал и остановили в десяти мет-



рах от распятия. Вокруг моментально собралась толпа. Коготь, успевший набросить капюшон, приветствовал сектантов церемонными поклонами и кивками головы. Анатолию развязали руки.

Лица сатанистов с блуждающими улыбками, их мутные от галлюциногенов глаза вызывали у Анатолия омерзение. Похожие на чертей из преисподней оборванцы с радостными криками подливали в ямы у подножия крестов свежую порцию машинного масла. Скорее всего, его плевок заставил Когтя не размениваться на испытания, а просто порадовать дьяволопоклонников зрелищем сожжения двух еретиков. Однако, вопреки ожиданиям, сжигать их пока не собирались. Анатолию вручили заостренный обреза арматуры. Коготь указал на распятие.

– У тебя есть последний шанс. Отрекись от Христа, трижды пронзив его плоть копьем. Только так вы можете заслужить прощение истинного бога – нашего повелителя, всемогущего Сатаны!

Анатолий осмотрелся, пытаясь понять, как использовать копьё. Лучшим из вариантов было бы метнуть его Когтю в грудь. Однако стволы автоматов, направленные на пленников со всех сторон, не оставляли Анатолию ни малейшего шанса. Он понимал, что не успеет направить копьё на Когтя, как тут же будет изрешечен очередями. Неожиданно в круг выбежал Харон и забормотал какое-то заклинание. Толпа сатанистов поддержала его дружным ревом. Пританцовывая, Харон приблизился к распятию и плюнул в него. Анатолий тоже решил завершить свой номер и швырнул копьё на землю:

– Не собираюсь тратить время на эту клоунadu!

На наглеца тут же уставились десятки пылающих яростью глаз. Раздались гневные выкрики. Анатолий было ре-

шил, что через мгновение его разорвут на куски, однако Коготь поднял руку, призывая сатанистов к спокойствию.

— Завтра утром состоится праздник жертвоприношения. — Коготь указал на Анатолия. — Напоить этого буяна самым крепким из наших отваров. Перед тем, как очистительный огонь запылает, презренный еретик должен будет произнести речь и раскаяться в своих мерзких помыслах.

— Слава Сатане! — разразилась криками толпа. — Слава справедливому Когтю, да живет он вечно!

Разочарованно поглядывая на пленников, сатанисты разошлись к своим кострам. Рядом с Анатолием и Крабом остались только трое охранников. Через минуту к ним присоединился Харон, державший в руке закопченный чайник.

Вот и отвар, понял Анатолий. Нет, жрать эту дрянь он не будет! Рванувшись вперед, Толя попытался выбить чайник из рук безумного старика.

Нападения ожидали. Один из охранников взмахнул кнутом, точно захлестнув лодыжку пленника. Последовал резкий рывок, и Анатолий упал на спину. Его руки были тут же прижаты к земле, а в рот ткнулся носик чайника. Харон двумя пальцами зажал пленнику нос.

Чтобы не задохнуться, Анатолий был вынужден глотнуть мерзкого пойла. Под бормотание о расширении границ сознания слепец продолжал вливать в рот пленнику новые порции отвара. Когда Анатолия наконец отпустили и он попытался подняться, земля под ногами покачнулась, а лица окружающих людей вытянулись, превратившись в уродливые хари.

Что-то говорил Харон, но его привычная скороговорка замедлилась до такой степени, что каждое слово звучало не меньше минуты, и понять, где его начало, а где окончание стало невозможно. Земляная гора с восседавшими на ней



надзирателями уплыла в глубину станционного зала, который превратился в бесконечный туннель. Анатолия подхватили под руки и поволокли к ближайшей из клеток. Последним звуком, имевшим хоть какое-то отношение к реальности, был лязг решетки.

Мир погрузился в серый туман, из которого выплыло лицо. Бледная, мелово-белая кожа, почти прозрачные веки без ресниц, непомерно большой, пересеченный глубокими морщинами лоб и пронзительные, будто светящиеся изнутри зеленые глаза.

Узкие фиолетовые губы зашевелились. Существо что-то говорило Анатолию, но он не мог различить ни единого слова. Послышался низкий вибрирующий звук. Оживший червь продолжал колотить хвостом о бетон. Шум нарастал до тех пор, пока не вытеснил все остальные звуки. Анатолий вдруг понял, что слышит не удары хвоста, а свист воздуха, рассекаемого летящим предметом.

Над опустевшей платформой Тимирязевской кружила огромная черная птица. Присмотревшись, Анатолий сообразил: то, что он принимал за крылья, было широкими рукавами черного плаща. Свои владения облетал Коготь. Покружив под потолком станции, он опустился возле ямы, из глубин которой вырывались сполохи темно-багрового света. Заветная мечта сатанистов осуществилась – они пробились к пеклу и теперь выстроились на краю ямы в длинную очередь. Коготь со счастливой улыбкой заботливого отца, который наблюдает за своим сделавшим первый шаг ребенком, смотрел, как его сектанты, взмахивая руками, прыгают в котлован. Вскоре в станционном зале остались только Анатолий и Коготь. Предводитель сатанистов учтивым жестом пригласил Анатолия тоже пройти в ад. Как ни старался Толя оставаться на месте, невидимая сила толкала

его к яме. Когда он оказался рядом с Когтем, тот отбросил капюшон и повернулся спиной. У Когтя оказалось два лица, и вторым было лицо Корбута. Профессор знакомым жестом отбросил со лба прядь седых волос.

– Не пытайтесь скрыться от меня, юноша. Я найду вас в самом дальнем уголке Метро. Вы недооцениваете старика-профессора. У меня много тел и обличий. Все это время вас вел и направлял я и только я. Крест, Коготь и Червь – всего три из великого множества моих ипостасей. Я есмь альфа и омега Метро. Его начало и конец. Раб, червь и Бог! Прыгайте в котлован, юноша, ибо адское пламя – самый надежный вариант генетического модификатора.

Позади, в глубине станционного зала, слышались шаги. Прежде чем Анатолий успел обернуться, в лицо Корбуту ударила яркая вспышка света. Двудликий монстр завопил от боли, закрыл глаза руками и шагнул в яму. Груда земли пришла в движение и стала осыпаться вниз. Вскоре от входа в ад не осталось и следа. Вместе с ямой пропали пепелища костров, клетки и пентаграммы. Тимирязевская стала такой, какой Анатолий помнил ее с детства. По выложенным черным гранитом и светлым мрамором плитам пола к Анатолию приближался Путевой Обходчик.

– Почему ты видишь все только в черных тонах? – загремел под сводами станции уверенный голос. – То, что в темных туннелях нет ярких красок, еще не означает, что их не существует вообще. Учись смотреть на ситуацию под разными углами, с разных точек зрения.

– О чем вы?!

– Двудликий Янус, помимо всего прочего, во все времена считался богом входов и выходов. Если тебе удалось отыскать вход на Тимирязевскую, значит, отыщешь и выход.



Обходчик выключил свой фонарик. Станционный зал погрузился во тьму, а из нее вновь выплыло бледное лицо без ресниц и бровей.

– Он возвращается, – произнесло существо. – Мне удалось нейтрализовать зелье и сейчас он полностью придет в себя.

Анатолий увидел бледную руку, пальцы которой были соединены прозрачными перепонками. Понял, что сейчас она коснется его лба, дернул головой, пытаясь избежать прикосновения, и ударился о трубу клетки.

– Смотри-ка, и правда, очухался! – радостно воскликнул Краб. – С возвращением, Том!

Анатолий выпрямился и коснулся пальцами шишки на голове. Он сидел на полу клетки в обществе Краба и мужчины крайне странного вида. Сосед был похож на великана, которого загнали в слишком маленькую для него клетку. Он производил впечатление существа, наделенного огромной силой. У него была непропорционально большая голова с покатым лбом и далеко выступающими вперед гипертрофированными надбровными дугами. Из-под них поскверкивали маленькие, черные глазки в обрамлении набухших век. Ресниц не было вообще, как и растительности на бледном лице и темени, а губы были фиолетового цвета.

– Его зовут Мобат. С Филевской линии, – пояснил Краб.

Филевская линия, почти целиком лежащая у самой поверхности или вообще на земле, по слухам, была населена мутантами. Толща земли защищала от радиации жителей центральных станций, но на Филевской был слишком высокий фон. В первом поколении большинство выживших перемерло от лучевой болезни и рака, а детишки у них родились странные. И Мобат, судя по слухам, был еще не самым удивительным уродом.

Новый знакомец отличался двухметровым ростом, плечами неимоверной ширины и лопатообразными ладонями с перепонками между пальцами. Они-то и поразили Анатолия больше всего.

Краб поправил грязную повязку, прикрывавшую безухую голову. Несмотря на потерю уха, присутствия духа он ничуть не терял.

– А правда, что вы у себя на Филевской людей жрете только так? – поинтересовался вор, продолжая прерванную светскую беседу.

– Едим, конечно, но не всяких, – снисходительно улыбнулся Мобат. – Тебя, к примеру, никто жрать не станет.

– Это еще почему?

– От одного вида тошнит!

– Тогда я к вам в отпуск приеду! – хихикнул Краб. И тут же затараторил: – Мобат – настоящий экстрасенс. Это он тебя откачал. Любого может загипнотизировать, поэтому здешние громилы в одиночку к его клетке не подходят и на работу не выпускают.

– Это правда, – кивнул мутант. – Если бы мог выбрать-ся из этой чертовой клетки, они бы тут живо заплясали под мою дудку. Но замок...

– Самый обычный замок, винтовой, – сообщил Краб. – Прост, как кремневое ружье, и поэтому его можно открыть только родным ключом. Эх, что бы вы без Краба делали!

Вор сунул руку в карман и вытащил оттуда ключ. Анатолий вспомнил, как Краб ни с того ни с сего бросился на конвоира и, цепляясь за его одежду, сполз на пол.

– Красиво, – оценил Толя.

– Мастерство не пропьешь, – скромно улыбнулся Краб.



## **Глава 14**

### **ЖАБДАР**

Однако сам по себе ключ еще ничего не решал. Они могли отпереть клетку, но пройти по платформе через толпу вооруженных, жаждущих крови отморожков казалось делом невыполнимым.

Мобат придерживался иного мнения. Он пробыл на Тимирязевской достаточно долго, поэтому был хорошо знаком со здешними порядками. Без лишних слов он обрисовал ситуацию.

Когтю не удалось наладить дисциплину. Подавляющее большинство сектантов не подчинялось никаким приказам и выполняло все поручения из-под палки. Самым действенным способом влияния на склочных и драчливых по-

клонников Люцифера были галлюциногенные грибы, которые выращивал в укромных, никому не известных местах лично Харон. Грибы сушили, чтобы есть просто так или готовить отвары. Под грибами выступления Когтя проходили на ура, однако палка имела два конца: вечером сатанисты самостоятельно готовили галлюциногенный напиток в большом котле и напивались так, что не могли шевелить языками.

И точно! Сатанисты сейчас лежали вповалку у потухших костров и храпели так, что потолок осыпался. Бодрствовал только часовой. Анатолий видел, как тот сидит на мешке с песком и, опершись на свой автомат, клюет носом. Краб просто сгорал от желания открыть замок, но Мобат не торопился покидать клетку.

— Мне надо несколько минут на то, чтобы подготовиться. Истратил слишком много сил, когда очищал твой мозг от дурмана. Если не восстановиться прямо сейчас, буду ни на что не годен. В последнее время от этой работы сильно болит моя голова.

Мобат сел, опершись спиной на прутья клетки, широко расставил могучие ноги и приложил ладони к своему громадному лбу. В полной тишине прошло десять, пятнадцать, двадцать минут... Наконец мутант встал и кивнул Крабу. Тот ловко просунул руки между прутьями решетки, повозился с замком и осторожно отодвинул в сторону проводную сетку двери. Анатолий и Краб протиснулись в образовавшийся проем без особых хлопот, а вот Мобату пришлось помучиться. Только теперь Анатолий увидел, насколько огромен мутант. Он выглядел достаточно грозно и без сверхспособностей, о которых говорил Краб.

Троица двинулась через станционный зал, стараясь не наступить на спящих тут и там дьяволопоклонников. При



этом Краб, как обычно, не терял времени даром. Когда они добрались до края платформы, в руках у вора были фонарик, веревка и чей-то рюкзак.

– Умоляю тебя, только не надо выкрадывать обратно свое ухо, – зашептал ему Толя.

– Зачем? Чтобы похоронить его в коробочке? – прыснул вор. – Нет, брат, я адрес запомнил, в следующий раз вернусь сюда за ухом этого бюрократа!

Теперь предстояло миновать блокпост. Часовой клевал носом, но пройти мимо, не разбудив его, у них не получилось бы.

Мобат поднял руку, призывая спутников оставаться на месте, спрыгнул на пути и быстро подошел к часовому. Тот услышал шаги, вскинул голову и поднял автомат, направив ствол в грудь мутанту. Мобат, не обращая внимания на оружие, что-то тихо сказал часовому, а затем поводит своей перепончатой ладонью в нескольких сантиметрах от его лица.

Охранник тут же вытянулся по стойке смирно, вскинул автомат на плечо и уставился в стену. Когда Анатолий проходил мимо, не удержался и взглянул часовому в лицо. Тот, погруженный в транс, пялился в стену, словно кроме нее не существовало ничего на свете. Мобат знал свое дело. Но чудеса не давались ему даром. Мутант сжимал виски ладонями и морщился от боли. По всей видимости, гипноз истощал его и причинял ему страдания.

Но, как бы он себя ни чувствовал, нельзя останавливаться ни на секунду, пока они не уберутся от станции на безопасное расстояние.

Но тут через пути метнулась серая тень, звякнула, ударившись о рельсу, металлическая труба-посох. В отличие от своих собратьев, Харон не спал. Прижавшись к стене, он втягивал ноздрями воздух, пытаясь определить, кто шляет-

ся по туннелю ночью. Мобат оказался к слепцу ближе всех и сразу попытался применить гипноз, но ни пассы, ни слова на Харона не действовали.

– Ага! Я чую вас, – пропел старик. – Собираетесь улизнуть? Не получится. Харон не дремлет.

Слепец раскрыл рот, чтобы криком поднять тревогу, но тут в дело вступил диверсант. Толя метнулся к старику, с лету врезал ему в солнечное сплетение, перебивая дыхание, и зажал рот рукой. Харон оказался не таким слабым, каким выглядел на первый взгляд. Извиваясь всем телом, он пытался освободить рот и нанес Анатолию весьма чувствительный удар по ноге своей палкой. Повалить Харона на землю удалось только общими усилиями. В рот старику затолкнули его собственный мешочек с грибами, стянули руки и ноги лоскутами одежды и бережно уложили вдоль стены.

Новый сюрприз ждал беглецов уже через пятьдесят метров. Свет фонарика выхватил из темноты стоящую на путях мотодрезину. На ней, укрывшись одеялом, спал человек. На этот раз Мобат действовал один. Он на цыпочках подкрался к спящему, положил ему руку на лоб и что-то прошептал. Человек отбросил одеяло, сел, удивленно посмотрел на мутанта, а затем отдал ему свой автомат.

Анатолий узнал одного из ганзейских купцов, успешно проводших с Когтем переговоры о поставках оружия. Чистюля брезговал ночевать на станции, где пахло как в выгребной яме.

Граждане Содружества Станций Кольцевой Линии пользовались в Метро большим влиянием, и Толя рассудил, что торгаш очень им пригодится – и как живой щит, и как пропуск, и как гарантия неприкосновенности. В конце концов, купец и сам вполне мог стать товаром, который можно было выгодно продать. Вопросов морали тут не было: человек,



решивший продать свою душу, должен быть готов и к тому, чтобы выкупать свое тело.

Правда, после знакомства с Мобатом торговец больше походил на живого мертвеца, чем на человека. Однако Анатолий рассчитывал, что действие гипноза скоро закончится и ганзеец будет достаточно внушаем, чтобы осознать сложность своего положения и стать покладистым.

Крабу очень хотелось позаимствовать мотодрезину, однако Мобат охладил его пыл.

— Там, куда мы сейчас пойдем, нет рельсов.

Непререкаемый тон мутанта говорил о том, что он знает путь.

— Так не достанься ж ты никому, — сказал вор дрезине.

Он полез в двигатель и назло врагам выкрутил оттуда какую-то деталь.

Мобат, на самом деле, оказался хорошим проводником. Когда путешественники добрались до места, где повстречали Харона, и свернули в бетонированный туннель, мутант распахнул дверь одной из подсобок. Краб и Анатолий уже побывали внутри, обследовали помещение и не нашли там ничего необычного.

Мобат схватился руками за пустой железный шкаф, закрывавший противоположную стену, с легкостью оторвал его от пола и отодвинул в сторону. За шкафом в стене обнаружился тесноватый лаз, войти в который Мобат мог только согнувшись в три погибели.

— Этот ход ведет к нам, на Молодежную, — оглянулся на своих спутников мутант. — Мы рыли его почти пятнадцать лет...

Краб, услышав о Молодежной, впал в уныние.

— Погоди-ка, фиолетовый! Нам на Замоскворецкую линию надо. При чем здесь Филевская?

– Я не знаю, как выбраться на Замоскворецкую, но отве-  
ду вас к Жабдару, который обязательно укажет путь.

Вор с самым упрямым видом скрестил было руки на гру-  
ди, собираясь спорить, но из глубин туннеля, по которому  
они сюда пришли, послышались крики. Кажется, погоня!  
Махнув рукой, Краб нырнул в проход. Анатолий последо-  
вал за ним. Очумелый ганзеец послушно двинулся за ними,  
влетев лбом в низкую притолоку. Последним в лаз втис-  
нулся Мобат, придвинув на место шкаф. Краб включил  
уворованный фонарик.

– Черт подери! – восхитился он, оглядывая бесконеч-  
ную кишку прохода. – И зачем вам потребовалось выкапы-  
вать его? В Метро не ездило?

Мобат, опустившись на колени, полз вперед на четве-  
реньках. Рассказывать ему было не слишком удобно, и он  
частенько прерывался, чтобы отдышаться.

– Думали, что сможем сбежать из этого проклятого места.  
Среди нас, знаете, были раньше метростроевцы... Они все  
рассказывали о запечатанных туннелях. И мы решили отыс-  
кать их. Хотели уйти как можно дальше от Метро. От людей.  
От сталкеров, которые отстреливают нас как экзотическую  
добычу. От ганзейских торгашей, которые торгуют нашими  
детьми, чтобы выставять их в передвижных цирках уродов.  
Думали, в этом новом месте будут жить только те, кого ради-  
ация сделала изгоем. Хотели прекратить всякие контакты с  
обычными людьми.

– Слушай, брат, – встрял Краб. – Мы только за! Если вы  
нас, людей, там на завтрак и ужин хомячите...

– Господи, какая ересь! – вздохнул Мобат. – Я сам чело-  
век! Обычный человек! Разве есть моя вина в том, что ме-  
ня упрятали в это тело?! Да, на Филевской мы пьем гряз-  
ную воду, дышим отравленным воздухом, болеем, гибнем,



рождаемся уродами... Мы хотели уйти на станции глубокого залегания. Но нас туда не пускали! Кому нужны такие соседи... С лишними пальцами, с зубом, двухголовые...

– Ух ты! – не выдержал Краб.

– Делиться с монстрами водой, пищей, жизненным пространством? Нет, нормальные люди к этому не готовы. Нормальные люди готовы перерезать нам глотки и продавать наши головы в сувенирных лавках.

– Я думал, мутанты приспособлены к жизни на поверхности, – осторожно сказал Анатолий.

– Радиация смертельна для большинства из нас точно так же, как и для вас, – покачал тяжелой головой Мобат. – Многих гноит и убивает рак. У меня опухоль в мозгу. Ей я обязан своими необычными способностями, но она же меня и прикончит. И уже допивает мои силы...

– Может, в следующих поколениях вы сможете...

– Наши потомки, возможно, выживут. Большинство из них уже не похоже на людей. Жаль, дети у нас почти не рождаются. Хочу верить, что те, кто родится и выживет, когда-нибудь все же станут хоть немного счастливыми. Иначе выйдет, что мои братья зря погибали во время жестоких погромов, даром развлекали своим уродством жителей богатых станций и совершенно напрасно годами рыли этот туннель. А может, мутанты и правда собраны вместе и наказаны Богом за какие-то прегрешения? Иначе с чего бы подземному ходу вывести нас не куда-нибудь, а к этим...

– Знаешь... – Анатолий помолчал, колеблясь. – Я оказался тут из-за человека... Ученого, который надеется управлять мутациями. Говорит, что хочет создать новую расу. Что сделает людей нечувствительными к радиации, поможет им вернуть власть над миром. Вот только беда... Выгля-

дит этот ученый как человек, а ведет себя как нелюдь. И создания его своему творцу под стать. Они, может, и сумеют жить наверху... Только больше никто другой там жить уже никогда не будет.

– Я слышу тебя, – произнес Мобат. – И вижу. Ты ждешь от меня совета?

Толя обернулся к нему и кивнул.

— Чтобы создать прекрасную новую жизнь, нужно быть светлым и безгрешным, как Бог. Человек же темен и грешен. Он думает о власти и о выгоде. Поэтому он умеет порождать только монстров. Уж мне, монстру, ты можешь поверить, — грустно усмехнулся великан.

– Я должен его убить, – сказал Анатолий и Мобату, и себе.

— Делай, что должен, — произнес тот.

Самодельный ход хоть и не впечатлял своими размерами, зато был прорыт по всем правилам землеустроительно-го искусства. Через каждые пять метров земляной потолок подпирали металлические трубы с фланцами на обоих концах. В наиболее опасных местах стены укреплялись проволо-чной сеткой. Единственным неудобством была низкая высота туннеля, пришлось идти согнувшись, и Анатолий хотел сделать привал, чтобы дать отдых затекшей шее.

Однако в этот момент в горло ему уперлось холодное железо, а чьи-то пальцы впились в его волосы.

— Как вы меня сюда притащили?! — вопил вышедший из гипнотического транса купец. — Ведите назад, или я пере-режу ему глотку!

Краб подобрал оброненный Толей автомат и попытался наставить его на очнувшегося ганзейца.

– Ну-ка опустил нож, падла! – заорал он что было сил. – Стрелять буду!



– Не вздумай! – закричал Толя, увидев в глазах вора безумную искру и испугавшись ее.

– Отойди, бомжара, а то кровью забрызгает! – орал торговец, слишком сильно вжимая нож в Толину шею.

– Ты кого бомжарой назвал, фраер?! – крикнул Краб, щелкая предохранителем.

Если бы не Мобат, через несколько секунд случилась бы кровавая баня.

Мутант оставался спокойным. Он просто сказал ганзейскому купцу:

– Зачем ты взял в руку раскаленный прут? Брось, а то обожжешься...

Ганзеец отпустил Толю, отшвырнул нож и замахал рукой так, будто на самом деле получил ожог.

– Сейчас ты успокоишься и пойдешь с нами, – продолжал Мобат, пристально глядя в глаза купцу. – Ты не станешь больше кричать и драться.

Купец кивнул в ответ. Его руки повисли, как плети, а голова поникла. Новая гипнотическая атака лишила мутанта последних сил. Опираясь рукой на стену, он с трудом сел, прижал руки к вискам и застонал. Анатолий хотел помочь Мобату подняться, но тот отстранился.

– Дальше пойдете одни.

– Мы тебя не бросим. Если надо будет, на плечах дотащим! – мотнул головой Толя.

– Пришлете помощь, – отмахнулся мутант. – На Молодежной попросишь, чтобы тебя провели к Жабдару. Только к нему самому. Все, уходите. Мне тяжело говорить.

Мобат уронил голову на колени и больше не произнес ни слова. Остаток пути пришлось проделать втроем. Ганзеец больше не приходил в себя, шагал неумоимо и механически, как игрушечный солдатик с пружинным ключом в

спине. Через некоторое время Анатолий перестал опасливо оглядываться на пленника, свыкнувшись с ним как с прибившейся к отряду дворнягой.

На Молодежной они оказались неожиданно для самих себя. Лаз, казавшийся бесконечным, тянувшийся километр за километром, вдруг сделал последний поворот и закончился прямым выходом на пути. Тут же стояли груженные грунтом вагонетки, на которых строители увозили из лаза породу.

Чужаков тут же обнаружили.

Два молодых человека с бледными лицами, одетые в длинные плащи цвета хаки, спрыгнули с платформы на пути.

– Отдайте оружие, – спокойно, с достоинством попросил один. – На Молодежной с автоматами разрешается ходить только часовым.

Анатолий без препирательств сдал автомат. Он внимательно смотрел на часовых, пытаясь отыскать у них признаки мутаций, но не увидел ровным счетом ничего. Может быть, они скрыты под плащами?

На платформе Молодежной царил образцовый порядок. Выложенный серым и розовым гранитом пол был чистым, а места для костров огорожены кирпичными бордюрами. Между двумя рядами колонн располагались палатки – заплатаанные, износившиеся.

На многих из здешних жителей трудно было смотреть без содрогания. Те, что внешне казались настоящими, «неизмененными» людьми, выглядели чрезвычайно болезненно; у многих на шее висел огромный зоб – распухшая щитовидная железа, верный признак лучевой болезни. Двухголовых на платформе видно не было, но и без них станция напоминала настоящий паноптикум. Пару раз Анатолию еле удавалось подавить желание перекреститься.



Гостей провели в большую палатку, где изуродованный радиацией мужчина средних лет подробно расспросил их о побеге с Тимирязевской. Услышав об оставшемся в туннеле Мобате, он немедленно приказал снарядить спасательный отряд.

– Хотите видеть самого Жабдара?

Мужчина вывел Анатолия из палатки и проводил к стальной двери, расположенной в конце зала. Анатолий ожидал, что подчиненный отправится к начальнику с докладом, но тот просто кивнул и отступил в сторону.

Прежде чем толкнуть дверь, Толя вдохнул поглубже. На платформе ему пришлось насмотреться такого... Каким же чудовищем должен быть предводитель мутантов?

В помещении царил полумрак. Зеленоватый свет, исходящий от флюоресцирующей плесени на стенах, почти не рассеивал темноту, поэтому того, кто сидел в дальнем углу комнаты, различить было невозможно.

– Я не переношу света, – произнесло существо хрипловатым магнетическим голосом. – Много лет назад моя кожа стала прозрачной... Я закрываю веки, но темнота не приходит. Чтобы заснуть, мне приходилось завязывать глаза. Ноги отсохли... И вот уже полжизни я ползаю. Как червь...

Толя вздрогнул. Жабдар испустил тихое свистящее сипение. Смех?

– ...или как змея. Раньше, когда в этом мире были еще стороны света, на Севере жили люди, которые верили в Жабдара. Великого змея, который охраняет вход в запретное царство духов. Я взял себе его имя. Когда живешь столько лет в полной тьме, начинаешь видеть в ней вещи, недоступные обычным людям.

– Духов? – тихо спросил Анатолий.

– Зачем тебе знать... – засвистел снова Жабдар. – Когда столько времени живешь в темноте, начинаешь видеть себя

изнутри. Я вижу свое сердце и могу остановить его в любую секунду. Я бы избавил от мучений себя, но обреч бы на муки свой народ... – Он замолчал.

– Меня зовут... – не выдержав тишины, начал Анатолий.

– Странник Том. Я слышал о тебе, – кашлянул из темноты Жабдар.

– От кого? – нахмурился Анатолий.

– От Метро, – засвистел человек-змея. – Я знаю, что ты хороший человек. Знаю, что веришь в простые истины, что хочешь спасти мир. Мир жесток. Но ты хочешь спасти всех, чтобы уцелели те немногие, кто тебе дорог. Ты – хороший человек. Думаешь, старик-философ, книги которого ты так любишь, предвидел прекрасный новый мир, справедливое чудесное общество... Не предвидел. Придумал. Он сам был хороший человек. А его использовали головорезы. Ты думаешь, когда-нибудь его учение сможет изменить людей. Но тут одна беда: не все желают верить в то же, во что веришь ты. Бывает, приходится заставлять. Бывает, приходится убивать. Случается, вырезать вместе с семьями. За идею. Идеалисты беспощаднее бандитов. Будь осторожен на этом пути. – Жабдар снова умолк.

– Мне нужно в большое Метро, – произнес Анатолий. – Надо найти человека, который сделал чудовищ из моих товарищей, который пытался убить меня... Который хочет переделать людей. Надо найти Корбута.

– Корбута?.. Я слышал о нем. Ты хочешь смерти этому человеку?

– Я должен убить его. Должен отомстить за своих. Должен помешать ему выковывать монстров! Прикончить его, взорвать лабораторию. Сделать то, ради чего я отправился в этот поход.



– Я вижу настоящее, но мне недоступно будущее. Тебе окажут всю необходимую помощь. Но не думай, что, умертвив этого человека, ты изменишь мир к лучшему. У гидры много голов. Вырастут новые.

Жабдар утих, словно давая Толе возможность возразить. Но тот ничего не хотел говорить, он только сопел упрямо и сжимал кулаки. Тогда человек-змея продолжил:

– Неподалеку от этой станции есть один забавный туннель – автомобильный, без рельсов. Его строили как один из отходных путей для советских вождей. Туннель небезопасный, и радиация там высокая, но все же в нем не так опасно, как на поверхности. Выводит он к Кольцу. Я слышал, с вами идет человек из Ганзы?

Толя кивнул, спрашивая себя, говорил ли он об этом кому-либо на Молодежной. Кажется, не говорил. Что же выходит, духи нашептали?

– Пришли ко мне этого человека сейчас. Я попрошу его помочь вам. Какое-то время он будет считать вас своими друзьями, но помни – мои возможности не беспредельны, поэтому расстаться с ним следует при первой возможности. И последнее, Странник Том. В туннеле, который выведет вас на Кольцевую, вы повстречаете мутантов, окончательно потерявших человеческий облик. Не применяйте оружие против них. Пугает только внешний вид. В остальном это самые безобидные из существ, которых я знаю. Почти животные, уже утратившие всякую связь с цивилизацией. Прощай, Том. Подойди ближе и дай мне пожать твою руку.

Анатолий, переступив через себя, выполнил просьбу Жабдара. Выползшая из темноты бледная, исхудавшая рука была единственным, что он увидел.

Пока ганзеец находился у Жабдара, Анатолий присоединился к Крабу, уплетавшему за обе щеки какое-то варево из

шампиньонов. Краб со свойственным ему непостоянством объявил, что ему очень нравится на Молодежной. Анатолий, думая о здешнем радиационном фоне, ел без особого аппетита и, не поддерживая болтовни спутника, молча наблюдал за тем, что происходит на станции. Обитатели Молодежной выходили из своих палаток и направлялись к краю платформы. На путях что-то происходило. Анатолий встал и, пройдя сквозь толпу, увидел то, что заставило мутантов покинуть свои жилища. Парни, первыми встретившие Анатолия и спутников, несли Мобата. Могучие руки великана бессильно болтались, глаза были закрыты, а фиолетовые губы почернели. Мутант отдал последние силы для того, чтобы вырваться из плена и умереть среди своих собратьев. Прощаясь с Мобатом, мужчины Молодежной откинули капюшоны, обнажив лысые головы.

Анатолия кто-то тронул за плечо. Рядом с человеком, проводившим Анатолия к Жабдару, стоял улыбающийся во весь рот ганзеец. Он протянул руку:

— Михаил. А ты, кажется, Анатолий?

В такой момент улыбка купца выглядела неуместной, но что взять с загипнотизированного? Анатолий пожал протянутую руку. Троицу отвели в одну из палаток, где, как обещал Жабдар, их ждали автоматы, фонарики, рюкзаки с едой и, что самое главное, — пара отличных ботинок.



# ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

# СТРЕЛКИ СУДЬБЫ

## **ГЛАВА 15**

### **ШЕРСТУНЫ**

На этот раз вход в туннель не был замаскирован. В полусотне метров от станции идущие по стенам коммуникации поднимались на потолок, освобождая место для массивных раздвижных ворот. Множество засовов и запорных механизмов составляло сложную систему. Анатолию пришло в голову, что мутанты нечасто пользуются этим туннелем и совсем не рады гостям с той стороны. Наконец ворота с лязгом отъехали в сторону, открывая взору новые территории.

Никаких рельсов тут действительно не было, а пол покрывало дорожное полотно – растрескавшийся серый асфальт. Вдоль стен бежал мутный ручеек, стены влажно бле-



стели. Ко всему прочему, туннель явно пострадал от набегов охотников за металлом и проводами. Двери большинства подсобок были не просто сорваны с петель, а куда-то унесены. Из стен под разными углами торчали погнутые трубы и болтавшиеся на остатках креплений кронштейны.

Поражала бессистемность разрушений. Тот, кто крушил этот туннель, явно не хотел оставлять после себя ничего мало-мальски ценного. Анатолию встречались туннели, которые пострадали гораздо больше. Однако из них просто забирали все, что могло пригодиться, и оставляли лишнее, не прикасаясь к нему. Здесь все было по-другому.

Позади раздался скрежет задвигаемых ворот. Путники включили фонари, и лучи света сразу сделали туннель менее враждебным, чем минуту назад. Анатолий продолжал копаться в себе и своих ощущениях, пытаясь понять, что здесь произошло, но ответ, который, казалось, уже болтался на кончике языка, в последний момент ускользал.

Шорох, донесшийся из темноты, слышали все. Анатолий поводил лучом, пытаясь отыскать источник шума, но не увидел ничего, кроме свисающих с потолка обрывков кабелей и проема очередной, лишенной двери подсобки. Надпись над дверью не сразу бросилась в глаза, поскольку почти сливалась с серым фоном стены, но когда Толя ее заметил, то застыл на месте. «Смейся вместе с шерстунами!» – приглашал неизвестный автор выцарапанного на стене текста.

Хотелось бы увидеть для начала, как они выглядят, сказал себе Толя.

Остаться на месте не имело смысла, но, как только путники сдвинулись с места, шорох повторился. На этот раз он сопровождался звуком, очень похожим на тихий смех. Анатолий выключил фонарик. Туннель погрузился в

темноту, а шорохи донеслись сразу из нескольких мест. Мутанты, о которых предупреждал Жабдар? Резкое включение света ничего не дало. Смешок послышался из темноты, куда луч фонарика не доставал.

Побледневший от страха Краб сорвал с плеча автомат, но Анатолий погрозил ему кулаком. Не использовать оружия. Безобидные существа. Почти животные. Анатолий был согласен не открывать огонь по мутантам, но при одном условии: он хотел видеть существ, игравших с ним в прятки. Но у тех, кажется, были свои правила.

Они двигались впереди группы, иногда хихикали и держали вне досягаемости света фонарика. Эта игра выглядела невинной только на первый взгляд. Анатолий чувствовал, что еще немного, и он не сможет держать себя в узде. Нервы были напряжены до предела. Вот-вот он начнет палить из автомата в темноту, а безобидные мутанты будут сами виноваты в том, что спровоцировали его на резню.

И вдруг случилось странное. Невероятное.

Туннель впереди закончился глухой стеной. Кажется, тут когда-то случился обвал, и асфальтовая дорога упиралась теперь в каменные глыбы. Но, черт побери, кто же смеялся?! Толя сглотнул набежавшую слюну. В голову ему полезли мысли о тех самых духах, которых видел – и слышал – человек-змей.

Не веря своим глазам, он побежал вперед, к завалу. И только в самый последний момент увидел боковой ходок в правой стене. Ходок уводил в темноту, но недалеко. Анатолий оглянулся на своих спутников. Краб хмурился, Михаил радостно улыбался.

Толя решился и шагнул внутрь. Через пару десятков метров ходок вывел их в новый туннель – обычный туннель Метро, с обычными рельсами. Туннель шел параллельно



автомобильному, по которому они добрались сюда. Отряд мог продолжать двигаться в том же направлении.

В очередной раз направив луч фонарика вперед, Анатолий увидел нечто, заставившее его забыть о хихикающих мутантах. На путях стоял состав. Анатолий не раз слышал рассказы о том, что в разных уголках Метро сохранились почти целые поезда, остановившиеся в день начала Катаклизма и с тех пор не тронутые человеком. Ходили слухи и о поездах-призраках, бесшумно летящих по Метро с включенными фарами. Этот поезд не имел отношения ни к первым, ни ко вторым. Люди поработали над ним основательно. Фары переднего вагона не просто разбили, а даже унесли светоотражатели, оставив на их месте дыры. Из вагонов исчезли не только сиденья, но и поручни. Окна ощерились осколками выбитых стекол, а двери были заклинены в полуоткрытом положении.

Анатолий еще решал, входить внутрь поезда или нет, когда Краб направил луч своего фонарика вдоль вагонов. Анатолий вздрогнул. Стальные двери подсобок никуда не исчезали, так же как и ящики рубильников. Их небрежно свалили в груды вдоль стены туннеля, загородив узкий проход. Анатолий вернулся к первому вагону и убедился: та же картина наблюдается и с другой стороны. Кто-то предлагал им одно из двух: либо перебираться через баррикады, либо пройти через вагоны поезда. Последний вариант пахнул ловушкой, но ползти по горам ржавого железа тоже не хотелось.

Анатолий предпринял все меры предосторожности. Чтобы освободить руки, фонарики прикрутили проволокой к стволам автоматов. Войдя в вагон, Анатолий поставил Михаила рядом, а Краба – сзади. Смешки и шорохи к этому времени стали чуть ли не привычным явлением. Анатолий уже не пытался поймать в круг света существ, издававших

эти звуки. Они были достаточно хитрыми и подвижными для того, чтобы не попадаться людям на глаза. Главное сейчас было – пройти поезд насквозь, и Анатолий сосредоточился на том, чтобы не споткнуться о вздыбившиеся куски рваного линолеума на полу. Первый вагон остался позади. Без приключений удалось миновать второй и третий. Как только Анатолий протиснулся в четвертый, на крыше вагона послышались чьи-то шаги. Слишком легкие и быстрые для человека.

Анатолий рванул к ближайшему окну и по пояс высунулся наружу. На этот раз мутант не успел скрыться раньше, чем на него упал свет. Шарообразное существо, покрытое серой шерстью, завизжало, прикрывая лохматыми лапами глаза, затем подпрыгнуло, повисло под потолком туннеля, вцепившись в ржавые трубы сразу четырьмя конечностями, и, захихикав, стремительно рванулось в темноту. Это и есть «шерстуны»?

Мутанты пока не собирались нападать на людей, но как долго продлится перемирие? Возможно, они просто изучали незваных гостей, однако Анатолию не давала покоя мысль о заваленных боковых проходах. С какой целью их заставляли пройти через вагоны?

С проходом через поезд все тоже обстояло не очень-то гладко. Последний вагон оказался заваленным всевозможным хламом чуть не до потолка. На то, чтобы преодолеть баррикаду из ржавых труб, остатков сидений и поручней, ушло не меньше получаса. В таком положении члены отряда становились очень легкой добычей.

Когда впереди наконец замаячила дверь последнего вагона и пути за ней, Толя вздохнул с неподдельным облегчением. Несмотря на то что стекло в двери было выбито, ее ручка была старательно обвита толстой проволокой.



Если раньше Анатолий не видел логики в действиях тех, кто завалил боковые проходы, то теперь стало очевидно: им хотели помешать пройти дальше. Очень неуклюже, неумело, но весьма настойчиво. Шерстуны, если это были они, пытались сделать из поезда пробку и заткнуть ею горловину туннеля. Их потуги казались смешными, но непонимание конечной цели тревожило.

Когда Краб распутывал проволоку, шорохи и смешки усилились. Дверь распахнулась, и Анатолий первым прыгнул на пути. Луч фонаря вырвал из темноты не меньше десятка лохматых шерстунов, которые находились совсем близко. Несколько серых существ стояло на четвереньках и упершись передними конечностями в землю. Анатолий с трудом разглядел круглые, утопленные в шарообразном теле головы с большими, как у лемуров, глазами. Другие с поразительной ловкостью лазали по сводчатому потолку туннеля, прыгивали на рельсы и опять взбирались по стенам на потолок. Все это происходило под аккомпанемент хихиканья – языка, на котором общались существа. Как только Анатолий сделал первый шаг, шерстуны бросились врассыпную и исчезли в темноте. Что они хотели сказать или показать людям? Почему изменили тактику и перестали прятаться?

Анатолий двинулся вперед и вскоре заметил на месте, где были существа, трещину в грунте. Шпала, когда-то находившаяся на этом месте, провалилась под землю и теперь висела на глубине трех метров, зацепившись за края разлома. Анатолий посветил вниз фонариком, но луч света не смог достичь дна. При всем этом трещина не представляла собой серьезной помехи. Ее с легкостью можно было перепрыгнуть. Анатолий поднялся и, пожав плечами, дал сигнал к продолжению путешествия.

В течение последующих десяти минут впереди никто не появился. Смолкли шорохи и хихиканье. Что произошло? Существа посчитали свою миссию законченной и поэтому убрались известными только им ходами на свои подземные или наземные станции?

Анатолий решил, что приключений больше не будет, и про себя занес туннель, по которому они прошли, в список уже изученных.

Через минуту стало ясно – слишком рано.

Михаил вдруг уронил автомат, рухнул на колени и прижал руки к животу. Его вытошнило. Попытка встать, опираясь на автомат, успехом не увенчалась – ганзеец вновь упал. Рвота продолжалась до тех пор, пока Михаил не освободил желудок от всего, что съел на Молодежной. Но и после этого он не встал. Анатолий переглянулся с Крабом. Они поняли друг друга без слов: если бы отравились похлебкой с грибами и свиным салом, плохо бы стало всем.

Михаил тяжело и часто дышал. На бледном лице его выступили капли пота. Анатолий хотел что-то сказать, но голова вдруг налилась свинцовой тяжестью, а к горлу подкатил ком, мешавший дышать. Он увидел, что и с Крабом происходит нечто подобное. Анатолий всеми силами старался удержаться на ногах, но они не держали. Фонарик выпал из рук и откатился к стене. Опираясь на руки, Анатолий смог немного привстать. Взгляд упал на отрывок фанеры, воткнутой в щель между трубами. На нем было что-то написано, но разобрать, что именно, Анатолий не мог.

Успел прочитать только слово «осторожно», а потом в глаза ударил яркий свет. Он исходил из дальнего конца туннеля. Таким освещением могли пользоваться только на



очень богатой станции. Там, где не привыкли экономить на дизельном топливе. Это конечно же была станция Кольцевой линии. Цепляясь за стену, Анатолий наконец-то смог встать и пошел к выходу, опираясь на автомат, как на костыль. Стены туннеля словно расступились, и Анатолий с изумлением уставился на огромные хрустальные люстры, развешанные по всему потолку станционного зала. В каждой из люстр горело не меньше двух десятков лампочек. Такого расточительства Анатолию видеть не доводилось. Да и сама станция выглядела до того чистой, цивилизованной и ухоженной, что гостю невольно стало стыдно за свой вид.

— Торговля — двигатель прогресса, — сказал, улыбаясь, появившийся неизвестно откуда Михаил. — Сатанисты — славные ребята. Мы им оружие, они нам — горючее. Бывает, иногда бомжей им еще отправим, а то многовато их скапливается на наших станциях. Ганза — не резиновая. А на Тимирязевскую их сколько угодно влезает почему-то, хе-хе. Зато оглядись вокруг — электричество, свет, тепло. Ци-ви-ли-за-ция!

Толя изумленно смотрел на разговарившего вдруг ганзейца. Услышать от него такую долгую тираду было совершенно неожиданно — как в анекдоте про собаку, которая вдруг ответила своему хозяину на риторический вопрос. Михаил тем временем продолжал:

— Мы очень дорожим нашими отношениями с Тимирязевской. Поэтому, по просьбе наших уважаемых партнеров, я должен вернуть тебя обратно на эту чудесную уютную станцию. Дружба дружбой, а бизнес бизнесом. Вас уже ждут!

Анатолий увидел стоявшую на путях мотодрезину. На ней со скучающим видом сидели Коготь и Харон. Слепец

первым почувствовал приближение Анатолия и погрозил ему пальцем с длинным желтым ногтем:

– Забыл ты, бродяга, что слепые видят сквозь землю! Думал убежать от старика... Нет уж. Бафомету обещана жертва, и он ее ждет... Обманывать грешно!

Старик надтреснуто рассмеялся.

Коготь ничего не сказал, а просто подвинулся, освобождая Анатолию место рядом с собой. Следующим, кто спрыгнул с платформы на пути, был Мобат. Заметив удивленный взгляд Анатолия, он улыбнулся:

– Меня приняли за мертвого, но я вовремя очнулся и не позволил себя закопать.

Мобат уперся в дрезину руками и принялся ее толкать, а Коготь с мрачным видом пояснил:

– Кто просил портить двигатель? Сейчас бы прокатились с ветерком, а так... Можем, чего доброго, на торжество не успеть.

Анатолий тщетно силился понять, что происходит. События развивались так стремительно, что уследить за ними было невозможно. Как он попал на эту станцию? Куда подевался Краб и почему он возвращается на Тимирязевскую? Анатолий попытался отыскать хоть одно нормальное звено в этой цепочке дикостей и понял, что все пошло наперекосяк после фанерного прямоугольничка с надписью «Осторожно!». Он не соблюдал осторожность, о которой своим хихиканьем предупреждали шерстуны, и поэтому вновь оказался в плену.

Ритмично поскрипывая, дрезина катила к Тимирязевской. Анатолий чувствовал такое безразличие к происходящему, что решил не искать ответов на вопросы, а отдаться на волю течения и ждать, чем все кончится. Вотчина сатанистов встретила дрезину криками, от которых у Анатолия



зазвенело в ушах. Он машинально забрался на платформу и поплелся в конец станционного зала – к трем крестам. Возле них возился со стальной бочкой человек в ядовито-зеленом костюме и широких красных штанах. Он старательно подливал топливо в пересохшие черные лужи. Краб, неведь как оказавшийся на станции, обернулся, вытер тыльной стороной ладони испачканный в солярке лоб и встал к одному из крестов. Анатолия заставили стать ко второму. Подпрыгивая так, что из-под балахона были видны желтые узловатые колени, примчался Харон с двумя веревками. Как всегда, что-то бормоча себе нос, он привязал пленников к столбам. Сбегал к костру и швырнул в лужи солярки по пылающей головне. Сквозь языки пламени Анатолий увидел лицо Когтя. Тот вытянул руку и, указывая на Анатолия, громко произнес:

– Гори! И пусть черти утащат тебя в ад!

Стало невыносимо жарко. Раскаленный воздух просачивался в легкие и обжигал их. От черного дыма запершило в горле. Анатолий закашлялся. Выступившие на глазах слезы мешали что-либо рассмотреть. Впрочем, особой нужды в этом не было. Вокруг плясала стена оранжевого пламени. Она медленно приближалась, с жадностью пожирая свободный пятачок земли у костра. Анатолий с сожалением смотрел на носки ботинок, выданных мутантами. Он так и не успел вдоволь ими попользоваться. Он вдруг почувствовал боль в спине и понял, что уже не стоит, а лежит на полу туннеля. Вскоре было сделано еще одно открытие: его куда-то тащили. Возможно, черти вняли просьбе Когтя. Анатолий открыл глаза. Повернув голову, увидел, на своем плече руку, покрытую густой серой шерстью. Да и рука ли это? Скорее лапа. Три пальца, увенчанные плоскими, в зазубринах, когтями, вцепились в свитер.

Анатолий не пытался освободиться. Слишком много несуразностей, чтобы все происходящее с ним могло быть явью. Мертвые не могут оживать, когда им вздумается, а черти вряд ли покрыты серой шерстью и имеют на лапах по три пальца. Анатолий не знал ничего о физиологическом строении прислужников дьявола, орудующих у раскаленных сковородок, но был уверен – черти выглядят иначе.

Он опять в кошмаре, который вот-вот закончится. Все встанет на свои места. Отсчет времени пойдет от фанерной таблички с надписью. Что же все-таки на ней было написано? Анатолий закрыл глаза и на этот раз смог увидеть табличку очень отчетливо. «Осторожно! Выход подземного газа!» – вот о чем предупреждал фанерный огрызок. Шерстуны тоже пытались рассказать людям об опасности. Как могли, просили не задерживаться у трещины и не вдыхать выходивший из недр земли невидимый яд.

Анатолий понял, что уже не чувствует руку на своем плече. Тошнота прошла, но голова была пустой и тяжелой, как полое чугунное ядро.

– Ничего не понимаю!

Голос Краба с его вечно недовольными интонациями казался таким родным и близким, что Анатолий испытал сильное желание расплакаться от счастья. Краб тоже ничего не понимал, а значит, у них было много общего. Анатолий помотал головой, чтобы избавиться от липких остатков кошмара, сел и осмотрелся в поисках фонарика. Их вещи были аккуратно сложены у стены. Краб уже успел провести ревизию и, судя по довольному выражению лица, пропаж не обнаружил. Михаил задумчиво расхаживал вдоль путей. Анатолий на четвереньках добрался до фонарика и посветил в оба конца туннеля. Поезда не бы-



ло видно, но это совсем не означало, что они убрались от опасной зоны на своих ногах. Сюда их притащили шерстуны.

Анатолий отругал себя за то, что не проявил достаточно настойчивости и не расспросил Жабдара о существах, живущих на станциях, где нет никакой защиты от радиоактивного излучения. Такие наземные павильоны, наверняка подвергшиеся сильному разрушению, открыты всем ветрам и напастям. Разбитые стекла, полопавшиеся бетонные стены, выщербленные ступени, среди которых, хихикая, прыгают шерстуны. Они изо дня в день видят перед собой панораму вымершего города, знают о поверхности все, но не имеют возможности поделиться этими знаниями.

Кем были шерстуны до Катаклизма? Людьми, которые деградировали до состояния животных, или обезьянами, в которых мутации пробудили зачатки разума? Чудо произошло в любом случае. Не важно, со знаком плюс или минус. Природе понадобилось всего два десятка лет, чтобы разрушить устоявшиеся представления о том, что есть цивилизация. Сатанистам Когтя, например, посчастливилось остаться людьми, но они не приняли этого дара и без помощи радиации быстро превращались в чудовищ. Почти то же самое происходило с фашистами. Вспомнился и Михаил, назидательно выговаривавший по слогам в только что привидевшемся кошмаре «Ци-ви-лизааа-ция». Мутанты же, несмотря на все выпавшие на их долю страдания, сохранили в себе человечность.

Когда все пришли в себя настолько, что могли продолжить путь, во главе отряда двинулся Михаил. Анатолий не стал оспаривать первенства. Ведь там, куда они должны были выйти, царили нравы, о которых он знал только пона-

слышке. Граждане Содружества Станций Кольцевой Линии, по Толиным представлениям, считали себя элитой Метро. Торговали, выдумывали для себя развлечения и гнушались черной работой, для которой использовали бедняков с других, менее зажиточных станций.

Анатолий посмотрел на Михаила. Добротная одежда, гордая посадка головы говорили о принадлежности этого человека к касте хозяев. Сейчас он относится к спутникам вполне дружелюбно, но в кого превратится этот добряк, когда заговор Жабдара иссякнет или даст сбой?

Михаил, словно прочитав мысли Анатолия, обернулся.

– Я уже догадываюсь, где мы находимся. По всем признакам, туннель приведет на Киевскую... А вот дальше... Если это то, о чем я думаю, то с выходом на станцию у нас возникнут большие проблемы. Хорошо помню стальные щиты, закрывающие выход из этого туннеля, но ни разу не видел, чтобы кто-то оттуда выходил. Он находится в одном из двух тупиков, которые использовались для оборота составов, когда станция была конечной. Позже, перед самой войной, тупики приспособили для ночного отстоя поездов. Наши, кажется, не нашли применения тупикам. Всегда считал, что выход заварен намертво.

– Было бы хорошо, если бы ты ошибался, – сказал Краб. – Не думаю, что ради нас кто-то станет выпиливать дверь.

Анатолий не разделял пессимизма Михаила. Не такими простачками были ганзейцы, чтобы просто так отрезать один из запасных выходов в Метро. По логике, граждане Ганзы сначала бы исследовали туннель на предмет извлечения прибыли. И даже тогда не стали бы заваливать его.

Через сотню метров лучи фонариков уперлись в массивные двустворчатые ворота. Из-за больших размеров их укрепили приваренными крест-накрест металлическими



уголками. Между створками отчетливо виднелся грубый сварочный шов. Однако и дверь имелась. Неприметная, в которую можно было войти только пригнувшись, дверь находилась в правом углу ворот.

Михаил пожал плечами, виновато улыбнулся и, подойдя к двери, ударил по ней кулаком с такой силой, что ворота откликнулись низким металлическим гулом. Такой шум мог бы разбудить и мертвого. Однако никакой реакции на него не последовало. Ганзеец еще несколько раз ударил кулаком, подул на него, повернулся и принялся молотить в дверь ногой. Прошло еще несколько минут. Михаил прикладывал к двери ухо, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук с той стороны, и растерянно качал головой.

Краб, нетерпеливо топтавшийся у ворот, сменил Михаила и внес свою лепту в тщетные попытки отыскать признаки жизни по другую сторону ворот. Вскоре и он устал махать кулаками. Анатолий, не ожидавший такого приема, растерянно теребил лямку своего рюкзака. Прodelать такой долгий и опасный путь только ради того, чтобы биться лбом в запертую дверь? Оставалось одно: выждать пару часов, продолжая стучаться, а потом – возвращаться на Молодежную. И вот когда у Анатолия совсем опустились руки, раздался гулкий удар в ворота.

– Чего ломишься, урод? Хочешь, чтоб клешни оборвали? Так это мы мигом устроим. Уползай в свою нору и не вздумай больше сюда соваться!

Услышав голос, Михаил рванулся к воротам и принялся объяснять охраннику, что он не мутант, а уважаемый гражданин Ганзы, которого злая судьба забросила в забытый Богом и людьми туннель. Сначала охранник только хохотал в ответ, но затем начал расспрашивать

Михаила об общих знакомых. Ганзеец без запинки отвечал на самые каверзные вопросы, и часовой в конце концов замолк. Меньше чем через минуту из-за ворот слышались сразу несколько голосов и лязг отодвигаемых засовов.

Киевская признала в Михаиле своего.

МЕТРО 2033: ТЕМНЫЕ ТУННЕЛИ



## **Глава 16**

### **ПЕТЛЯ ГАНЗЫ**

За дверью располагался внушительного вида блокпост. Высота двух рядов набитых песком мешков значительно превышала человеческий рост. Между мешками был оставлен узкий проход, явно рассчитанный на то, чтобы даже один человек мог пройти в него только боком. Проход охранялся рослым детиной в комбинезоне с серыми камуфляжными разводами и лихо сдвинутым набок беретом. В руках патрульный сжимал короткий автомат с откидным прикладом.

Дальше шла следующая линия обороны – три ряда мешков высотой в полтора метра. С вершины этого сооружения грозно высовывались стволы пулеметов. За мешками, на

сдвинутых четырехугольником лавках, сидели трое часовых. Ганза не скупилась на охрану даже таких мало используемых туннелей и готова была отразить любые поползновения со стороны соседей-мутантов.

Четверо хорошо одетых мужчин обступили Михаила. Обнимали его, хлопали по плечу и засыпали вопросами. А вот на Анатолия и Краба никто, за исключением хмурых часовых, внимания не обратил. Да и те снизошли только для того, чтобы отобрать у пришельцев оружие. Когда Анатолий попытался двинуться вслед за Михаилом, парень в камуфляже молча встал у него на пути. Сделав вид, что обескуражен и возмущен таким приемом, Анатолий окликнул ганзейца. Михаил обернулся:

– Пропустите. Это со мной.

Часовой отступил в сторону, зато один из приятелей Михаила остановился и смерил гостей подозрительным взглядом.

– И где ты таких откопал, Миш? Этот в красных штанах, судя по роже, урка. А второй... Он, мне кажется, любого, кто поперек слово скажет, убить может.

– Они мне жизнь спасли. Попросили помочь...

– Спасли и слава богу. А все равно их проверить надо. Не можем же мы их без проверки на станцию пустить, сам понимаешь. Давай-ка их пока в комендатуру, а поблагодаришь ты их позже.

Толя ожидал, что заговоренный Михаил вступится за них, и едва не взвыл от досады, когда ганзеец кивнул в знак согласия. Анатолий, конечно, не ждал, что его возьмут под белые руки и отведут в мраморные палаты, но в глубине души надеялся, что Михаил хотя бы выведет их с Киевской. Теперь все надежды рухнули. Выбираться придется самим.



В стационарный зал Анатолий и Краб вошли в сопровождении пары охранников. Краткая, но очень емкая характеристика, выданная Анатолию подозрительным ганзейцем, заставила автоматчиков вести себя настороженно. Они поглядывали на Анатолия так, словно в любой момент были готовы на всякий случай пристрелить его.

Но вскоре Толя перестал обращать на них внимание. Здесь и так было на что посмотреть! Он не мог оторвать глаз от разноцветных мозаичных панно, которые ганзейцам каким-то чудом удалось сохранить. Расположенные между арками, ведущими на пути, мозаики изображали строителей светлого будущего в разных позах и ситуациях. На панно часто встречался Вечно Живой Ленин, а в торце зала его портрет размещался отдельно. Как ни напрягал Анатолий зрение, рассмотреть всю надпись под портретом он не смог. Прочел только отдельные слова: нерушимая, вечная, украинского, русского. Речь, понятное дело, шла о дружбе. Интересно, какое место она занимала в списке вечных ценностей Ганзы?

Анатолий очень жалел, что не может остановиться и вдоволь налюбоваться архитектурными изысками. Сказать, что Киевская была великолепна, означало бы не сказать ничего. Общего впечатления не портили даже развешанные повсюду полотнища с изображением коричневого круга – герба Содружества.

Из довольно пестрой толпы выделялись рослые, похожие на братьев-близнецов парни в камуфляже. Их береты виднелись повсюду, как серые шляпки грибов. Судя по количеству патрулей, Ганза была помешана на безопасности. Они останавливали людей и проверяли документы с такой тщательностью, будто видели в каждом шпиона. Ганзейцев можно было с легкостью отличить от гостей по уверенному

виду и неспешной походке. Здесь они были в своих правах... Впрочем, и на других станциях Метро они себя тоже чувствовали хозяевами.

Чтобы не вести пленников через толпу, охранники вывели Анатолия и Краба за колонны, к путям, где было относительно свободно. Анатолий увидел блокпосты в обоих концах туннеля и стал свидетелем сортировки, которой подвергался всякий, кто желал пройти на территорию Ганзы. Часовые уверенно делили пришельцев на три категории. Первую пропускали на станцию, второй давали от ворот поворот, а третью заставляли подняться на платформу и отводили в палатку с грозной надписью «Комендатура» над входом.

Анатолия и Краба тоже отнесли к третьей категории и втолкнули в палатку. Она разделялась на две половины составленными в ряд дощатыми щитами. В первой на деревянных скамейках и просто на полу сидели горемыки, вызвавшие у часовых подозрение. Во второй стоял стол, освещенный низко подвешенной лампой под абажуром, за которым расселась собственно комендатура. На краю стола стоял чайник, из носика которого поднималась струйка пара. Четверо раздухарившихся от чая мужчин с красными лицами блаженно пускали к потолку колечки дыма, стряхивая с самокруток пепел, и что-то оживленно обсуждали, то и дело наклоняясь к какой-то карте.

Когда конвоир доложил о задержании пары весьма подозрительных лиц, самый представительный и раскормленный из мужчин махнул рукой:

– Занят комендант. Разве не видишь, что я очень занят? Опаньки, шестерочка!

Анатолий, поначалу решивший, что комендатура обсуждает план намеченной на сегодня облавы, едва не рассмеял-



ся. Мужчины за столом использовали карту Метро для игры. Каждый из них поочередно бросал кость и передвигал фишку на количество станций, соответствующее выпавшей цифре. Судя по цветам фишек, каждая из них передвигалась по своей линии, а значит, игра не была совсем уж примитивной и требовала от участников внимания и сосредоточенности.

Комендант выигрывал и пребывал в прекрасном настроении, пока его взгляд случайно не упал на Анатолия. Тот уже был готов к тому, что выражение его лица вызывает определенные ассоциации, поэтому, когда комендант помянул его пальцем, ничуть не удивился.

– Откуда будешь, сокол мой ясный?

– С Маяковской, – с наглым видом ответил Анатолий, рассчитывая, что именно эта станция лучше всего подходит к его убогому наряду.

– А документов конечно же нет. Правильно?

Анатолий кивнул, вызывающе глядя на коменданта. Это была ошибка, так как от него здесь явно ожидали покорности и подобострастия. Комендант встал из-за стола, приблизился к Анатолию и, втянув носом воздух, поморщился.

– А воняет-то как, мать честная! Теперь знаю, куда тебя определить. Сегодня в холодной переночуешь, а завтра вольешься в славную когорту чистильщиков наших уборных. Я тебя сломаю, боец. Будь уверен, через неделю перестанешь испепелять всех своим взглядом и будешь ходить по моей команде на задних лапках. Нам на Киевской задиры без надобности. Мы тут кого хошь задерем! Ясно?!

Толя смотрел на его наглую лоснящуюся морду, на белый офицерский воротничок, врезающийся в малиновую

шею, на пухлые пальцы, смотрел в желтоватые заплывшие глаза... С какой стати эта сытая сволочь на него орет? Почему эта тварь должна определять, чего он, Толя, достоин и чего не достоин? Какого черта он собирается его тут воспитывать и, тем более, «ломать»?

В висках у Толи застучало. Жируют за счет чужих бед. Вооружают людоедов. Душат несчастных уродцев с Молодежной...

– Пошел. В. Задницу, – раздельно произнес Толя и добавил: – Буржуй.

Лицо коменданта сделалось пунцовым, затем побагровело.

– Что встали, остолопы?! – заорал он на конвоиров. – Бросить обоих в холодную до выяснения! А мы еще проверим, не красные ли вы шпики! Буржуем меня назвал, а? Какова сволочь?!

Анатолия и Краба вышвырнули из палатки. После вынесенного комендантом вердикта, отношение конвоиров к пленникам резко изменилось. С ними уже не церемонились. Уборщики туалетов и сочувствующие коммунистам заслуживают соответствующего обращения. Толчками автоматных стволов их прогнали через весь станционный зал и втолкнули в подсобку микроскопических размеров. Сидеть там пришлось, тесно прижавшись друг другу. В холодной совсем не было холодно. Даже наоборот. Полное отсутствие вентиляции и углекислый газ, выдыхаемый двумя постояльцами, привели к тому, что через полчаса оба начали изнывать от жары и духоты. Анатолий вытер рукавом струившийся по лицу пот.

В полном молчании прошло около двух часов. Духота стала совершенно невыносимой, и Анатолий поймал себя на мысли, что готов хоть сейчас приступить к чистке уборных, лишь бы не жариться заживо в тесной душегубке. Он



мысленно призывал ганзейцев вывести его на работы, но, когда раздался лязг дверного засова, не поверил своим ушам. До утра еще было далеко. Неужели хозяевам Киевской взбрело в голову вычистить все уборные до наступления дня? Дверь распахнулась. В лицо ударил поток свежего воздуха, а по глазам резанул яркий свет фонарика.

– Вот вы где! – Вошедший в подсобку Михаил оглянулся и прикрыл за собой дверь. – Насилу отыскал. Это комендант придумал вас сюда законопатить?

Анатолий кивнул. Михаил был последним, кого он ожидал увидеть в числе посетителей. По всей видимости, мозг купца все еще находился под воздействием гипноза Жабдара. Михаил вытащил из кармана два картонных прямоугольника, украшенных гербами Ганзы, и протянул их Анатолию:

– Это – пропуска. С ними вам любой блокпост нипочем. Не только на территории Ганзы, но и в других местах пригодится. Содружество Станций Кольцевой линии пока еще имеет авторитет в Метро.

Анатолию уже поднадоели рассказы о непререкаемом авторитете Ганзы. Благодарность благодарностью, а все остальное – позже. Он сунул пропуска в карман брюк:

– Идти можно сейчас?

– Самое время. Все спят, а часовые на блокпосту сменились. Улепетывайте отсюда побыстрее. Боюсь, мне из-за вас достанется. Сам не понимаю, зачем вам помогаю, но имейте в виду: передумать могу в любой момент. Топайте на Краснопресненскую, и чтобы глаза мои больше вас не видели!

Краб неожиданно бросился обнимать Михаила, крича при этом, что век будет помнить его доброту и детям закажет, хотя таковых у него не имелось. На этот раз Анатолию

удалось заметить, как еще один пропуск переключался из кармана бизнесмена в рукав пиджака Краба. «Горбатого могила исправит!» – подумал он, схватил Краба за шиворот и вытолкнул в открытую Михайлом дверь: оба оказались на перроне Киевской-Кольцевой. Спали на станции далеко не все, но столпотворения, которое наблюдалось днем, уже не было. Стараясь не обращать на себя внимания, Анатолий и Краб добрались до ближайшей арки, свернули за угол и спрыгнули на пути.

Заметив их, сонные часовые на блокпосту оживились. Один выступил вперед и сдвинул брови так, что стало понятно: о том, чтобы двум оборванцам покинуть станцию, не могло быть и речи. Остановившись в метре от охранника, Анатолий и Краб вытащили из кармана пропуска. Часовой не поверил своим глазам. Пропуска, кажется, были чем-то большим, чем обычные паспорта с наклейкой о ганзейском гражданстве. Может быть, документы сотрудников какой-нибудь тайной службы? Написано ничего такого на них не было, но кто знает? Часовой вертел картонки в руках и так, и этак, светил на них фонариком и явно готов был откусить от пропусков по кусочку на пробу, чтобы определить подделку на вкус. Убедившись в том, что документы подлинные, грозный страж отступил в сторону и махнул рукой своим коллегам:

– Пропустите. С ними все в порядке.

Краб, только оказавшись за блокпостом, рванул с места в карьер. Толе, который вполне понимал его желание оказаться как можно дальше от этого жирного царства, пришлось ухватить Краба за фалду пиджака и придержать. Они прошли степенным шагом не меньше пятидесяти метров. Как только силуэты охранников поглотила тьма, оба, не сговариваясь, перешли на бег.



Бежать по туннелю оказалось неожиданно здорово. Толя вспомнил, как мальчиком он любил, встав коленями на сиденье вагона, смотреть в окно на извивающиеся на кронштейнах черные силовые кабели. Движение поезда оживляло их, словно в анимационном фильме, превращая в нескончаемую змею с изогнутым телом. Сейчас, разогнавшись, можно было снова увидеть эту змею... Как в детстве.

Анатолий перешел на шаг только после того, как легкие начали разрываться от напряжения, а в боку закололо с непривычки. Тяжело дышавший рядом Краб показал рукой на тусклое пятно света вперед:

– Краснопресненская.

Блокпост встретил путников стандартной процедурой выхода постового на пути, лязгом автоматного затвора и грозным окриком. Однако пропуска с эмблемой Ганзы и здесь сработали безотказно. Увидев заветное коричневое кольцо, часовой стал настолько любезен, что пожелал обоим хорошего дня и улыбнулся им на дорожку.

Краснопресненская была своей сытостью и лоском похожа на Киевскую, но Толю не оставляло ощущение, что он находится на военной базе. Патрулей здесь было вдвое больше, а кроме них часто встречались и бойцы в совершенно другой форме.

– Регулярная армия, – шепнул Толе Краб, уважительно кивая на рослых солдат в зеленом камуфляже.

Все они были в длинных тяжелых бронежилетах, на боку болтались стальные шлемы и свисали новенькие автоматы с подствольниками. Посреди зала стояла предлинная брезентовая палатка с надписью «Казарма».

Переходы на другую линию были превращены в настоящие крепости, и пограничные дозоры на них были усилены

армейскими отрядами. Гражданских на станции вообще было маловато.

— А что тут... — начал было Толя и осекся.

Сам все понял.

Переходы с Краснопресненской были не просто на другую ветку — а на Красную линию. Пусть сейчас между давними врагами установился хрупкий мир, Ганза явно постоянно ждала от коммунистов подвоха.

Станция была на военном положении. Анатолия и Краба остановили для проверки документов не один и не два раза. Задерживаться здесь было точно нельзя. И выпускать Краба из поля зрения тоже. Боясь, что воришка сорвется и что-нибудь непременно стырит, а закончится все новым арестом, Толя буквально держал Краба за руку.

Но к тому моменту, когда они уходили с Краснопресненской, Краб с хитрым видом извлек из рукава фонарик, которого всего несколько минут назад у него не было и быть не могло.

— Мастерство не пропьешь, — щербато улыбнулся он.

Путники благополучно миновали следующий блокпост и вышли в туннель, ведущий на Белорусскую. Анатолий еще ни разу не путешествовал по Кольцевой, и все здесь ему было страшно любопытно. Первым, что бросалось в глаза, были надписи. Они размещались повсюду, где имелось свободное место, носили предупреждающий и просто информационный характер. Требования приготовить паспорт с визой, оповещения о вступлении на территорию Ганзы чередовались с предупреждениями о возможном нападении мутантов. Особенно тягостное впечатление вызвала надпись, сделанная у входа в боковой коридор: «Будь внимателен! Здесь пропали без вести 24 человека». Вся надпись была выполнена белой краской, а



цифра «24» – мелом; видно, приходилось менять ее слишком часто. Толя посветил фонариком в коридор. Не увидел там ничего особенного, но ускорил шаг – очень не хотелось стать двадцать пятым.

Оказывается, туннели Кольцевой, несмотря на свои относительную чистоту и сухость, тоже не были столбовыми дорогами. А может быть, подумал Толя, все эти люди пропали тут еще во время войны Ганзы с красными. Может, тут действовали партизаны. Похищали ганзейских языков и уводили в плен. А может, просто расстреливали где-нибудь в безлюдных уголках Метро.

По мере приближения к Белорусской размышления о надписях, взаимоотношениях левых и правых отошли на второй план. Сейчас Анатолия тревожили две проблемы. Он опасался того, что их могут узнать на блокпосту, где Краб так необдуманно полез в чужой рюкзак. Тут следовало молиться, чтобы часовые сменились. Другая проблема не могла разрешиться так просто. На пути к коридору Аршинова им придется пройти мимо места нападения червей.

В прошлый раз до цели тоже было рукой подать, а из-за безглазых монстров пришлось сделать такой внушительный крюк, что и сейчас дух захватывало. Вот если бы раздобыть автомат! Анатолий чуть было не обратился к Крабу с этой просьбой, но вовремя опомнился. Последствия кражи оружия могли оказаться гораздо хуже, чем новая встреча с червями.

Выбравшись из туннеля на Белорусской-Кольцевой, Толя и Краб поднялись в переход на родную Замоскворецкую линию, прошли мимо статуй каких-то древних богов с автоматами и венками, пьедестал которых был обложен грибами,дохлыми крысами и другими подношениями, преодолели ганзейские пограничные пункты и

оказались на второй Белорусской, бледном и чахлом двойнике кольцевой станции. Сейчас времени задерживаться тут не было. Главное, чтобы их не узнали...

Ни одного часового, дежурившего на блокпосту в прошлый раз, на месте не оказалось. Новый патруль проверял документы без особой тщательности. Причина столь наплевательского отношения к служебным обязанностям стала очевидна после того, как Анатолий перехватил встревоженный взгляд патрульного. Тот смотрел в туннель так, словно пытался различить во мраке цель, в которую следует разрядить всю обойму. Неужели все-таки черви?

Когда последний блокпост остался позади, Толя остановился, чтобы отыскать хоть какое-то оружие и не идти на червей с голыми руками. Нож... Кусок арматуры... Как на грех, ничего подходящего не попадалось. Когда попытка выкорчевать из цемента остатки какого-то рычага не принесла успеха, пришлось удовлетвориться единственным, что попало под руку, — ржавым болтом.

Приближаясь к месту, где произошла памятная стычка с червями, Анатолий и Краб сбавили темп. Хотелось проскочить опасный участок как можно скорее, но воспоминание о том, что подземные твари чувствительны к вибрации, отбивало охоту побежать. Анатолий осветил вход в знакомую подсобку. Баррикада, наспех сооруженная из двери, осталась на прежнем месте.

О червях напоминали только многочисленные вмятины на поверхности двери и изрытая земля. Анатолий встал на рельс и осторожно приблизился к норе между шпалами — месту, где черви утащили под землю собаку. Остановился и швырнул болт на несколько метров вперед. Болт со звоном ударился о рельс. Толя затаил дыхание. Проползла невыносимо длинная минута, но черви



так и не объявились. Тогда он подошел к болту, поднял и швырнул вновь. И еще. И еще.

– Знаешь, а я уже такое видел, – сообщил повеселевший вор. – В кинотеатре тогда работал. Как кино называлось, не помню. Сам понимаешь, не на экран я смотрел. Но лысого мужика, который тряпку к гайке привязывал и швырял ее, совсем как ты сейчас, хорошо помню.

Анатолий ничего не ответил. Он увидел знакомый боковой коридор и позавидовал памяти Краба. Сам-то он никак не мог припомнить, в какой последовательности и через какие промежутки времени следовало подавать сигнал фонариком. Азбука Морзе, черт бы ее побрал! Кажется, три короткие вспышки, три длинные и опять три короткие. Вроде так говорил Аршинов. Анатолий включил и выключил фонарик нужное число раз. Затаив дыхание, стал ждать ответного сигнала.

Прошла минута, две. Анатолий подал сигнал еще раз. Никакого эффекта.

Почему он решил, что Аршинов должен находиться в своем тайном логове? Возможно, как раз в этот момент он пирует на Войковской в компании дружков-анархистов.

Когда Анатолий уже совсем отчаялся, в глубине туннеля вспыхнул фонарик. Толя не стал считать, сколько раз он мигнет, а просто бросился навстречу Аршинову.

– Ты? Почему здесь? Почему один? – изумился прапорщик.

– Западня. Предал нас энкавэдэшник. Я один остался. Ребята... Нет их больше.

Аршинов некоторое время удивленно смотрел на Анатолия. Затем подошел и крепко обнял:

– Совсем поседел, брат. Но это ничего. Главное, что живой.

Толя развел руками, набрал полную грудь воздуха, собираясь рассказать прапорщику все, что с ним приключилось, да так и не решил, с чего начать. Стоял, вспоминал все и чувствовал, как набухают глаза, как по корке из крови, грязи, машинного масла ползет предательская слеза.

– Так что же, задание провалено? – спросил у него Аршинов.

– Еще нет, – потряс головой Толя.

– Помощь не требуется? – подмигнул ему прапорщик.



## ГЛАВА 17

### ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТВЕРСКУЮ

Аршинов уверенно шел по знакомому туннелю, не включая фонарика, и рассказывал о последних новостях.

– Помнишь, Толян, я у тебя щупальцами интересовался? Так вот, никакие это не щупальца, а змеи. Подземные, понимаешь? Они сквозь грунт с такой скоростью чешут, что теперь ухо остро держать надо. Одну атаку мы отбили, но думаю, эта мерзость теперь с силами соберется и на нас опять поперет. Если автомат в руках и патронов достаточно – бояться особо нечего, но если ты один, да еще безоружный, в туннеле окажешься – пиши пропало. Из наших одного утащили так быстро, что и глазом никто моргнуть не успел. Непонятно только, откуда взялись вдруг. Один

умник сказал, что, может, они это... мигрируют. Дай бог, чтобы он прав был. Потому что, если они сами не уйдут, мы с ними точно ничего не сделаем... Мда. Его-то они и схавали.

А Толе было достаточно просто слышать голос прапорщика, такой уверенный, такой домашний. Голос человека, который был надежным якорем, связывающим его с Гуляй Полем, с прежней понятной жизнью, который мог бы быть его другом и который все еще может-таки другом стать. Толя был уверен: отыскав Аршинова, он сделал даже не половину, а большую часть дела. Сознание того, что долю забот можно теперь переложить на надежные плечи, позволяло расслабиться от многодневного напряжения.

Он улыбнулся в темноту. Аршинов – настоящий, крепкий мужик. Он никогда не покажет удивления, а уж тем более страха. Даже о червях прапорщик говорит таким будничным тоном, словно служил с ними в одной части. Лучшей кандидатуры для похода на Корбута и его подопечных нечего и желать.

Аршинов отвел Анатолия и Краба метров на двести от развилки. Раздался негромкий щелчок, скрипнула дверь. В темноте раздались удаляющиеся шаги прапорщика. Вспыхнул огонек керосиновой лампы, и Анатолий увидел, что они не в какой-то подсобке, а в очень большом помещении, дальняя часть которого терялась во мраке. Можно было лишь различить очертания огромных шкафов, выкрашенных в темно-зеленый цвет и снабженных написанными через трафарет буквенно-цифровыми обозначениями. Именно таким и представлял себе Толя военный склад.

Аршинов поставил керосинку на стол, заваленный проводами, трубками и кусками проволоки.

– Мой секретный ангар. – Прапорщик с гордостью обвел склад рукой. – Здесь можно найти все, чего душа пожелает:



от мелкокалиберной винтовки до гранатомета «Муха». Там в углу бочонок с краном. Можете умыться, а заодно и сбросить свое тряпье. Особенно это касается тебя, нарядный дружок. Я понимаю, ты играешь в семафор, но хотелось бы привлекать поменьше внимания.

Анатолий ожидал, что Краб сорвется и пошлет прапора в дальние дали, но тот избавился от своей одежды молча и с видимой охотой. Они с наслаждением умылись чистой, холодной водой, и Анатолий пожалел лишь о том, что бочонок оказался слишком мал. Наметанным глазом бывалого старшины Аршинов определил размеры одежды и обуви. Когда умывание закончилось, Анатолия и Краба уже ждали комплекты формы.

На очищенном от инструментов и деталей столе стоял чайник, кружки и глубокие алюминиевые тарелки, доверху наполненные холодной свиной колбасой.

Во время еды Аршинов не докучал расспросами. Он просто посасывал свою самокрутку и смотрел на то, как работают челюсти и исчезает с тарелок колбаса. Утолив голод, Анатолий заговорил. Уже после первых слов лицо Аршинова помрачнело. На протяжении рассказа он несколько раз вскакивал с табурета и мерил шагами склад.

Когда Толя договорил, Аршинов закурил, качая головой:

– А на Войковской все еще ждут возвращения вашей группы.

– Группа еще действует, – серьезно ответил Анатолий. – Пока я жив, группа действует.

– Что будем делать? – Аршинов уселся напротив него.

– Для начала надо отпустить этого парня, – кивнул Толя на Краба. – Это мой проводник. Я ему патронов должен... Десять рожков.

Аршинов присвистнул, но не отказал. Сходил за патронами, принес набитые магазинами подсумки, положил перед Крабом. Однако тот награду не принял.

– Не надо мне этого. Лучше рассчитайся со мной по-другому, Том.

Толя внимательно посмотрел на него:

– Это как?

– Знаешь... Мне с тобой понравилось. Звучит, может, туповато... Но вроде как смысл какой-то у жизни появился. Чувство, что не зря все. Что для истории. – Он улыбнулся.

– Уверен? – немного оторопев, спросил Толя. – Мы, может, на смерть идем.

– Господи, – притворно испугался вор. – Это же у нас обычное дело, заместо ужина.

– А Крест?

– А что Крест? Он мне не папа и не мама. Такой же бизнесмен, как и все остальные. Только у него теперь свое дело, а у меня свое.

– Мир спасти? – усмехнулся Толя.

– Тебя из дерьма вытаскивать, – нагло подминул Краб.

– Да пусть идет, раз сам хочет, – высказался прапорщик.

– Он вообще-то вор, – предупредил Аршинова Анатолий.

– И что? А я – убийца, елы-палы.

Прапор прикурил одну самокрутку от другой, пустил едкий дым и оскалился.

– Ну и слава Кропоткину, – подытожил Толя. – Теперь к делу. Цель у нас та же – станция Дзержинская. На сей раз нас никто не проведет через границу... Штурмом, понятное дело, мы ее никогда не возьмем. Я оттуда выбрался через Лубянское кладбище. Но обратного пути найти не смогу. Остается только проникнуть с поверхности. Найти будки



вентиляционных шахт, вскрыть и спуститься вниз. Надеюсь, сверху красные никого не ждут. Прапор?

– Будки действительно есть, и над станцией Лубянка – ты извини, я уж ее по старинке – их в изобилии, – откликнулся Аршинов. – Оружие, снаряжение, тротил у меня есть. С дверью проблем не возникнет. Пусть хоть на сто заставов запирают, у меня взрывчатки хватит. Только одна проблема: кто-нибудь из вас бывал наверху?

– С детства не выходил, – признался Толя. – И очень соскучился.

Аршинов одобрительно ухмыльнулся:

– Это, поверь мне, не так весело, как ты думаешь. Но увлекательно. Потянуло меня на приключения на старости лет... Придется, видно, по полной программе.

Прапорщик скрылся между шкафами и вскоре вернулся с картой, на тыльной стороне которой виднелись бумажные полоски, скрепляющие истертые места. Со стола убрали посуду и расстелили план.

Карта была особенная, не чета тем, что Толя встречал раньше, где станции располагались по определенным геометрическим правилам: окружность, прямые линии. На этой карте станции Метро были не главными. Заключенные в кружки, красные буквы «М» рассыпались по улицам, проспектам и площадям в полном беспорядке.

– До Лубянской площади дойдем по Тверской. – Аршинов провел пальцем по улице, отмеченной на карте жирной зеленой линией. – Знакомый бродяга-сталкер говорил, что там пока безопасно и ночью можно пройти, не встретив ни одного чудища. На звезды кремлевские только смотреть нельзя... О Театральном проезде ничего не слышал, но если не ловить ворон, то проскочить его можно минут за десять. А начать, друзья мои, придется со

станции Тверская. В общем, к старым приятелям, Толян, хочешь не хочешь, надо идти. Разговаривать с этими отморозками – не самое приятное из занятий, но я надеюсь, что, если им дать на лапу, проявят человечность.

Анатолий подошел к брошенным на пол лохмотьям, вынул из кармана брюк картонные прямоугольники, полученные от Михаила, и показал Аршинову:

– Здесь два пропуска. У Краба есть свой.

Прапорщик взял протянутую карточку и присвистнул:

– А вы даром времени не теряли. Черт меня возьми, если это не пропуска ганзейских дипломатов. Ловко! С такими ксивами жизнь становится милее.

В прошлый раз Толя рассчитывал, что в контакт с подданными Рейха вступать больше не придется. Тогда он еле удержался от того, чтобы полезть в драку. Сможет ли он вытерпеть вновь и не сорваться? Оставалось надеяться лишь, что на Тверской они не задержатся. Да что там делать? Нашли нужного человечка, всучили ему взятку, брались на поверхность. Ничего, как-нибудь выдержит. Соберет в кулак всю волю и постарается меньше смотреть на мерзкие рожи.

– Хороший план. Когда выходим?

– Собираемся, поспим пару часов, и в путь.

Аршинов уложил гостей на длинных ящиках, а сам, прихватив керосинку, исчез среди шкафов и стеллажей. Подложив руки под голову, Анатолий смотрел в потолок. Он думал, что не сможет уснуть, но довольно скоро обернулся в мягкий кокон сна. Ему приснился город...

Он увидел на Москву с высоты птичьего полета. Дома, улицы, проспекты и скверы выглядели как разноцветные кубики, параллелепипеды, квадраты, круги и линии. Среди игрушечных на вид жилых массивов то тут, то там мелька-



ли обозначения станций Метрополитена. Анатолий понял, что видит не сам город, а во много раз увеличенную, объемную карту Аршинова.

Карта была живой. По улицам двигались машины, а во дворах домов и на тротуарах можно было рассмотреть фигурки людей. Они спешили по своим делам, спускались по игрушечным лестницам под землю, выходили наверх, соединялись в группы, вновь разделялись, чтобы растекаться по улицам людскими реками и маленькими ручейками. Обитатели гигантского муравейника влюблялись, женились, рожали детей, дрались и убивали друг друга, не подозревая о том, что их расписанной по минутам жизни вот-вот придет конец. Анатолий это предвидел, поскольку сейчас был Богом, бестелесным существом, парившим над Москвой.

И вдруг воздух сгустился настолько, что стал похожим на стекло. Вслед за этим невидимая, гигантских размеров воздушная волна прокатилась по городу, сметая все на своем пути, ломая деревья, как спички, оставляя после себя остовы строений с пустыми глазницами окон. Менее устойчивые домики сминались и рушились, словно карточные, погребая под обломками оказавшихся вблизи человечков. Машины взмывали в воздух, как игрушечные, сталкивались, отлетали к тротуарам, прямо под падавшие фонарные столбы. Какое-то время взрывались фонтанами голубых искр поврежденные линии электропередачи. Яркие краски стремительно тускнели.

Теперь Анатолий видел Метро. Оно тоже изменялось. Сначала остановились поезда, затем на станциях и в туннелях погас свет. Когда он загорелся вновь, то был уже не электрическим. Тусклые оранжевые огоньки осветили остовы составов. Вновь появились люди. Совсем непохожие на

тех, кто ходил по поверхности. Вездесущая, проникающая во все щели серая пыль обесцветила одежду и лица. Обитатели Метро брели от станции к станции в поисках лучшей жизни. Многих поглощали темные туннели, а те, кто добирался до цели, разочаровывался в ней и продолжал бесконечное путешествие под землей.

Изменились обозначения станций. Теперь вместо красных букв «М» в кружки были заключены другие знаки: коричневый круг Ганзы, красный флаг коммунистов, трехногая свастика Рейха, пентаграмма сатанистов. Анатолий отыскал Дзержинскую-Лубянку. Она обозначалась глазом. Черным, окруженным серебряным нимбом зрачком. В отличие от других символов око профессора Корбута пульсировало, втягивая в себя энергетические потоки соседних станций. Оно пожирало жизненные силы Метро, чтобы смешать их в жуткий коктейль и выплеснуть его обратно в туннели.

Последними, кого увидел Анатолий перед тем, как вырваться из пучины кошмара, были существа, оккупировавшие поверхность. По завалам битого кирпича, потрескавшихся бетонных блоков и ржавых металлических конструкций хаотично металась черные и серые тени...

Анатолий почувствовал сквозь сон, как кто-то трясет его за плечо.

— Томский, кончай дрыхнуть. Пять часов спишь, — раздался над ухом голос Аршинова. — Я здесь не для того, чтобы тебя сторожить!

Анатолий сел, потер глаза и зевнул. Прапорщик с помощью Краба уже собрал все необходимое для путешествия. Снаряжение упаковали в большие рюкзаки на алюминиевых рамах. Пока Анатолий споласкивал лицо остатками воды из чайника, прапорщик еще раз изучил карту и спрятал ее в рюкзак.



Обратный путь до Белорусской показался Толе коротким.

Он больше молчал, думая о том, что увидит, когда выйдет на поверхность, и что ожидает его в лаборатории Корбута. Ему вспомнилась Елена. Там ли она еще? Надеется ли, глупенькая, повести в последний бросок удивительный метропаровоз? Или смирилась уже с тем, что ей уготована роль безгласной подстилки для мерзкого толстяка? Нет, такая девушка ни за что не смогла бы жить обманутой и использованной! Тогда что же – сбежала? Брошена в тюрьму? Изнасилована и покончила с собой? Убила Никиту? Чем больше Толя думал о ней, тем больше распалял свое воображение.

Ведь он действительно влюбился.

Конечно, на Гуляй Поле у него бывали женщины – посвящение в боевики по-анархистски без этого не обходилось. Женщины бывали, а любви не было. Так просто, остудить пыл, позабавиться.

А тут... Но что, если она уступила Никите? Нет, добровольно она с ним никогда не станет... С этим мерзавцем... Хотя он для нее и начальник, и благодетель... Или станет?!

Одно было точно: Никиту Толя хотел задушить голыми руками. Даже к Корбуту он такой зверской злости не чувствовал. Одно дело – злой гений, другое – элементарный ублюдок и подлец.

А если она там? Если сидит в тюрьме, отказав сластолюбцу? Тогда, конечно, Толя освободит ее! Но сможет ли забрать с собой? Пойдет ли она, комсомолка, с ним – анархистом?

Толя улыбнулся. Он вдруг понял, что его Елена Прекрасная тянула его на Дзержинскую ничуть не меньше Корбута, и желание увидеть чудесную девушку вновь вело

его на проклятую станцию ровно настолько же, как и намерение спасти мир. И не факт, признался себе на миг Толя, что целый мир был важнее.

Тем временем Аршинов и Краб в очередной раз полялись и в очередной раз помирились.

Люди в форме, с автоматами на плечах и диппропусками Ганзы в карманах вызывали у дозорных центральных станций недоуменные взгляды. Но задерживать их никто не решался. Оставив позади Белорусскую, группа приближалась к Маяковской, когда произошла небольшая заминка. Фонарик выхватил из темноты странную грудку, лежавшую прямо поперек путей. Свет заставил грудку ожить и зашевелиться. Прикрывая глаза рукой, с земли поднялся явно не успевший протрезветь мужичок. Он долго смотрел на троих парней в камуфляже, а потом рванулся к Крабу:

– Здорово! Ты чего так вырядился?! Ссучился, падла? К вохрам подался?

– Отвали!

Краб оттолкнул кореша, достал из рюкзака подсумок с рожками и швырнул его к ногам пьянчуги.

– Кресту отнесешь. Передашь, чтобы обо мне больше не вспоминал. Скажешь, мол, помер Краб.

– Так ты мертвый? – разинул рот мужичонка и протер пьяные глаза.

– Труп-трупом! – кивнул Краб и отвернулся от старого знакомого.

Подниматься на платформу станции не стали. Держась у путевой стены, быстро проскочили эту клоаку и двинули дальше.

Уже в туннеле, ведущем к фашистскому треугольнику, чувствовалась напряженность.



Что-то, что не позволяло расслабиться. Аура страха. Нервы пошаливают, сказал себе Толя, но автомат сжал покрепче. Вскоре появился и первый признак приближения Рейха.

У стены лежал человек. Одежда, давно превратившаяся в лохмотья, едва прикрывала почерневшее от побоев тело. Он был мертв. Покойник прикрывал голову руками, но Анатолий заметил лысину, окруженную венчиком седых волос, багровый след от кольца на шее и горб. Цербер. Несчастный старик вырвался наконец на свободу. Ему больше не надо лаять, развлекая скучающих фашистов. Анатолий снял с себя куртку и накрыл горемыку. Больше ничего сделать было нельзя.

На блокпосту их встретил знакомый офицер. Он узнал Анатолия и развел руками:

- Опять ты, шутник. И снова к Малюте?
- К нему.
- Прокол. Нет Малюты.
- В отлучке?
- В отключке. Похоронили мы его вчера. Он хватил лишнего и решил с Цербером побаловаться, а старикан совсем взбесился. Ну и перегрыз рыжему горло. Собака загрызла хозяина. Такие вот дела. Теперь у нас ни Малюты, ни Цербера. Так что ты вовремя, цепь свободна.

Толю передернуло. Однако пришлось сдержаться.

– Не спеш. – Краб предъявил веселому офицеру пропуск Ганзы. – Мы здесь по дипломатической части.

– Ага. Дипломаты, – скептически оглядел Краба фашист. – Ты вообще на цыгана смахиваешь. А с цыганами у нас переговоры короткие.

Вперед выступил Аршинов, выразительно позвякивая патронами.

– У нас, партайгеноссе, дипломатическая неприкосновенность. Отойдем?

– А может, и не цыган. Темень такая, попробуй разгляди, – задумчиво произнес офицер, вернувшись через три минуты с оттянутыми карманами.

– Бизнес есть бизнес, как говорят у нас в Ганзе, – довольно улыбнулся Аршинов.

– Пропустить этих! – крикнул офицер своим подчиненным и опять обернулся к Аршинову: – Часика два придется подождать. Гермоворота за здорово живешь открыть не получится. Придется к начальству идти, своей головой ругаться. А там гестапо, проверки... – Он вздохнул.

– Зачем гермоворота? Зачем гестапо? К чему весь этот шум? – Аршинов протянул взяточнику очередную пригоршню патронов. – Может быть, есть путь поскромнее? Дыра, через которую можно без лишнего шума наверх вынырнуть?

– А, черт с вами! – Офицер снял фуражку и принялся обмахивать ею раскрасневшееся лицо. – Есть выход в будку вентиляционной шахты. Дверь в конце вестибюля Тверской. По-моему, не заварена...

– Так води же нас, фюрер! – с плохо скрытой издевкой произнес Толя.

Офицер перевел на него остывший взгляд:

– Нет, все-таки через гестапо.

Из-за этой милой шутки Аршинову пришлось расстаться еще с дюжиной патронов. Фашист приказал им молчать, чего бы ни случилось, и почти бегом повел к переходу на Тверскую. Встречные солдаты Рейха с удивлением рассматривали торопливую четверку, но при виде офицера отступали в сторону и скидывали руки в приветствии. К счастью, неприметную дверь в торце вестибюля, прямо под сви-



савшим с потолка флагом со свастикой, заварить не успели. Офицер повернул баранку запорного механизма, отодвинул засовы.

– Ауфидерзейн. А ты, юморист, – сказал он, презрительно глядя Толе в глаза, – учти, что это был последний раз. Увижу еще – покажу тебе, что значит русский порядок. Будешь болтаться.

Толино терпение лопнуло. Он шагнул к фашисту, враз оказавшись с ним лицом к лицу, и от всей души врезал ему коленом в пах. От боли офицер даже не смог закричать, а просто хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Анатолий сделал шаг назад, размахнулся и красивым прямым в челюсть довершил картину разгрома: фашист опрокинулся на спину, его фуражка, подсакивая, покати-лась по гранитному полу. Анатолий поднял ее и нахлобучил офицеру на голову козырьком назад.

– Но-но, кокетка, – сказал он. – Анархия – мать порядка. Полегчало!

## Глава 18

### ИДЕАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Дверь захлопнулась, лязгнули засовы.

Фашист предпочел замять историю: вызови он подкрепление, пришлось бы объяснять, что все эти люди делают у Рейха под сердцем. Пусть опасные гости проваливаются к чертям, и пусть сдохнут на поверхности.

Аршинов показал Толе кулак, расстегнул свой рюкзак и принялся натягивать защитный комбинезон. Анатолий и Краб последовали его примеру и тоже переоделись.

Прапорщик не спешил подниматься по винтовой лестнице. Он оперся спиной о перила, сдвинул защитный шлем на затылок и свернул самокрутку. Краб тоже собрался за-



курить – а вдруг, мол, это ритуал? Многое изменилось в нем со времени его первой встречи с Анатолием. Поубавилось суетливости в движениях, тверже стал взгляд и глубже косые морщинки по углам рта. Теперь можно было определить его возраст. Что-то около сороковника. Серьезнее он стал. И надежнее. Теперь с этим человеком не страшно было пойти в разведку.

Аршинов мучил самокрутку до тех пор, пока та не стала обжигать ему пальцы. Затем он достал из рюкзака карту Москвы, развернул и еще раз прикинул маршрут. На душе у него кошки скребли, но прапор сделал каменное лицо. Сложив карту, сунул ее в рюкзак и, достав из него противогаз, приказал остальным тоже экипироваться.

– Ну, мужики, всплываем на поверхность, – сказал он. – Еще раз напоминаю: вытянутая вверх рука с раскрытой ладонью – остановка, сжатая в кулак – вперед и с песней, один короткий взмах – огонь на поражение, два взмаха – отбой. Идти за мной след в след и держаться середины улицы.

Закончив инструктаж, Аршинов натянул противогаз, завязал лямки защитного шлема и надел перчатки. Анатолий и Краб последовали его примеру. Круг света запрыгал по ступеням винтовой лестницы. Желтое на черном. Анатолий вспомнил, что уже видел похожую картинку. В таких же тонах был выполнен конверт диска из отцовской коллекции виниловых пластинок. И название у этой пластинки было подходящим – «Лестница на небеса». Его разлука с небесами растянулась почти на двадцать лет. И вот сейчас, спустя всего несколько минут, состоится встреча с наземным миром. Анатолий ждал и боялся ее. В детских воспоминаниях небеса были голубыми и очень дружелюбными. На их фоне замечательно смотрелись черные галочки

птиц. А еще выше величаво плыл ослепительно яркий шар солнца.

Каким будет небо сегодня? Синим? Черным? Грязно-серым? Слепым? Зрячим? Добрым? Жестоким? Узнает ли он это небо, узнает ли сам мир, в котором родился?

Аршинов уже преодолел последний виток лестницы. Помедлив несколько секунд, повернул рычаг запорного механизма и толкнул дверь. Анатолий увидел в прямоугольном проеме черный силуэт прапорщика на фоне слабого серебристого сияния. Ему даже показалось, что вокруг головы прапора возник золотистый нимб. Смешно, ей-богу.

Аршинов, не оборачиваясь, поднял руку со сжатым кулаком и вышел из будки. Анатолий шагнул вслед за ним. И сразу оказался лицом к лицу с огромной луной. Не с выщербленным рожком месяца, а полной луной во всем ее ночном великолепии. Ее покрытый серыми пятнами диск напоминал советский металлический рубль с Вечно Живым Лениным. Плотный на вид в центре, по мере удаления к краям он становился все прозрачнее и плавно перетекал в ночное небо. Оно было черным, но не траурным. И таким бездонным, бесконечным, что стоявший на земле человек казался себе даже не песчинкой, а молекулой.

Луна светила очень ярко, но Анатолий легко различил вокруг нее множество звезд, маленьких дырочек на бархатном платье вселенской тьмы.

И вдруг Толя понял, почему те жители Метро, что спустились в него в сознательном возрасте, говорили о солнце, луне и звездном небе над головами с придыханием и дрожью в голосе. Только теперь он почувствовал, отчего и за чем небесным светилам и облакам посвящалось столько чудных стихов.



Анатолий перевел взгляд на темные силуэты полуразрушенных домов. Словно призраки, они обступили горстку людей со всех сторон. Несмотря на выбитые стекла, обрушившиеся перекрытия и сорванные с петель двери, выглядели они грозно.

Мертвый город застыл в пугающем безмолвии. Но плывущие по небу облака как-то нехорошо, неестественно оживляли его. Будто у безголового трупа нога подергивалась.

Анатолий почему-то представил себе ангела Апокалипсиса на фоне этих руин: ему, наверное, не страшна была бы никакая радиация. Ведь это временное, не имеющее для вечности никакого значения, явление. Мир, созданный для того, чтобы им любоваться, был погублен гордыней человеческой, когда кто-то из жалких людишек вообразил себя всемогущим Господом Богом.

Наверное, сказал себе Толя, жизнь на поверхности обязательно возродится, и главным в ней снова станут живые существа, у которых будет достаточно мудрости, чтобы собирать и накапливать, а не тратить и уничтожать.

Аршинов вел группу мимо здания, на котором Анатолий прочел надпись «Известия». Даже не прочел, а расшифровал по остаткам текста на фоне частично осыпавшейся стены. Лунный свет беспрепятственно проникал в здание через выбитые окна. Перед внутренним взором Анатолия вдруг предстали перевернутые столы в комнатах, перекошенные параллелепипеды книжных шкафов, пустые коридоры. По странной прихоти ветров и дождей в доме уцелели два из четырех круглых окон-иллюминаторов. Они напоминали глаза каменного исполина, который пришел на кладбище таких же гигантов, сел и глядит на них. И просидит так целую вечность, потому что спешить некуда.

Толя не сразу заметил, что с Крабом происходит что-то неладное. Он отстал от товарищей на несколько десятков метров, а затем и вовсе остановился на середине улицы. Анатолий помахал ему рукой. Никакого эффекта. Краб стоял, широко расставив ноги, и вертел головой во все стороны, словно отмахивался от невидимого насекомого. Анатолий жестом попросил Аршинова остановиться и бросился к Крабу:

– Ты чего?

– Город... Страшный... Пусто... Сил нет терпеть, – глухо произнес Краб, обхватив себя руками. – Не ожидал, что все здесь будет таким... открытым. Глазу не за что зацепиться. Я не могу идти по центру улицы. Можно, там пойду, вдоль домов?

– Ни в коем случае! – отрезал подоспевший Аршинов. – Кончай трясти хоботом, возьми себя в руки. Эта фигня называется боязнь открытого пространства. Агорафобия, слышал такое слово? Ты справишься, Краб.

Легче сказать, чем сделать: Краб дышал так часто, будто у него фильтры противогоза забились и воздуха не хватало.

– Вы чувствуете, как пустота давит? – оттянув резину, крикнул он. – Негде спрятаться! Не могу больше, пристрелите меня.

Неожиданно сорвавшись с места, Краб помчался к ближайшему дому, прикрывая голову руками. Такой прыти от него никто не ожидал. Аршинов растерялся, зато Анатолий решил действовать без промедления. Через некоторое время он таки нагнал Краба, повалил его и прижал к асфальту всем своим весом. Сначала Краб отчаянно сопротивлялся, но вскоре затих. Прошло долгих десять минут, прежде чем Анатолию удалось успокоить его и помочь ему встать. Ар-



шинов все это время прочесывал взглядом темные руины города, держа автомат наизготовку.

– Все, можно идти. Приступ обычно длится минут пятнадцать, не больше, – сообщил прапорщик, похлопывая Краба по плечу. – Ты как себя имеешь?

– Нормально. Не знаю, что это на меня нашло, но сейчас все в ажуре. Потопали, дождь начинается.

Краб был прав. Начинался дождь. Луна почти скрылась в пелене окутавших ее облаков. Стало значительно темнее, и контуры домов стремительно теряли свою четкость.

На асфальт упали первые капли. Поначалу они были мелкими и почти сразу же бесследно исчезали. Однако дождь быстро усиливался. На мостовой начали появляться первые лужи. Они росли на глазах, сливались в одно целое, а местами превращались в бурные потоки, вскоре затопившие всю улицу.

Лужи пузырились, на глазах превращаясь в бурлящие потоки. Аршинов включил фонарь: синеватый луч заплясал по косым струям. Отряд двинулся через площадь. Приходилось постоянно протирать стекла противоголов. За стеной дождя с трудом можно было различить развороченные внутренности автомобилей, брошенных на середине дороги или припаркованных у тротуара. Вскоре Анатолий разглядел во тьме памятник мужчине с круглым брюшком. Судя по шевелюре и бакенбардам, это был Пушкин. Он застыл на пьедестале в позе Наполеона, заложив руку за борт сюртука и зачем-то прикрывая низ спины шляпой.

Толя вдруг вспомнил примету, о которой рассказала когда-то мать: если на лужах появляются пузыри, то дождь должен скоро закончиться. Где это все было, где осталось? Мама, папа, пузыри на лужах, странные приметы сгинувшего мира, скрипка...

Все он правильно запомнил.

Все трое, задрав головы, остановились под разбитым плафоном с остатками надписи «Твер... ..лица». Пока брели по выщербленной, перепаханной и поглodанной временем Тверской, дождь и вправду кончился.

– Там Кремль впереди! – загудел Аршинов. – На него смотреть ни в коем случае нельзя! Тут переулками пробежим, иначе пропадем!

Они нырнули в темную арку. Аршинов проверил подствольник.

– А тут раньше Государственная Дума была. Днем тут не погуляешь... Депутанты просыпаются... Да и сейчас лучше бы проскочить побыстрее!

Хоть Толе и было страшно интересно, кто такие депутатy (во второй половине слышался отголосок безобидного слова «мутанты», но Аршинов, похоже, знал, что говорил), расспрашивать времени не оставалось.

Пройдя мимо безликого серого здания, гнезда депутатoв, товарищи свернули на следующую улицу. Никаких указателей на ней Толя не увидел, но, припомнив карту Аршинова, понял, что находится на Театральном проезде. Дома здесь пострадали значительно больше, чем предыдущие. Их разрушили не время и непогода. Анатолий увидел оплавившиеся края кирпичной кладки, вывороченные фонарные столбы.

Они миновали три или четыре боковых переулкa, как вдруг Аршинов резко вскинул руку с раскрытой ладонью. Он что-то увидел в глубине очередного переулкa. Быстро отступил назад, перебежал на тротуар и, высунув голову из-за угла дома, принялся всматриваться в темноту. Анатолий и Краб присоединились к прапорщику, который потушил фонарик и передернул затвор автомата. Вот оно! Город во-



все не так мертв, как кажется, а три человека не были единственными живыми существами в нем.

Анатолий проследил за взглядом Аршинова. В темном переулке кроме обычных кустов густо разрослись кусты невиданной породы. Толстые, лоснящиеся в лунном свете стебли толщиной в человеческую руку выползали из трещин в асфальте, вились вдоль бордюров, сворачиваясь кое-где в огромные клубки. Их мясистые остроконечные листья тянулись к выступившей из-за туч луне и раскачивались, будто пытались стряхнуть с себя капли дождя. На фоне безлюдного разрушенного города они выглядели страшновато. Но никакого другого движения в переулке не наблюдалось, и Анатолий не видел ничего, что могло бы насторожить Аршинова.

Внезапно то, Анатолий принял за клубок, пошевелилось и одним прыжком перемахнуло с одной стороны переулка на противоположную. Как ни напрягал Толя зрение, рассмотреть детали строения тела монстра ему не удалось. Вроде, похоже на жабу из книжек... Раздалось чмокание — огромное существо пило воду из лужи. Чавканье стихло. Тварь утолила жажду и приподнялась над землей на задних лапах, осматриваясь. В свете фонарей зажглись два зеленых глаза с узкими черными вертикалями зрачков. Люди замерли в напряженном ожидании. Спустя несколько секунд, показавшихся вечностью, «жаба» оттолкнулась от земли и, прыгнув на стену дома, с поразительной ловкостью вскарабкалась к ощерившемуся выломанными кирпичами отверстию в стене, перевалилась через край дыры и исчезла из поля зрения. Послышался тяжелый шлепок.

Аршинов жестом показал, что можно продолжать движение. Вскоре пришлось остановиться еще раз. В конце Театрального проезда дорогу перебегала стая существ, на пер-

вый взгляд похожих на собак. Однако впечатление оказалось обманчивым. Выглянувшая из-за облаков луна осветила развороченный автомобиль. Чтобы сократить путь, одна из собак прыгнула в салон, выбралась из него с другой стороны и скрылась за следующей машиной. Анатолий видел существо всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы понять: к собакам этих тварей можно было отнести только с большой натяжкой. Массивная голова, чрезмерно развитые челюсти и раскачивающийся при каждом движении мясистый гребень на спине делали чудище непохожим ни на одно знакомое Толе животное. Отвращение, которое вызывала эта «собака», усиливалось полным отсутствием шерсти на бело-розовом теле и странными, вихляющими движениями. Казалось, что тварь теряет равновесие и при следующем прыжке может рухнуть на асфальт.

Стая скрылась из виду, но через минуту напомнила о себе мерзким лаем. Звуки, издаваемые псами-мутантами, были чем-то средним между кряхтением человека, передвигавшего тяжелый предмет, и плачем ребенка.

У этого города новые жители, подумал Толя. У пустых домов новые хозяева.

А люди теперь здесь, наверху, только гости. Незваные и нежеланные.

Город не был рад тем, кто создал его. Он переродился и хотел забыть о своих творцах. Он был готов пожрать их и переварить.

Не случайно паниковал Краб. Аршинов, определив неожиданную вспышку ужаса научным термином «агорафобия», утверждал, что приступ длится не больше пятнадцати минут. Нет, не пятнадцать. Это на всю жизнь... Если люди дошли до того, что не могут обходиться без сводчатого потолка над головой и стен вокруг, а простор вызывает у



них ощущение незащищенности, то как они смогут доказать свое право на место под луной?

Группа миновала зону исковерканных взрывом домов и оказалась среди почти целых строений. Одно из них Толю буквально зачаровало. Оно состояло из трех частей. Центральную, самую высокую, украшала большая арка, ведущая во внутренний двор. Крышу этой части здания венчала башня с остроконечным шпилем. По периметру крыши шли перила причудливой формы. Штукатурка с них давно осыпалась, но пузатые столбики не утратили изящества очертаний. На боковых пристройках тоже были башенки, но уже с обломанными шпилями. Каждое из стрельчатых окон украшали выступы с чудом сохранившейся затейливой резьбой. Настоящий дворец. Архитектурное совершенство, созданное забытым гением. Аршинов дал сигнал остановиться, жестом подозвал спутников к себе и показал рукой на здание с циферблатом на фронте.

– Лубянская площадь.

У Анатолия камень упал с сердца. Им удалось добраться до нужного места без единого выстрела, без потерь! Оставалось только отыскать будку вентиляционной шахты и предоставить взрывнику Аршинову полную свободу действий. Толе захотелось ускорить шаг, даже побежать, чтобы приблизить развязку, но Аршинов вдруг пригнулся, подскочил к застывшему у тротуара разбитому микроавтобусу и спрятался за ним. Еще не понимая, чем вызвано странное поведение прапорщика, Анатолий и Краб повторили его маневр.

Откуда-то спереди донесся металлический скрежет. Толя осторожно выглянул из-за микроавтобуса. Впереди, примерно в пятидесяти метрах, стоявшие посреди улицы машины сдвинулись от мощного толчка.

Один из навеки застывших джипов вдруг накренился, упал набок и с грохотом перевернулся на крышу. Гигантский слизень, одновременно напомилавший формой гусеницу и улитку, двинулся вперед, отодвигая студенистой тушей машину в сторону. Сплошь покрытое коричневыми обрубками тело то сжималось, то вытягивалось. Головы у слизня не было, но на том месте, где ей полагалось быть в теории, подрагивали на щупальцах два студенистых глаза. Гигантский слизень оставлял после себя на асфальте светящуюся фиолетовую дорожку. Раздвинув два последних преграждавших путь автомобиля, чудовище уползло в боковой переулок. Аршинов выждал несколько минут, прежде чем дать команду продолжить движение, и не ошибся. Новый слизень последовал за собратом по уже расчищенному пути. Из-за небольшой скорости передвижения слизней можно было не опасаться, зато их выделения явно были ядовиты. Анатолий заметил, как пузырится дымящийся след твари.

Они с великой осторожностью перепрыгнули через широкую фиолетовую полосу. Не напрасно: выделения гиганта разъедали асфальт, как кислота.

Вскоре Театральный проезд остался позади.

Отряд вышел на Лубянскую площадь. Здесь властвовал семиэтажный дворец Комитета.

Анатолий рассматривал ряды почерневших от огня колонн, портал посредине фасада, окна, имевшие на каждом этаже свою, отличную от других окон форму, и вспоминал слова Корбута о том, что Лубянка не желает умирать и постепенно просачивается в Метро. Теперь Анатолий и сам мог бы добавить к рассказу профессора много красочных подробностей.

И скоро состоится встреча, на которой он передаст Корбуту привет от его альма-матер.



Взгляд Анатолия скользнул по нижней, отделанной серым камнем части здания. Вдоль фасада вымахали гигантские деревья с буйно разросшимися кронами. Чудовищные растения были агрессивнее иных животных и жизненное пространство для себя отвоевывали не хуже: некоторые деревья вросли в стену и теперь уверенно карабкались вверх, разрушая фасад бывшей резиденции ФСБ. В просвете между непомерной ширины стволами удалось рассмотреть герб чекистов – щит и меч и какую-то памятную таблицу.

Аршинов, все это время сверявшийся с картой и изучавший окрестности, наконец замигал фонарем, привлекая внимание остальных. Вентиляционная будка, незаметная и почти невидимая, была обнаружена.

Площадь представляла собой по-настоящему открытое, проросшее низким кустарником и травой пространство, которое следовало пересечь как можно быстрее. Группа уже добралась до середины площади, когда Анатолий заметил движение над фронтоном, украшенным часами без стрелок.

Неведомое существо, долго наблюдавшее за людьми из кроны дерева-исполина, решилось.

С громким хлопком летающая тварь расправила черные перепончатые крылья и одним мощным взмахом взвилась в воздух. На фоне лунного диска Анатолий отчетливо увидел маленькую голову с волнообразным гребнем и длинный остроконечный клюв. Размах кожистых крыльев монстра был точно не меньше шести метров.

С шумом рассекая воздух, птеродактиль сделал над площадью два круга, а на третьем стал резко снижаться. Люди бросились врассыпную. Анатолий увидел, что его накрывает огромная тень. Сердце сжалось от страха. Перед глазами мелькнули лапы с острыми изогнутыми когтями. Раздался

щелчок клюва. В предчувствии неминуемой гибели Толя зажмурился...

Однако ничего не произошло. Подняв голову, Анатолий понял, что крылатое чудовище промахнулось.

Теперь оно готовилось к новому нападению. Описав два сужающихся круга, летающий урод – помесь ящера и птицы – сложил крылья и спикировал вниз. Своей жертвой птеродактиль снова выбрал Анатолия, но на этот раз тот был готов к атаке. Когда крылатый ящер был всего в десятке метров, Анатолий упал на спину и вскинул автомат. Громкие крылья со свистом рассекали воздух, заглушая все остальные звуки. Толя не услышал грохота очереди, а лишь почувствовал, как, задрожал от выстрелов автомат, отдаваясь болью в плече. Обзор заслонил килеобразный нарост на брюхе монстра. Пули вонзались в плоть и вырывали из нее куски мяса. Анатолий на инстинкте откатился в сторону и вскочил разгибом вперед. Ящер ткнулся носом в то место, где он лежал секунду назад.

Птеродактиль заклекотал от боли, оттолкнулся лапами от асфальта, как ворона, взмахнул крыльями и с трудом поднялся в воздух. Анатолий послал вдогонку монстру гранату из подствольника.

В первые же секунды полета стало очевидным, что выстрелы нанесли чудовищу серьезный урон. От мощной, торжественной грации, с которой тот летел до стычки с человеком, не осталось и следа. Раненый птеродактиль начал заваливаться набок. И вдруг накренился так сильно, что его бросило на стену. В последний момент чудовищу удалось выровнять полет, и оно растворилось в ночном небе.

Отстрелялся! Почему же тогда Аршинов и Краб продолжают палить из всех орудий?

Нет, они целились вовсе не в небо...



В дальнем конце площади мелькали вспышки... Кто-то вел по ним огонь! Какого черта?!

Рассмотреть неожиданно возникшего противника Толя не успел. Он последовал примеру Аршинова и бросился к ближайшему укрытию: деревьям-мутантам, на которые сразу обратил внимание.

Пули выбили куски асфальта почти у самых его ног, но он достиг цели и юркнул за ближайший ствол. Прапорщик и Краб укрылись за соседними деревьями.

– Пропади все пропадом! – вопил Аршинов, выпуская пулю за пулей. – Откуда взялись, и какого дьявола им надо?!

Толя протер запотевшие стекла противогаза. Обзор улучшился.

Можно было рассмотреть людей, с которыми его группа ухитрилась столкнуться в самом неподходящем для этого месте. Что за ерунда... Они были без противогазов!

Однако, приглядевшись, Анатолий заметил, что один все-таки был в таком же противогазе без гофрированного хобота, как раз таком, как у его бойцов, и в прорезиненном защитном костюме. Двое из них в перестрелке не участвовали, поскольку несли на плечах широкие носилки. Груз, обернутый в ткань, явно не был тяжелым, но носильщики ступали так осторожно, словно несли что-то очень и очень хрупкое. Полностью сосредоточившись на своей ноше, они даже не обращали внимания на огонь!

Анатолий готов был поклясться, что очередь, выпущенная Аршиновым, зацепила одного из носильщиков. Тот сбился с шага, качнулся, но тут же восстановил равновесие и продолжил путь.

Зато группа прикрытия, сопровождавшая носильщиков, не собиралась оставлять Толиных бойцов в покое. Трое автоматчиков, выстроившись в одну линию, с колена, словно в тире, принялись поливать свинцом баобабы.

Стрелки даже не пытались залечь или использовать в качестве прикрытия рельеф местности, как это сделал бы на их месте любой мало-мальски подготовленный солдат. Почему они не пытаются добраться до укрытия?

Что-то в осанке этих людей, механически выверенных движениях и явном, но не показном презрении к опасности напоминало героев комикса, который Анатолий листал когда-то в детстве. Они были похожи на манекены или античные статуи, наряженные в камуфляж. И только человек в противогазе с надетой набекрень фуражкой, который руководил автоматчиками, вел себя совершенно иначе. Он прятался за спинами подчиненных и, размахивая руками, давал указания. Было что-то очень знакомое в порывистых жестах и приземистой, полной фигуре командира.

Анатолий прицелился в него, чуть было не надавил на спуск и вдруг узнал фуражку: точно такая же была на Никите в день его появления на Войковской.

Никита?!  
Значит, остальные – это... Это его бойцы? Толина диверсионная группа? Артур... Серега?!

Значит, эксперимент удался. Значит, ему придется сейчас воевать со своими пацанами. И либо он их, либо они его.

Серега и Макс тащили носилки, а Гришка, Артур и Дима обрушили на бывшего командира такой шквал огня, что от деревьев, за которыми прятался Анатолий, буквально летели щепки. Никита, разумеется, никак не ожидал этой стычки у входа в Метро и теперь во что бы то ни стало хотел уничтожить непрошенных гостей.



Его ребята... Они даже не думали защищаться, прятаться. Они были простыми мишенями. Толя поймал на мушку прицела Гришину массивную башку. Какими бы живучими ни делала людей генетическая перестройка, против пули калибра 7.62 в лоб она не спасет. Толя выдохнул... Мушка перестала прыгать...

Нет!

Не может Толя себя заставить стрелять в него. Пусть сначала Никита... Может, они очнутся сами, если Толя снимет командира... Но энкавэдэшник прикрывался живым щитом из гэмэчелов и постоянно менял позицию. Попасть в него было почти невозможно.

А вот Аршинов, похоже, не сентиментальничал. Снял точным выстрелом толстяка Димку... Тот завалился набок, перекатился на спину и развернулся ногами в сторону противника, пытаясь вести стрельбу из положения лежа, но прапор добил его новой очередью.

Следом ухватился за живот и медленно лег на асфальт изрешеченный пулями Гриша.

Прощай, Гриша. Вот и отшумели птицы Охотного ряда над твоей головой...

Крабу удалось пулей достать одного из носильщиков. Автоматная очередь хлестнула Макса по ногам и, очевидно, повредила сухожилия. Он рухнул на колени, а носилки накренились так, что обмотанный красной материей груз начал с них сползать.

На глазах у Толи погибал его отряд. И ничего нельзя сделать.

Никита же оставался невредим. Он-то знал, что не бес смертен...

Толя переключил автомат на одиночные выстрелы, затаил дыхание и тщательно прицелился. Однако толстяк вновь скрылся за спинами своих креатур.

– Отступаем! В Метро! Нас прикроют! – закричал толстяк так громко, что даже Толе было слышно.

Если они доберутся до входа на станцию, Толе и его двум товарищам конец. Группу гэмэчелов встретят части Красной армии, и трем диверсантам уже ничего не светит. Их миссия будет окончательно провалена, а тела их сожрут огромные слизни...

Отряд Никиты перестроил порядки. У носилок раненого Макса сменил Артур. Сам Максим подполз, волоча ноги по асфальту, к группе гэмэчелов. Они повели огонь так слаженно, что Аршинов, Краб и Толик не могли высунуться из-за деревьев. Однако Анатолия волновал не столько обстрел, сколько стремление Никиты унести носилки с поля сражения. Что же в них такое?

Выпустив вслепую длинную очередь в сторону своих бывших бойцов, Анатолий спрятался за ствол. И вдруг сообразил, что по ветвям можно забраться вверх, проникнуть внутрь здания! Сверху наверняка лучше обзор... Противник будет как на ладони.

Нижние ветви огромного баобаба начинались почти на высоте человеческого роста, а на уровне второго этажа и выше уходили в окна, переплетаясь с ветвями других деревьев. Анатолий забросил автомат за спину, повис на ветке, подтянулся и оседлал ее, а затем начал подниматься по перекрученным ветвям, как по ступеням винтовой лестницы.

Пули свистели над самой головой, несколько впились в шершавый ствол совсем рядом, а одна обожгла плечо.

Но Толе все же удалось проползти по ветке в оконный проем. Перемахнув через подоконник, он свалился на усыпанный кирпичными обломками пол кабинета на втором этаже здания.



## **Глава 19**

### **ПЕРЕСТРОЙКА ОТМЕНЯЕТСЯ**

Невиданной толщины стены слегка приглушили грохот выстрелов.

На первый план выступили другие, полупризрачные звуки.

Анатолию показалось, что он слышит голоса местных духов, а может, это был шум ветра, гулявшего по закоулкам полуразрушенного здания. В любом случае дальше хотелось идти на цыпочках, ступая как можно тише, чтобы не потревожить подопечных дяди Феди. Из этого странного состояния Толика вырвал пронзительный клекот, донесшийся с площади.

Забыв о духах Лубянки, он бросился к выходу из кабинета, с разбега перепрыгнув через груды сгнивших дверей. Коридор второго этажа был очень узким, отчего казался длиннее, чем был на самом деле. Анатолий миновал два кабинета-близнеца, свернул в третий и бросился к оконному проему.

Ситуация на площади кардинально изменилась. В бой вмешалась третья сторона. В небе над Лубянкой, заслоняя лунный диск кожистыми крыльями, парили сразу пять птеродактилей.

Краб и Аршинов оказались в выгодном положении, поскольку были прикрыты деревьями. Крылатые ящеры атаковали гэмэчелов, находившихся на открытой местности. В смертельном поединке столкнулись две равные по мощи, ненависти и жизненной энергии силы. Толя увидел, как поднимается Гриша и начинает шевелиться Димка. Гэмэчелы обрушили на птеродактилей ураган огня, но те не собирались отступать. Один крылатый ящер метнулся к стоявшему на коленях Димке, вцепился острыми когтями в плечи. И медленно, отягощенный грузом, поднялся в небо. Дима, как десантник на парашюте, продолжал палить из автомата.

Ящер отпустил добычу, швырнув гэмэчела на асфальт, но тут же подхватил его вновь. Оглушенный падением и выронивший оружие Димка безвольно повис в лапах чудовища. Несколько мощных взмахов крыл – и ящер скрылся за остовами домов Театрального проезда.

Птеродактили продолжали атаковать. Один из них схватил Гришу, второй с лету мощным ударом клюва снес Артуру половину черепа. Тот рухнул на землю, а носилки пришлось подхватить Никите.

Анатолий выстрелил в толстяка и чуть не попал: пуля сбила фуражку с его головы. Никита с Серегой, волоча но-



силки, скрылись в проходе между разросшимся сквером и зданием, фасад которого украшала громадная, насквозь проржавевшая буква «Я».

Да ведь Никита рвется к той же вентиляционной шахте! Быстрее, к другому окну... Может, Толя еще успеет перехватить их... Но вместо этого Толя смотрел как его отряд... Как его бывший отряд дает свой последний бой. Как сражается с летучими чудищами. И как проигрывает.

На площади разыгрывался завершающий акт трагедии, и Анатолий просто не мог, не имел права не принять в нем участия. Он опер локоть о подоконник, перехватил поудобнее автомат и поймал в прицел ближайшего ящера. Тот как раз кружил над площадью, выбирая добычу. Впервые появилась возможность вести прицельный огонь с удобной позиции.

Тут уж ты не должен промахнуться...

После нескольких точных попаданий ящер резко завалялся на левое крыло, перевернулся в воздухе и врезался в здание Политехнического музея. Цепляясь когтями за стену, он рухнул на землю и забился в судорогах.

Одержанная Анатолием маленькая победа не могла повлиять на исход основной битвы. Птеродактилю удалось повалить на асфальт Макса. Усевшись на нем, монстр яростно молотил гэмэчела крыльями и орудовал клювом, терзая добычу. В стороны разлетались куски окровавленной плоти. Наконец ящер уверился в окончательной победе и взлетел над площадью. На землю с грохотом упал Максов автомат.

Между тем Гриша не собирался сдаваться и продолжал бороться за свою жизнь в двадцати метрах над землей. Кажется, он сумел достать нож и теперь кромсал чувствительное брюхо чудища. В конце концов оно сдалось. Издав рас-

серженное шипение, монстр выпустил добычу. Гриша несколько раз перевернулся в воздухе. Падая со страшной высоты, он сумел пружинисто, с кошачьей грацией, приземлиться на ноги. Через несколько долгих секунд он медленно поднялся и упрямо двинулся к оброненному Максом автомату.

Над Лубянской площадью вновь раздался треск автоматных очередей. Гриша попеременно поливал огнем то терзавшего Диму птеродактиля, то носившихся в небе его собратьев.

Толя наконец сбросил оцепенение и кинулся в коридор. Хруст битого кирпича под ногами, грохот выстрелов и неистовый клетот птицеящеров... В голове крутилась одна навязчивая мысль: остановить Никиту, не позволить спуститься под землю, не дать ни ему, ни гэмэчелу с таинственным грузом попасть в Метро. Вся зараза должна остаться здесь – на прокаженной поверхности.

Анатолий вихрем пронесся по длинному коридору в торец здания, выглянул в окно и спрыгнул вниз. Приземление не прошло бесследно: он отшиб стопы, замешкался на пару мгновений и, возможно, поэтому остался жив. Никита стоял у будки вентиляционной шахты, стальная дверь ее была немного приоткрыта. У ног толстяка валялся ненужный противогаз. В одной руке он держал пистолет, а в другой сжимал рычаг запорного механизма. Услышав шум, Никита поднял глаза.

Взгляды врагов скрестились. Секунду-другую Никита раздумывал над тем, стрелять или нет, а затем рванул дверь на себя и нырнул в образовавшую щель. Дверь тут же захлопнулась. Пули из Толиного автомата лишь оставили глубокие вмятины на ржавом металле.

Приблизившись к двери, Анатолий подергал за ручку. Без шансов.



Теперь помочь мог только Аршинов с его запасами взрывчатки. В поисках прапорщика Толя шагнул в сторону площади и вдруг понял, что не слышит ни выстрелов, ни клекота птеродактилей. Какофония звуков сменилась полнейшей тишиной, от которой Толе стало не по себе. Что, если в побоище с крылатыми ящерами погибли не только гэмэчелы, но и Краб с Аршиновым?

Стараясь ступать бесшумно, он направился к скверу. Вскоре нашлось идеальное укрытие: на гранитном постаменте лежал валун, достаточно большой, чтобы за ним можно было укрыться. Подбежав к нему, Толя рассмотрел часть надписи, сохранившейся на подножии: «Этот камень доставлен обществом...»

За этим укрытием он и залег.

Над головой раздался знакомый свист рассекающих воздух крыльев. Вскинув автомат, Анатолий поймал в прицел пикирующего на него птеродактиля и нажал на спуск. Ничего. Клац. Когда он понял, что без толку израсходовал последние патроны на стрельбу по стальной двери будки, вместо того, чтобы перезарядить оружие, времени уже не осталось. Крылатое чудовище было всего в нескольких метрах...

Но тут из дальнего конца сквера донесся треск автоматной очереди. Свои прикрывают! Птеродактиль взмыл в небо и, не собираясь отказываться от добычи, принялся кружить над сквером.

Анатолий судорожно пытался вставить новый рожок, когда услышал чьи-то осторожные шаги. Спасителем, стрелявшим в крылатое чудовище, оказался вовсе не Краб и не Аршинов.

В нескольких шагах от Анатолия, целясь в него из автомата, стоял Гриша.

Лицо его, покрытое коркой грязи и подсохшей крови, напоминало маску. Одежда, располосованная птеродактилем и прошитая множеством пуль, превратилась в лохмотья.

Но он не чувствовал боли и не боялся терять кровь. Это был стальной человек, оживший памятник, безжалостный голем. Воин, о каком мечтали все диктаторы во все времена, но созданный отставным палачом после заката человечества.

Анатолий не пытался пустить в ход оружие.

Гэмэчел все равно выстрелит раньше.

Может быть, снять противогаз, чтобы Гриша увидел его лицо и услышал не искаженный резиной голос? Впервые он оказался с этим монстрочеловеком лицом к лицу... С таким родным – сколько боев, сколько дорог вместе пройдено – и совершенно чужим. Нездешним. Неподземным.

Толя опустил ствол. И вдруг вслед за ним то же самое сделал и Гриша. Почему? Узнал в Толе бывшего командира? Узнал собрата по эксперименту? Или просто как бездушный механизм перестал идентифицировать Анатолия как врага, как цель?

Толе показалось, что между ними образовалась какая-то незримая, тонкая связь. Поэтому гэмэчел и не...

И тут из кустов выпрыгнул Краб, как чертик из табакерки.

– Не стрелять! – отчаянно крикнул Анатолий, но опоздал.

Увидев Толю и гэмэчела, Краб без всяких предисловий выпустил очередь точно в спину Грише. Тот сделал шаг вперед, зашатался, но удержался на ногах.

Ситуация вышла из-под контроля. Гэмэчел развернулся на пятке и в движении, не целясь, ответил Крабу короткой,



точной очередью. Все пули достигли цели: вор выронил автомат, взмахнул руками и упал на спину.

В пылу схватки все забыли о птеродактиле, который воспользовался царившей внизу неразберихой, чтобы выбрать наиболее легкую и доступную добычу. Середину сквера накрыла огромная тень. Летающий ящер в полете сбил Гришу на землю, вцепился когтями в неподвижно лежавшего Краба и оторвал его от земли. Толя, боясь задеть Краба, с опозданием начал прицельно бить по крылатому монстру. Птеродактиль уже успел набрать приличную высоту. Ранить чудовище удалось лишь тогда, когда оно отлетело на достаточно большое расстояние. Однако крылатый ящер все же выронил свою добычу. Тело Краба, выглядевшее издали как темная точка, стремительно приблизилось к земле и пропало в руинах полуразрушенных сталинских многоэтажек.

Сердце Анатолия болезненно сжалось. Ощущение было такое, будто это он сам рухнул на землю вместо своего товарища. Он повернулся к Грише, и вдруг хлопнули выстрелы. У него на глазах череп гэмэчела разлетелся на куски, а обезглавленное тело, сделав несколько шагов назад и вперед, рухнуло на землю, заливаясь кровью. Ошарашенный стремительным развитием событий Анатолий с ужасом понял, что черед кошмаров продолжается. Он без сил опустился перед Гришей на колени.

– Стрелять точно в башку – самый надежный способ прикончить этих суперменов, – самодовольно заявил Аршинов, выходя из-за мемориального камня. – А куда подевался Краб? Мы разделились, чтобы быстрее найти тебя, а теперь его ищи-свищи...

Анатолий молча смотрел на прапора: тот блаженно улыбался, гордый своей победой. Воистину, не ведает, что творит. Анатолий устало махнул рукой:

– Никого искать не надо. Краба больше нет, его унес ящер. Здесь никого больше нет. Двое ушли под землю и заперли дверь изнутри.

– А я тут зачем? – Аршинов снял с плеча рюкзак и потрянул им. – Взрывчатки столько, что через пять минут я эту будку к едреной фене разнесу! Потопали, нечего тут расслаживаться. У нас еще дел по горло. Эх, давненько же я не брал в руки тротильных шашек.

Слова Аршинова, его бодрый голос заставили Толю сдвинуться с места.

Всего несколько минут назад потерял сразу двоих друзей. Корбут и Никита должны ответить за гибель его ребят.

Аршинов знал свое дело. Анатолий едва успевал следить за ловкими движениями профессионала. Заряд был заложен по всем правилам подрывного искусства. Прапорщик велел Анатолию отойти за угол ближайшего здания, забросил рюкзак за спину, чиркнул самодельной зажигалкой и присоединился к товарищу.

В последнее время было слишком много треска и грохота, поэтому взрыв показался Анатолию не слишком громким. Тем не менее свою задачу взрыв выполнил: металлическая дверь с грохотом упала на землю. Толя собирался сразу рвануть вниз по лестнице, но ему пришлось убавить прыть – мешала поднятая взрывом туча пыли. Как только она рассеялась настолько, что стала видна стальная лестница, Толя первым начал спуск в подземелье.

На восьмом, последнем пролете диверсанты сняли противогазы, перчатки и остановились перед знаменитой второй дверью. Анатолий надавил на рычаг, чтобы узнать, понадобится ли взрывчатка. Дверь послушно приоткрылась. Подоспевший прапорщик распахнул ее ударом ноги и в воздухе очертил полукруг стволом автомата. Никого. Ана-



толий остановился на середине бетонного куба. С ненавистью посмотрел на дверь, которая вела к подземному Лубянскому кладбищу.

Ворвался в коридор...

Корбут стоял у двери лаборатории, прижимая к груди стопку папок и бумаг. При виде бывшего подопечного профессор переменялся в лице, охнул и уронил свою ношу. Листки с чертежами и формулами разлетелись по полу, и Толя пошел к профессору прямо по ним.

– Эвакуируетесь, Михаил Андреевич? – спросил он. – Задержитесь на минуточку, сделайте милость. Как-никак бывший пациент в гости зашел!

Корбут был явно перепуган до смерти. Он пытался что-то ответить, но издавал только невнятное мычание. Совсем недавно Толя мечтал о том, как переломает экспериментатору ребра прикладом, но теперь боялся пришибить его одним ударом и тем самым лишить себя удовольствия поговорить по душам.

Наспех обыскав ученого, Анатолий схватил его как нашкодившего мальчишку за ухо и вздернул его вверх. Профессор встал на цыпочки, как дрессированный пудель. Заведя профессора в лабораторию, Толя толчком усадил его на ближайшую кровать и придвинул штатив с капельницей.

– Ну, профессор... Вы столько рассказывали мне о пользе превращения... Неужели самому неинтересно попробовать?

Глаза Корбута округлились от ужаса.

– Р-р-ради всего с-с-вятого... – Профессора начала бить дрожь. – Только не это...

– Да бросьте! Вы же станете генетически совершенным существом. Сможете покорять просторы, лежащие на поверхности! Будете неуязвимы для моих пуль. Может стать-ся, вообще никогда не умрете...

- Не надо... Зачем вам это?..
- Зачем это вам, профессор? Зачем вам было лишать меня моей жизни, моих верных товарищей? Зачем было превращать живых людей в механизмы? Зачем вам переделывать человека?
- Вы не имеете права!
- А какое право у вас было?
- Право ученого! Право гения! Я изменю мир!
- Увы. – Анатолий покачал головой. – Увы.

Он поднял Корбута за шкуру с кровати и силой впихнул его в распахнутую барокамеру.

– Вам не доведется изменить мир. Но мир сейчас изменит вас.

Он захлопнул дверцу барокамеры, крутанул вентили за поров...

– Не напрягаемся, – подмигнул он профессору.

Стены аппарата заглушали истерические вопли Корбута. Но за толстым стеклом иллюминатора было видно лицо безумца с распахнутым ртом и вздувшимися жилами.

В коридоре послышались выстрелы.

Аршинов! Толя оставил Аршинова наедине с двумя самыми опасными головорезами!

Прапор был опытным бойцом, однако устоять против гэмэчела и энкавэдэшника в узком коридоре не смог бы. Черт побери! Толя бросился к двери.

Никита, отстреливаясь из пистолета, пятился к лаборатории. Чтобы не получить пулю от Аршинова, Толя дождался, пока толстяк поравняется с дверью, и втащил его за шиворот внутрь, сделав ему подножку.

Тот быстро оправился от неожиданности, через миг уже поднявшись на ноги. Отточенным движением провел бросок через бедро. Анатолий кубарем покатился по полу.



Когда он встал, Никита уже держал его на мушке. Ситуация повторилась до мельчайших деталей. Черный зрачок пистолета завораживал и лишал воли. Сердце у Анатолия готово было вырваться из груди, в голове бухали молоты. Аршинов, кроя матом, спешил на помощь, но опаздывал в любом случае. Автоматом Толя тоже не успел бы воспользоваться.

— Вот и все, — сказал Никита.

И выстрелил.

Целился он ровно в середину лба. Шансов выжить — ноль.

Толя видел, как сгибается пухлый указательный палец, как уходит немного вниз ствол...

Конец.

Но в самый последний миг рука Никиты вдруг отскочила в сторону, и это дало Толе самую последнюю крошечную спасительную возможность. Толику показалось, что он видит закругленную головку покидавшей ствол пули. По крайней мере, он точно знал направление полета свинцовой пчелы и, отклонившись, на несколько миллиметров сторону, почувствовал колебание воздушного потока у своего виска.

Рядом с Никитой, словно материализовавшись из разреженного звенящего воздуха, стояла Лена, Толин ангел. Ангел-спаситель. Это она сбила прицел.

Никита метнул на нее бешеный взгляд и наотмашь тыльной стороной ладони хлестнул по челюсти. Голова девушки мотнулась, и она рухнула на пол.

Анатолий ударил мыском ботинка по запястью инструктора, и пистолет вылетел из руки Никиты, словно камень из пращи. Толя вцепился в китель толстяка, резко опустил на одно колено и швырнул противника через себя прямо на сто-

лы, уставленные приборами и колбами. Грохот падающих инструментов и звон стекла распался в голове Анатолия на составляющие и синтезировался в подобие победного марша.

Он вскочил на ноги, повернулся к Никите, замахнулся...

Тот все еще барахтался на столе, а когда наконец встал, стало ясно, что жить ему осталось меньше минуты: из раны в шее торчал длинный осколок стекла. Никита выдернул его, но остановить фонтан крови, бывший из перерезанной сонной артерии, было невозможно. Еще не осознав, что это конец, толстяк снова двинулся на противника, держа осколок, как нож, обратным хватом.

Потом вдруг понял, что не дойдет. Сел грузно на пол...

И прежде чем Толя успел понять, что происходит, вонзил осколок в спину несчастной девушки. Улыбнулся и умер.

Лицо Корбута, наблюдавшего за расправой над Никитой через иллюминатор барокамеры, посерело от ужаса. Толя метнулся к расprostертому на полу телу своей любимой. Потянул осторожно из раны стеклянный кинжал... Вслед за ним плеснула кровь.

Елена застонала.

Правая сторона... Он ударил ее в правую сторону. Сердце не задето... Но она может умереть от кровопотери! Толин взгляд упал на барокамеру. Он рванул запоры, откинул крышку. Корбут от ужаса трясся.

– П-прошу... П-прошу...

– Умеешь оперировать?!

– П-прошу...

– Останови кровь! Сука! Спаси ее! Спаси ее, и я сохраню тебе жизнь!

Корбут, сломленный, обмочившийся, не веря своим ушам, выполз наружу. Как битая собака озираясь на Толю, подобрался к девушке и ощупал рану.



– П-положи ее на стол... Я сделаю. Сделаю. В ране оскол-  
ки... Я сделаю.

Анатолий поднял своего ангела на руки и перенес на ку-  
шетку. Корбут поплелся к шкафам, извлек из них скаль-  
пель, спирт, бинты. Толя навел на него ствол: кто знает, на  
что способно сейчас это чудовище?

Корбут сделал надрез, установил зажимы...

И тут у Толи над ухом щелкнуло. Он поднял глаза.

Прямо перед ним стоял Серега. Его Серега. Друг с вось-  
ми лет. Спортсмен и инженер тренажеров из качалки на Гу-  
ляй Поле. Серега, которому Толя цитировал Кропоткина и  
рассказывал о мистике в «Мастере и Маргарите». Серега,  
мать которого приютила Толика-сироту, только-только по-  
терявшего Иннокентия Вениаминовича. Белый кафель пу-  
тевой стены Войковской, брезентовые стены «качалки»,  
портрет Че Гевары и бесконечные туннели, пройденные  
рука об руку.

Серега держал у Толиного виска ствол автомата. Глаза у  
него были пустые. Смотрел он на Корбута. На своего созда-  
теля и мучителя. На своего хозяина.

А Корбут теперь глядел на него.

– Ну, кажется, ветер переменился, – совсем другим голо-  
сом сказал профессор.

– Серый, – позвал своего друга детства Толя. – Сереж...  
Это ведь я...

Тот немигающим змеиным взглядом прополз по Толино-  
му лицу и ничего не ответил.

– Убей его, – приказал Корбут.

Серега кивнул.

В коридоре гроыхнуло, повалил едкий дым, и на поро-  
ге возник Аршинов.

– Елы-палы, – ошалело выговорил он. – Фигасе сцена.

Сергея с сумасшедшей скоростью крутанулся назад и прикладом въехал прапорщику в челюсть. Аршинов отшатнулся к стене и съехал на пол.

Сергея с сумасшедшей скоростью крутанулся назад и прикладом въехал прапорщику в челюсть. Аршинов отшатнулся к стене, съехал на пол.

Анатолий машинально поднял руку с пистолетом и нажал на спуск – хлопнул выстрел. Пуля вошла Сергею в основание шеи, он рухнул, как подкошенный.

– Прости, Сереж, – сказал Анатолий с болью в голосе. – Я не хотел так.

– Это грех, батенька, – издевательски продребезжал Корбут со своего места. – Чудовище-то он, он франкенштейн, а прикончил-то его ты...

Девушка застонала и заерзала на койке. Простыня, на которой она лежала, вся намокла от крови.

– Продолжай операцию, тварь! – приказал Анатолий.

Аршинов, матерясь на чем свет стоит, приподнялся на разъезжающихся ногах.

– Как у вас тут интересно, – нечленораздельно пробормотал он.

– Посмотри за ним, – попросил Толя у прапора.

Аршинов взял профессора на мушку, а Толя опустился на колени перед Сергеем. Тот лежал лицом вниз, и вокруг расплывалось целое море красной-красной крови. Обычной человеческой крови. Пуля вошла в затылок, а значит, выходя, снесла пол-лица. Переворачивать Сергея на спину Толя просто побоялся.

– Грех, – повторил он. – Грех.

В коридоре загрохотали сапоги. Корбут зашивал рану.

– Она будет жить, – недовольно сказал профессор, глядя Толе в переносицу.



Анатолий поднял девушку на руки. Посмотрел на Михаила Андреевича.

– Держи эту сволочь на мушке, – приказал он Аршинову.

– Вы же мне гарантировали жизнь, – откашлялся Корбут.

– Но я не обещал вам свободу. Вы идете с нами.

Покидая проклятую лабораторию, Аршинов швырнул себе за спину брикет взрывчатки и плотно притворил за собой несгораемую дверь.

## **Глава 20**

### **Судьба фараона**

Оказавшись в коридоре, Анатолий и прапорщик бросились к входу в туннель. Оттуда клубами валил дым и доносилось переходившее в свист шипение. Что-то большое и тяжелое ворочалось в бело-сером облаке совсем рядом с ними.

– Что за фигня? – растерянно спросил Аршинов, останавливаясь.

– Кажется, это не дым, а пар, – сообразил Толя.

Елена кашлянула, силясь что-то сказать. Медленно и трудно она подняла веки. Глаза у нее были мутными от боли. Толя затаил дыхание, прислушался к ее шепоту.

– Это же паровоз! – крикнул он.



– Какой, к черту, паровоз?! Ты с ума сошел?! – выпучился на него Аршинов.

– Слышишь пыхтение? Это паровоз! Все складывается! Понимаешь? Все складывается! То, что тащили гэмэчелы на Лубянке! И то, что говорила Лена о Мавзолее-2!

Прапорщик глядел на него, как на окончательного, пускающего слюну идиота. Корбут крутил головой, надеясь еще сбежать.

– Делай, что я говорю! Мы спасемся! – надрывался Анатолий.

Аршинов наконец поверил ему, и они нырнули в туннель.

Он был там! Настоящий!

Окутанный клубами дыма и пара, траурный поезд медленно полз мимо них, скрипя стальными суставами шатунов паровоза, похожего на огромную зеленую саранчу, заблудившуюся в подземельях метро.

Основные части приземистого метропаровоза – длинный цилиндрический паровой котел, будка машиниста и тендер, на котором высилась гора угля, были выкрашены в ярко-зеленый цвет. Низкая конусовидная труба, плюющая в потолок клубами серого дыма, корпус большого прожектора, буферные фонари и паровой колпак были черными. Ободья колес сверкали молочной белизной, зато соединявшие их кривошипы, шатуны и кулисы радовали глаз ярко-красной поверхностью. Поручни, судя по желтоватому блеску, были изготовлены из полированной латуни. На будке машиниста были выведены надписи «ИС 293» и «1937», а на щитообразном торце парового котла красовался хорошо узнаваемый профиль кремлевского горца, который оказался настолько дальновидным, что предусмотрел даже необходимость метропаровоза.

Прикрываясь Корбутом как живым щитом, Аршинов подобрался к самой будке, подскочил, ухватил за ногу машиниста и рванул его вниз. Ребром ладони по горлу – и под колеса. Хрясь.

– Давай свою девчонку!

Толя на ходу бережно поднял Лену, прапор принял раненую, потом втащил за шиворот профессора. Последним подтянулся Анатолий. Оказавшись на паровозе, они осмотрелись.

Вслед за локомотивом шла прицепная платформа. Ее борта были затянуты красным кумачом с черной окантовкой. В центре платформы возвышался стеклянный параллелепипед саркофага. Внутри лежал до половины укрытый чем-то черным Ленин, почти непопорченный. Аршинов с удивлением заметил, что линия волос на бритой голове вождя пролетариата нарисована темными точками. Одна рука была сложена в кулак, пальцы другой приоткрыты. В черном костюме и черном галстуке в белый горошек он выглядел как человек, заснувший в своем кабинете на диване после напряженного трудового дня.

На платформе станции, весело смеясь, болтали о чем-то четверо солдат почетного караула в красноармейской форме двадцатых годов с синими стрелецкими нашивками на гимнастерках и в буденовках с красной звездой. Аршинов довольно ухмыльнулся, увидев, что они вооружены трехлинейками с примкнутыми штыками, и поудобнее перехватил родной автомат Калашникова. Красноармейцы были скорее нацелены на участие в театральной постановке, чем на боестолкновение.

Машина тем временем была совершенно готова к скачку. Положив пришедшую в сознание Елену в будке паровоза, Анатолий в панике огляделся по сторонам. Он никак не



ожидал увидеть такого количества механизмов управления и приборов контроля у допотопной машины. Масса вентилей, рычагов, манометров и водомерных стекол... Как со всем этим управляться?!

Без Лены ему бы ни за что не справиться, и поездка завершилась бы тут же, прямо на Дзержинской. Но она, раненая, кашляющая кровью, с трудом встала и нетвердой рукой потянулась к приборам. Отвела на всю дугу регулятор пара, дернула за подвешенную на цепочке ручку. Раздался пронзительный свист.

– А посекретней нельзя? – закричал Аршинов, перекрывая голосом рассерженное шипение пара. – Нас же заметут в два счета!

– Иначе котел взорвется, – мотнула головой девушка. – А теперь – вперед...

Паровоз яростно зашипел. Дрогнули шатуны, со скрежежом и визгом прокрутились на месте колеса, сцепились с рельсами, и состав величаво поплыл по туннелю, медленно набирая ход. Солдаты в буденовках ошарашенно смотрели вслед отходящему поезду. Наконец они сообразили, что к чему, и принялись палить из винтовок, целясь в будку машиниста. Треснуло и рассыпалось стекло кабины. Аршинов, высунувшись наполовину из будки, для острастки с одной руки выпустил в стрелявших длинную автоматную очередь.

Анатолий прикрыл Елену собой. Солдаты почетного караула бросились вслед за паровозом, стреляя на бегу. К счастью, у трехлинеек слабая скорострельность. Красноармейцы часто останавливались, чтобы перезарядить винтовки. При такой стрельбе о меткости говорить не приходилось. Несколько шальных пуль угодило в саркофаг, но тот был сделан из непробиваемого стекла, и свинец старинных трехлинеек ему был нипочем.

– Не стреляйте в дедушку! Дедушку пожалейте! – заготовал Аршинов.

Елена до упора открыла вентиль подачи пара. Паровоз с ревом нырнул в черный зев туннеля. Аршинов нашел на полу плотные кочегарские рукавицы и лопату, взялся за черенок обеими руками и принялся бросать уголь в шуровочное отверстие топки. Огонь весело плясал на раскаленных добела углях. Дзержинская осталась позади. Стрелка тахометра уползла за отметку «десять». Набирая скорость, поезд мчался к Проспекту Маркса.

Корбут, бледный и перепуганный, сидел на полу кабины. Анатолий, блаженствуя, высунулся из будки. Разгоряченное лицо обдувал сильный поток воздуха. Не обычный вялый сквозняк метро, а настоящий, злой и бодрый ветер. С увеличением скорости стало трудно дышать от топочных газов, от горячего вихря, врывавшегося в кабину с удвоенной силой благодаря встречному движению машины. Но все это было сущей безделицей в сравнении со зрелищем, ожидавшим угонщиков на Проспекте Маркса.

Паровоз ворвался на станцию, разорвав натянутую поперек путей красную ленточку. Встречающие счастливо улыбались и размахивали бумажными цветами.

Но траурный состав не замедлил хода! Начался переполох. Представительный мужчина, одетый почти так же, как и сам покойный вождь, но с алым бантом на лацкане, бросился за паровозом, что-то крича.

– Оставь им Владимира Ильича! – попросила Елена. – Прошу тебя.

– Дедушка у нас в заложниках! – заорал Аршинов. – Он поедет с нами до конца!

– Мне очень важно, правда, – сказала Лена. – Я в него верю, понимаешь?



– Они нас в порошок сотрут, если мы его отдадим! – кричал Аршинов. – Они только поэтому тяжелую артиллерию не задействуют!

– Я с тобой готова уехать. Куда скажешь. – Лена теряла силы, и голос ее становился все тише. – Мы все заслужили покой. И он... Он тоже.

Глаза у нее закрылись, она пошатнулась.

Толя набрал полную грудь воздуха и метнулся в другой конец локомотива. Под пулями, пригибаясь, начал отцеплять платформу с телом вождя. Получилось! Вагон отстал от паровоза, постепенно замедляя ход. Анатолий бросил последний взгляд на его единственного пассажира. В какой-то миг ему показалось, что Вечно Живой Ленин подсматривает за ним с хитроватым прищуром из-под неплотно прикрытых век.

Раздались первые выстрелы, вскоре огонь стал более ожесточенным.

Пуля чиркнула Толю по щеке, другая впилась в бедро. Он взмахнул руками и упал. Теперь, когда прицепная платформа с вождем больше не прикрывала паровоз, он стал совсем легкой мишенью.

Ситуацию спас Аршинов. Он подскочил с брикетом взрывчатки, запалил фитиль и швырнул шашки вслед платформе с Лениным, которая уже успела въехать в туннель. Гроыхнул взрыв, и своды туннеля рухнули, погребая под тысячами тонн земли вождя в его стеклянном гробу и отрезая преследователям дорогу.

– Говорят, с того, кто прибрал покойника, Бог три греха снимает, – сказал Толя.

– Что ж ты раньше не рассказывал?! – обрадованно крикнул ему Аршинов. – Я теперь себе карму чистить буду! А если я сам этих покойников укатал – считается?

Паровоз на полной скорости неся на блокпосты, приближаясь к границам владений красных. Следующей станцией была Библиотека имени Ленина, территория Полиса.

Толя встал, подволакивая ногу, двинулся к кабине.

У приборной доски машиниста стоял Корбут. Стоял, нежно обнимая Елену... Нет, не обнимая, а прижимая ее к себе. В одной руке у него был револьвер – видимо, один из бесчисленного аршиновского арсенала. И ствол смотрел прямо в подбородок несчастной девушке.

Впереди слышались испуганные крики: на блокпостах началась настоящая паника.

Многотонная железная махина, набрав обороты, всесокрушающим молотом древних богов летела вперед. Никто не сможет остановить ее... Аршинов, схватив лопату, подбросил угля.

И тут Корбут сорвал стоп-кран.

– Вы злоупотребляете, – процедил Анатолий.

Забыв о боли, он одним махом оказался в будке паровоза и точным ударом отвел выпаливший револьвер от своей любимой.

– Конец экспериментам! – Анатолий вышвырнул профессора из кабины.

– Мракобесы! Вам не остановить прогресс! – прокричал тот, забираясь на кожух парового котла.

Балансируя, как эквилибрист, профессор двинулся вперед, к носовой части паровоза, к трубе. Он сейчас был окутан клубами пара, и попасть в него было непросто.

– Давайте-ка доедем до Полиса! – прокричал издевательски Корбут оттуда. – Там ценят науку! Там у меня начнется новая жизнь!

И тут паровоз ударил буфером в заслон блокпоста.



Поезд резко качнулся в сторону, и дернуло так, что Анатолию пришлось вцепиться в поручень обеими руками. Раздались скрежет и лязг. Анатолий уже думал, что паровоз сошел с рельсов и сейчас начнет срезать тюбинг со стены туннеля.

Корбут, вцепившись в трубу паровоза, выстоял.

Машина выровнялась и снова набрала скорость. Впереди показался второй блокпост. Побросав автоматы, испуганные солдаты метнулись в сторону от мешков с песком. Анатолий не слышал их криков, но видел разинутые рты и искаженные ужасом лица. Мощный удар буферного бруса разметал мешки с песком в разные стороны.

Профессор махнул руками, ухватился было за трубу, но не удержался и полетел вниз – ровно под колеса механического монстра.

Хряп, хряп, хряп, хряп.

Полное торжество научно-технического прогресса.

## Эпилог

Паровоз застыл у перрона станции Библиотеки имени Ленина, немного не доезжая до середины, как раз под нарядным транспарантом «Добро пожаловать в Полис», натянутым над путями.

Из кабины выбрался, подволакивая ногу, статный мужчина. Чумазый, с рассеченным лицом и почти совершенно седой. На руках он нес девушку, ее руки свисали плетью, а голова была запрокинута назад. Следом показался мощного сложения солдафон с помятым лицом.

Толпа забурилась.

– Доктора! – выдохнул первый мужчина. – Доктора!

Толя не находил себе места. Из операционной выносили окровавленные простыни, внутрь прошмыгнула медсестра



с тазом горячей воды. Анатолий пытался встретиться с ней взглядом, но та прятала глаза.

Кажется, дело было совсем худо.

В комнате ожидания царил полумрак: под потолком тле-ла единственная лампочка. Поэтому, наверное, Толя и не заметил сразу сидевшего в дальнем углу помещения высокого мужчину в плаще с капюшоном и выключенным фонариком в руке.

Узнав давнего знакомого, Толя вскочил на ноги.

– Она выкарабкается?

– Поможем уж, – пробурчал Путевой Обходчик. – Жалко девчонку.

– А я? – спросил Анатолий. – Мне куда?

– Куда хочешь, – пожал плечами Обходчик. – Твое задание выполнено. Ты свободный человек. Все Метро твое.

– Я тогда, наверное, тут останусь, в Полисе, – сказал Толя. – С Леной. Попробую новую жизнь начать. Как будто я другой человек.

– Не хочешь назад, на Гуляй Поле?

– У меня там никого не осталось. И там верить нужно. В простые истины. А мне теперь трудно... верить.

– Это пройдет, – сказал Обходчик. – Зарубцуется.

Он поднялся со своего места. Приблизился к Толе. Поднял руку и отбросил капюшон. И Анатолий увидел человека с суровым лицом и поседевшей головой. Свое зеркальное отражение.

Толя улыбнулся.

– Мы ведь встретимся еще?

– Конечно. Мы ведь с тобой еще должны найти те самые рельсы... Которые блестят даже в самых темных туннелях. Пока у тебя просто привал, солдат.

На пороге показался Аршинов – чисто выбритый, свежий и совершенно не пахнувший алкоголем.

– Толян! С кем это ты тут разговариваешь? – озадаченно вглядываясь в полумрак, спросил он.

– С судьбой, – негромко отозвался тот.

Дверь операционной приотворилась. Наружу выглянул усталый хирург в зеленом халате. Толя бросился к нему, схватил за руку. Врач улыбнулся и хлопнул парня по плечу.

– Все будет хорошо.